

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

43 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображён *Грегор Иоганн Мендель* (1822–1884) — выдающийся учёный, основоположник генетики, чьи открытия заложили фундамент современной биологии и изменили представление о механизмах наследственности.

Иоганн Мендель родился в небольшом сельском поселении Хейнцендорф в Моравии (ныне территория Чехии) в семье крестьян. С ранних лет мальчик проявлял необычайную тягу к природе: он с интересом наблюдал за растениями и животными, подмечая различия между особями одного вида. Семья жила скромно, и образование для сына было серьёзным финансовым бременем, однако родители всеми силами старались поддержать любознательность Иоганна. Уже в начальной школе учителя отмечали его выдающиеся способности к точным наукам и исключительную память.

В 1834 году Мендель поступил в гимназию в Троппау, где особенно преуспел в математике и физике. Учёба давалась ему нелегко из-за постоянной нехватки средств: юноше приходилось подрабатывать, чтобы оплачивать учебники и жильё. В 1840 году он окончил гимназию и поступил в философские классы в Ольмюце, где изучал физику, математику и естественные науки. Именно в этот период Мендель всерьёз увлёкся экспериментами и начал понимать, что закономерности природы можно описывать языком чисел и статистики.

Тяжёлое материальное положение вынудило Менделя искать стабильный путь в жизни. В 1843 году он принял решение поступить в августинский монастырь Святого Фомы в Брюнне (ныне Брно). При постриге он взял имя Грегор. Монашеский статус давал не только кров и пропитание, но и доступ к библиотеке, лекциям и научным дискуссиям. Монастырь был важным интеллектуальным центром региона, и здесь Мендель смог продолжить образование, а позже даже преподавать физику и естественную историю в местной гимназии. Правда, сдать экзамены на звание учителя ему так и не удалось — дважды он проваливался на устных испытаниях, хотя в письменных работах неизменно показывал высокий уровень знаний.

С 1854 года Мендель начал проводить свои знаменитые опыты с посевным горохом в монастырском саду. Выбор объекта был не случаен: горох легко выращивать, он быстро даёт потомство, а его признаки (цвет цветков, форма и окраска семян) чётко различаются и наследуются предсказуемо. В течение восьми лет Мендель скрупулёзно скрещивал растения, подсчитывал тысячи потомков и фиксировал результаты. Он ввёл строгие правила эксперимента: использовал чистые линии, контролировал опыление вручную, вёл подробную статистику. Именно сочетание биологического эксперимента с математическим анализом позволило ему сформулировать законы наследственности — закон единообразия гибридов первого поколения, закон расщепления и закон независимого комбинирования признаков.

Результаты своей работы Мендель изложил в труде «Опыты над растительными гибридами», который представил в 1865 году на двух заседаниях Общества естествоиспытателей в Брюнне. В 1866 году статья была опубликована в ежегоднике общества. Однако современники не оценили масштаб открытия: работа осталась практически незамеченной. Лишь немногие учёные обратили внимание на строгую математическую логику выводов, но широкого признания не последовало. Сам Мендель пытался повторить свои опыты на других растениях и даже на пчёлах, но результаты оказались неоднозначными — впоследствии выяснилось, что механизмы наследования у этих организмов сложнее, чем у гороха, и не укладываются в простые схемы.

Интересный факт: Мендель не только занимался наукой, но и активно управлял монастырём. В 1868 году он был избран настоятелем монастыря Святого Фомы. С этого момента научная деятельность отошла на второй план: административные обязанности, финансовые вопросы и забота о братии отнимали почти всё время. Тем не менее даже в роли аббата Мендель оставался верен своему аналитическому подходу: он тщательно вёл учёт расходов, внедрял рациональные методы управления и даже интересовался метеорологией, регулярно записывая данные о погоде. Эти наблюдения он публиковал в научных изданиях, демонстрируя широту своих интересов.

Ещё один любопытный эпизод связан с отношением Менделя к религии и науке. Будучи глубоко верующим человеком, он не видел противоречия между своими религиозными убеждениями и научными поисками. Для него изучение природы было способом познания замысла Творца, а строгие законы наследственности — проявлением гармонии мироздания. Эта внутренняя цельность помогала ему сохранять терпение и настойчивость даже в периоды неудач и непонимания со стороны коллег.

Признание пришло к Менделю посмертно. В начале XX века, когда учёные заново открыли законы наследственности, работы Менделя были переосмыслены и признаны фундаментальными. Три исследователя — Хуго де Фриз, Карл Корренс и Эрих Чермак — независимо друг от друга подтвердили его выводы и указали на приоритет Менделя. С этого момента его имя прочно вошло в историю науки, а сформулированные им принципы стали основой генетики.

Умер учёный 6 января 1884 года в возрасте 61 года от хронического нефрита.

Сегодня имя Грегора Менделя известно каждому биологу, а его законы изучают в школе. В его честь названы научные премии, институты и даже кратер на Луне. Монастырский сад в Брно, где он ставил свои опыты, стал местом паломничества учёных и любителей науки.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ангелова Э. А.

Юридическая ответственность судьи: понятие, признаки, соотношение с правовым статусом 69

Ануфриенко П. В.

Конституционный Суд РФ как гарант стабильности гражданского оборота: анализ практики по спорам в сфере предпринимательства 72

Ахметчанова Н. В.

Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма и уничтожение памяти жертв, погибших при защите Отечества, как способ противодействия героизации нацизма 74

Бахронова Н. И.

Особенности расследования безвестного исчезновения граждан.....76

Белевитина А. Г.

Становление и развитие института концессионных соглашений в Российской Федерации 78

Белевитина А. Г.

Правовое регулирование концессионных соглашений в зарубежных государствах.....81

Биджоян Д. Э.

Правовые средства обеспечения целевого использования объектов концессионных соглашений в курортной инфраструктуре 85

Биджоян Д. Э.

Защита прав частного партнера при неисполнении публичным партнером обязательств по соглашениям о государственно-частном партнерстве на курортах 87

Богатов Д. Е., Приймак Е. Н.

Государственное управление в условиях цифровой экономики в Российской Федерации: научный анализ и правовое регулирование.....88

Бондаренко А. Н.

Правовая природа единого недвижимого комплекса 91

Бочарина Д. А.

Дисциплинарное увольнение: судебная практика 2024–2026 годов, типичные ошибки в правоприменении и пробелы правового регулирования 93

Булатова А. Р.

Участие специалиста при назначении экспертиз и в судебном следствии.....98

Васильева Е. О.

Стандарты доказывания и проблема определения периода простоя при расчете упущенной выгоды арендатора 101

Васильева Е. О.

Влияние обязанности по минимизации убытков и замещающих сделок (статья 393.1 ГК РФ) на размер упущенной выгоды арендатора 103

Вишталюк В. И.

Спорные вопросы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (статья 111 УК РФ) 105

Воробьева К. С.

К вопросу о совершенствовании понятия «свидетель» в российском уголовном процессе..... 108

Гозиев З. Х.

Теоретико-правовая характеристика понятия, предмета, объекта и субъектов общественного контроля за деятельностью органов прокуратуры..... 110

Горбунова Т. Б.

Нарушение требований охраны труда: спорные вопросы квалификации..... 113

Гордеева Ю. А.

Критерии разграничения камеральных и выездных налоговых проверок: правовой анализ 115

Давыдова И. А.

Функционально-целевое предназначение судебного штрафа 118

Долгова Д. В.

Классификация судебных ошибок в гражданском судопроизводстве 120

Дуюнов А. А.

Мелкое взяточничество (статья 291.2 УК РФ): обоснованность самостоятельного выделения и проблемы правоприменения 122

Еремин К. А.

Утечки персональных данных как трансграничная угроза: масштабы и международно-правовые средства противодействия 125

Зайцева А. А.

Правовые основы защиты персональных данных в цифровой среде 129

Зеленина А. А.

Криминологическая характеристика личности женщин, совершающих преступления 132

Зелепукин В. А.

Прокурорский надзор за обеспечением жильём детей-сирот: проблемы исполнения судебных решений и практика применения жилищных сертификатов 135

Исмаилова Д. М.

Правовое регулирование координационной деятельности органов прокуратуры в условиях военных конфликтов: проблемы и пути совершенствования 139

Казанова А. А.

Формирование адвокатом правовой позиции по гражданскому делу с использованием искусственного интеллекта: пределы допустимости и распределение ответственности 141

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Юридическая ответственность судьи: понятие, признаки, соотношение с правовым статусом

Ангелова Элени Анзоровна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуется институт юридической ответственности судьи как особый межотраслевой правовой феномен, занимающий самостоятельное место в системе юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, судья, правовой статус судьи, независимость судьи, несменяемость, неприкосновенность судьи.

Понятие юридической ответственности судьи

В общей теории права юридическая ответственность традиционно понимается в двух основных аспектах: как обязанность лица претерпеть неблагоприятные последствия правонарушения (ретроспективная ответственность) и как оценка поведения и его последствий, находящая выражение в мерах принуждения. Классические разработки проблемы юридической ответственности принадлежат С. С. Алексееву [8] и В. Н. Кудрявцеву [12], которые рассматривали её как форму негативной реакции государства на правонарушение и одновременно как обязанность правонарушителя претерпеть лишения личного, организационного или имущественного характера.

Применительно к судье обе трактовки требуют корректировки с учётом особенностей его правового положения. В доктрине сложились несколько подходов к определению ответственности судьи. В рамках первого подхода ответственность судьи рассматривается как разновидность должностной ответственности, осложнённой гарантийными механизмами. Второй подход акцентирует внимание на ответственности как элементе правового статуса судьи, находящемся в системной связи с принципами независимости и несменяемости; данный аспект подробно исследован М. И. Клеандровым, который включает ответственность в число «смежных» компонентов статуса судьи [10]. Третий подход, представленный в работах Н. А. Колоколова и П. А. Гука [9; 11], предлагает рассматривать ответственность судьи как комплексный межотраслевой институт, объединяющий нормы конституционного, административного, уголовного и гражданского права, объединённые специальным субъектом и особой процедурой реализации.

Обобщая нормативный материал и доктринальные позиции, ответственность судьи можно определить как обусловленную особым конституционно-правовым статусом носителя судебной власти обязанность судьи претерпеть установленные законом неблагоприятные последствия виновного противоправного деяния (нарушения норм законодательства о статусе судей, процессуального и иного законодательства, совершения порочащего честь и достоинство судьи поступка) либо установленную законом обязанность государства возместить вред, причинённый неправомерными действиями судьи при осуществлении правосудия, реализуемую в особом процедурном порядке органами судейского сообщества и уполномоченными государственными органами.

Нормативную основу института составляют прежде всего ст. 12.1, 14 и 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [2], а также положения процессуального законодательства, в том числе ст. 447–449 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4], регламентирующие особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи. Из приведённого определения следует, что ответственность судьи имеет двухкомпонентную структуру: ответственность судьи перед государством и обществом за надлежащее отправление правосудия и, опосредованно, ответственность государства перед лицами, чьи права нарушены, — выражённую в механизмах реабилитации и возмещения вреда, причинённого судебной властью [13].

Признаки юридической ответственности судьи

Системный анализ позволяет выделить следующие признаки, характеризующие юридическую ответственность

судьи и ограничивающие её от ответственности иных субъектов.

Во-первых, специальный субъект. Ответственности подлежит лицо, наделённое полномочиями судьи в конституционном порядке, что определяет применимость к нему не общих, а специальных норм материального и процессуального права. Особенность субъекта сохраняет значение и после прекращения полномочий: ряд последствий (ответственность за действия при осуществлении правосудия) связан с периодом исполнения обязанностей судьи [2].

Во-вторых, особая нормативная основа. Ответственность судьи урегулирована специальным законодательным массивом: Законом «О статусе судей в Российской Федерации» [2], нормами процессуального законодательства [4], а также Кодексом судейской этики [6]. Примечательно, что нарушение последнего в части, не связанной с осуществлением правосудия, может влечь дисциплинарную ответственность, что придаёт кодексу этики качества нормативного регулятора, не типичные для актов корпоративного уровня. Данное обстоятельство отмечается и в новейшей доктрине [14].

В-третьих, особый процедурный порядок реализации. Привлечение судьи к любой форме ответственности обусловлено усложнённой процедурой, включающей участие органов судейского сообщества. Так, решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого принимается только руководителем следственного органа при наличии согласия соответствующего органа судейского сообщества, а заключение о наличии признаков преступления выносится судебной коллегией соответствующего уровня (ст. 448, 449 УПК РФ) [4]. Дисциплинарная ответственность реализуется исключительно квалификационными коллегиями судей (ст. 12.1, 22 Закона о статусе судей) [2].

В-четвёртых, ограниченный (исключительный) характер мер. Дисциплинарными взысканиями в отношении судьи признаются лишь замечание, предупреждение и прекращение полномочий судьи (ст. 12.1 Закона о статусе судей) [2]. Отсутствие промежуточных санкций, характерных для иных видов публичной службы, отражает специфику статуса судьи: государство не может «ограничивать» статус судьи частично — полномочия либо сохраняются, либо прекращаются.

В-пятых, повышенный стандарт вины и оценки поведения. Судья не может быть привлечён к ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое решение, если вступившим в законную силу приговором не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо в преступном вынесении заведомо неправосудного решения (п. 3 ст. 16 Закона о статусе судей) [2]. Для привлечения к дисциплинарной ответственности закон требует установления обстоятельств, свидетельствующих о нарушении судьёй предъявляемых требований и о невозможности применения к нему иных мер воздействия.

Соотношение ответственности судьи с его правовым статусом

Правовой статус судьи представляет собой закреплённую нормами права систему прав, обязанностей и гарантий, связанных с наделением лица полномочиями судьи. Центральные элементы статуса — независимость (ст. 120 Конституции РФ, ст. 1, 9 Закона о статусе судей), несменяемость (ст. 121 Конституции РФ, ст. 12 Закона о статусе судей) и неприкосновенность (ст. 16 Закона о статусе судей) [1; 2] — находятся с ответственностью в отношениях, которые следует охарактеризовать как отношения функционального дополнения и взаимного ограничения.

Гарантии статуса судьи носят функциональный характер: они предоставляются не в личных интересах судьи, а в интересах правосудия, что прямо вытекает из п. 10 ст. 16 Закона о статусе судей, допускающего привлечение судьи к ответственности, если его виновность установлена приговором суда [2]. Соответственно, гарантии не могут толковаться расширительно до уровня абсолютной безответственности; ответственность выступает внешним пределом гарантийного поля статуса. Как отмечает М. И. Клеандров, гарантии статуса судьи «работают» лишь постольку, поскольку судья соблюдает предъявляемые к нему требования [10].

Обратная связь состоит в том, что механизм ответственности нормативно ограничен рамками, обеспечивающими независимость: неприкосновенность судьи распространяется не только на личность, но и на занимаемые жилые и служебные помещения, документы и имущество, а особый порядок возбуждения уголовного дела исключает использование уголовного преследования как инструмента давления [2; 4]. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что гарантии неприкосновенности судьи являются необходимым конституционным элементом статуса судьи и не могут отменяться или ограничиваться в порядке, аналогичном ограничению неприкосновенности иных должностных лиц.

Принцип несменяемости предполагает, что прекращение или приостановление полномочий судьи допустимо не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом [1; 2]. Прекращение полномочий за совершение дисциплинарного проступка выступает, таким образом, единственной санкцией, замыкающей систему дисциплинарной ответственности, и одновременно исключением из принципа несменяемости — что объясняет исключительность этой санкции и требование пропорциональности, предъявляемое к квалификационным коллегиям судей при выборе меры взыскания.

Гражданско-правовой аспект ответственности судьи демонстрирует приоритет публичного начала: вред, причинённый при осуществлении правосудия, возмещается за счёт казны независимо от вины судьи (ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации) [3], а возможность отнесения расходов на самого судью связана со вступившим в силу обвинительным приговором. Со-

пряжённый механизм компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок закреплён Федеральным законом № 68-ФЗ [5]. Это смещает центр тяжести ответственности с личной имущественной ответственности судьи на публично-правовое восстановление нарушенных прав, что соответствует природе правосудия как государственной функции.

Виды ответственности судьи

Систематизация форм ответственности судьи может быть проведена по отраслевому критерию.

Конституционно-публичная (политико-правовая) ответственность выражается в прекращении полномочий судьи за проступок, порочащий честь и достоинство судьи, и в механизме отставки (ст. 13, 14 Закона о статусе судей) [2].

Дисциплинарная ответственность реализуется квалификационными коллегиями судей за дисциплинарный проступок — несоблюдение требований закона и Кодекса судейской этики [2; 6; 14].

Уголовная ответственность наступает на общих основаниях, но в особом процедурном порядке, включающем

заключение судебной коллегии и согласование с органами судейского сообщества [4].

Административная ответственность допускается в отношении судьи только по основаниям и в порядке, установленных федеральным законом о статусе судей [2].

Гражданско-правовая (публично-правовая деликтная) ответственность выражается в возмещении государством вреда, причинённого незаконными действиями (бездействием) судьи при осуществлении правосудия, с возможностью последующего регресса к судье лишь при установлении его вины приговором суда [3].

Каждая форма сохраняет общий признак — процедурную обременённость, отражающую баланс между подотчётностью и независимостью судебной власти.

Таким образом, юридическая ответственность судьи представляет собой самостоятельный межотраслевой институт, не сводимый к сумме классических видов ответственности; его специфика определяется конституционно-правовым статусом судьи как носителя судебной власти и выражается в особой нормативной основе, исключительном характере санкций, усложнённой процедуре и гарантийной функции.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237, 25 дек.
2. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
5. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/.
6. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/.
7. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юридическая литература, 1981–1982.
8. Гук П. А. Судебная власть и проблемы её реализации в современной России // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2.
9. Клеандров М. И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М.: Норма, 2008.
10. Колоколов Н. А. Судебная власть как общерегулятивный фактор правовой системы. М.: Юрлитинформ, 2014.
11. Кудрявцев В. Н. Закон, проступок, ответственность. М.: Наука, 1986.
12. Тарасова Т. Н. Ответственность судьи как гарантия судебной власти // Российский судья. 2019. № 4.
13. Шарданов Р. В. Дисциплинарная ответственность судей: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2021. № 3.

Конституционный Суд РФ как гарант стабильности гражданского оборота: анализ практики по спорам в сфере предпринимательства

Ануфриенко Полина Витальевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются правовые позиции Конституционного Суда РФ, направленные на защиту прав хозяйствующих субъектов от избыточного государственного регулирования, обеспечение баланса публичных и частных интересов. Особое внимание уделяется вопросам правовой определенности, наличия коллизий и противоречий.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, предпринимательская деятельность, гражданский оборот

В условиях рыночной экономики стабильность гражданского оборота является не просто условием эффективной предпринимательской деятельности, но и конституционно значимым аспектом. Конституция Российской Федерации гарантирует единство экономического пространства, свободу экономической деятельности и защиту частной собственности [1]. Реализация данных гарантий не представляется возможной без действующего механизма конституционного правосудия.

Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ) осуществляет нормативный контроль, занимает важное место в системе защиты прав предпринимателей. Он не только упраздняет неконституционные нормы, но и формирует актуальные правовые позиции, которые становятся обязательными ориентирами в деятельности арбитражных судов и судов общей юрисдикции, определяя вектор развития гражданского законодательства, обеспечивая соотношение публичных интересов государства и частных интересов субъектов предпринимательства.

Специфика статуса КС РФ как высшего органа конституционного контроля определяет его роль в обеспечении стабильности гражданского оборота. В отличие от арбитражных судов, которые разрешают конкретные споры в области экономической деятельности, КС РФ оказывает воздействие на систему правоотношений через нормативные аспекты. Его деятельность в предпринимательской сфере направлена на то, чтобы исключить из правовой системы нормы, создающие ситуации неопределенности. Такая неопределенность создает возможности для нарушения договорных обязательств недобросовестными участниками правоотношений.

Необходимо рассмотреть значимые правовые позиции КС РФ в части споров в области предпринимательства. Одним из значимых вопросов является свобода договора, которая предусматривается Конституцией РФ. КС РФ отмечалось, что положения ст. 455 Гражданского кодекса РФ, регулирующие условия договора купли-продажи, направлены на обеспечение необходимой определенности договорных условий и развитие конституционного принципа свободы договора [8].

Для защиты прав хозяйствующих субъектов в рамках функционирования КС РФ одним из инструментов является выявление конституционно-правового смысла норм.

Правовые позиции КС РФ, как отмечается в Информационной справке Конституционного Суда РФ, обладают обратной силой. Это позволяет пересматривать ранее вынесенные по делам заявителей судебные акты в порядке, установленном ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [2]. Когда особенности правоотношений не предполагают восстановления права заявителя посредством пересмотра дела, КС РФ вправе предписать применение компенсации, размер и форма которой определяются судом первой инстанции. Удовлетворение КС РФ процессуального интереса заявителя влияет на дальнейшее удовлетворение его материально-правового интереса.

Относительно субъектов процессуальных правоотношений практика КС РФ существенно упростила критерии допустимости обращений предпринимателей, расширив круг заявителей и предмет жалобы [11]. Право на обращение в КС РФ признано за иностранными гражданами, лицами без гражданства, юридическими лицами — субъектами предпринимательской деятельности. Обжалуемые акты включают не только законы, но и акты Правительства РФ, если они напрямую связаны с проверяемым федеральным законом. Также КС РФ в одном из постановлений было указано, что хозяйственные товарищества и общества создаются гражданами для совместной реализации права на предпринимательскую деятельность, поэтому их деятельность опосредует конституционные права физических лиц [5]. Соответственно, такие объединения аналогично гражданам обладают правом на обращение с конституционной жалобой.

Осуществление экономической деятельности в различных формах влечет дифференциацию правового регулирования в зависимости от вида деятельности и организационно-правовой формы. КС РФ разъясняет, что такая дифференциация не противоречит принципу равенства всех перед законом. Равенство не требует предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям. Например, применительно к самозанятым гражданам КС РФ указал, что даже при схожести осуществляемых видов деятельности возможна социально обоснованная дифференциация правового регулирования [9]. Это в полной мере относится к различиям между самозанятыми и индивидуальными предпринимателями.

Отдельно стоит отметить позиции КС РФ относительно пределов ответственности предпринимателей. Это

позиции о недопустимости двойного взыскания, о необходимости учета реальной возможности исполнения обязательств, о соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства.

Указанные принципы ответственности связаны с общими подходами КС РФ к допустимости ограничения прав предпринимателей. КС РФ последовательно развивает подход, согласно которому ограничения прав предпринимателей возможны лишь при соблюдении таких условий, как закрепление в федеральном законе, преследование конституционно значимых целей, соразмерность [11]. Ограничения не должны приводить к утрате реального содержания конституционного права, а государственное вмешательство должно обеспечивать баланс частных и публичных интересов [3].

Нарушения прав субъектов предпринимательства могут исходить от различных участников правоотношений. Со стороны государственных органов и должностных лиц наиболее распространенными являются несоблюдение административных регламентов при приеме документов на оказание государственных услуг, проведение проверочных мероприятий с нарушением установленного порядка, злоупотребления в сфере государственных закупок, необоснованный отказ в предоставлении мер государственной поддержки, включая льготное кредитование [10, с. 29]. Недобросовестные конкуренты создают угрозы через незаконное использование средств индивидуализации и нарушение антимонопольного законодательства.

КС РФ в ряде актов указывает, что свобода усмотрения законодателя при установлении и прекращении налоговых обязанностей ограничена рядом требований [4].

В числе таковых недопустимость введения дискриминационных различий среди налогоплательщиков, принципы формальной определенности закона, поддержания доверия к действиям властей, законного и справедливого налогообложения.

Постановление КС РФ от 28.02.2019 № 13-П закрепляет недопустимость возложения на предпринимателя негативных последствий налоговых ошибок, допущенных по вине государственных органов, предоставивших недостоверные сведения [6]. Тем самым КС РФ подтвердил общеправовой принцип, согласно которому любые неустраняемые сомнения и противоречия в сфере налогообложения толкуются в пользу налогоплательщика. Еще одной проблемой в этой части является качество нормативного регулирования и своевременное внесение изменений в федеральное законодательство. Так, Постановлением КС РФ от 19.12.2019 № 41-П ряд положений Налогового кодекса РФ, порождающие неопределенность во взаимосвязи с законодательством о банкротстве, были признаны не соответствующими Конституции РФ [7]. Несвоевременное внесение изменений в законодательство во исполнение принятого решения КС РФ приводит к утрате ясности и формальной определенности при решении соответствующих вопросов, что в дальнейшем создает противоречивую правоприменительную практику.

Конституционный Суд РФ выступает не только органом конституционного контроля, но и гарантом стабильности гражданского оборота. Его вмешательство в сферу предпринимательства направлено на устранение системных дефектов правового регулирования, защиту добросовестных участников оборота от произвола публичной власти, формализма применения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.01.2023 № 4-П «По делу о проверке конституционности подпункта 12 пункта 2 статьи 346.43 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. Н. Петрова» // СЗ РФ. 2023. № 7. Ст. 1192.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2020 № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. С. Машукова» // СЗ РФ. 2020. № 28. Ст. 4498.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2020 № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К. В. Бударина» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 5000.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Парус»» // СЗ РФ. 2019. № 10. Ст. 1045.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 41-П «По делу о проверке конституционности подпункта 15 пункта 2 статьи 146 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Центрального округа» // СЗ РФ. 2019. № 52. Ст. 8138.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 640-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чеботаевой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 455 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.03.2026).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 № 1200-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смолика Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 5 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.03.2026).
10. Ильюшин, Н. Е. Некоторые особенности защиты прав и интересов предпринимателей в Конституционном суде / Н. Е. Ильюшин // Государство. Национальная безопасность. Право. — 2024. — № 3(6). — С. 27–34.
11. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020) // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 21.03.2026).

Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма и уничтожение памяти жертв, погибших при защите Отечества, как способ противодействия героизации нацизма

Ахметчанова Наталья Васильевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В данной статье рассматриваются уголовно-правовые механизмы противодействия героизации нацизма в Российской Федерации. Основное внимание уделено двум нормам: статьям 354.1 и 243.4 УК РФ. Автор разбирает, как они менялись со временем и как применяются на практике. Важно отметить, что законы не только наказывают за нарушения, но и играют профилактическую и воспитательную роль — помогают сберечь историческую память о трагических и героических страницах прошлого. В итоге автор приходит к выводу: чтобы успешно противостоять распространению нацистской идеологии, недостаточно одних лишь законов — нужен комплексный подход, который объединит жёсткое правовое регулирование с масштабной просветительской работой [1].

Ключевые слова: героизация нацизма, защита исторической правды, историческая память, реабилитация нацизма, уголовная ответственность, статьи 354.1 УК РФ, 243.4 УК РФ, 282 УК РФ.

В эпоху геополитических вызовов и информационных войн особенно важно защищать историческую память. Попытки исказить роль СССР в победе над фашизмом угрожают национальной безопасности России [7]. В ответ государство выстраивает систему защиты исторической правды. В её основе лежат уголовно-правовые нормы.

Цель статьи — изучить и оценить, насколько эффективна уголовная ответственность в борьбе с героизацией нацизма. Для этого необходимо исследовать, как менялись статьи 354.1 и 243.4 УК РФ, проанализировать судебную практику, выявить проблемы и наметить пути их решения [1]. Исследование опирается на анализ правовых норм, сравнение разных редакций законов и разбор судебных решений.

Правоприменительная практика сталкивается с несколькими проблемами в сфере борьбы с реабилита-

цией нацизма. Прежде всего существенно осложняет работу ограниченный доступ к тексту Приговора Нюрнбергского трибунала. Хотя документ имеет обязательную юридическую силу для российских судов (согласно ст.90 УПК РФ), его нет в справочно-правовых системах, из-за чего возникают трудности при доказывании по делам о реабилитации нацизма. Кроме того, наблюдается недостаток просветительской работы. Особенно среди молодёжи, что позволяет искажённым историческим представлениям распространяться [6]. Чтобы решить эти проблемы, нужно разместить текст Приговора в официальных правовых базах данных, активнее развивать просветительские проекты с достоверной исторической информацией и наладить взаимодействие между правоохранительными органами, образовательными и научными учреждениями.

В 2014 году в УК РФ появилась статья 354.1 («Реабилитация нацизма») (ФЗ от 05.05.2014 № 128-ФЗ) в ответ на попытки пересмотреть решения Нюрнбергского трибунала и исказить исторические факты [2]. Она устанавливает уголовную ответственность за ряд деяний: публичное отрицание установленных фактов о нацизме, распространение лжи о роли СССР во Второй мировой войне, одобрение нацистских преступлений, а также за унижение памяти защитников Отечества.

В 2026 году норму существенно доработали (ФЗ от 09.04.2026 № 100-ФЗ). В ней точнее прописали ответственность за одобрение и отрицание геноцида советского народа и за оскорбление памяти его жертв [5]. Таким образом государство продемонстрировало твёрдую позицию в борьбе с любыми попытками оправдать нацистскую идеологию.

Одновременно законодатель уделил внимание защите физических символов исторической памяти.

Статья 243.4 УК РФ (ФЗ от 07.04.2020 № 112-ФЗ), которая предусматривает ответственность за уничтожение, повреждение либо осквернение воинских захоронений, захоронений жертв геноцида советского народа, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, жертв геноцида советского народа либо посвященных дням воинской славы России или лицам, защищавшим страну, — если такие действия совершены с целью нанести ущерб их историко-культурному значению [3].

Квалифицирующими обстоятельствами, усиливающими ответственность, являются: совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, совершение действий в отношении мемориальных объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества, а также использование СМИ либо интернета.

Благодаря поправкам 2025 и 2026 годов (ФЗ от 23.07.2025 № 247 [4] и ФЗ от 09.04.2026 № 100-ФЗ [5]), сфера её действия была расширена, а наказания ужесточены. Часть 1 относится к категории преступлении небольшой тяжести, часть 2 и 3 относится к категориям преступлений средней тяжести. Кроме того, 09.04.2026 года Федеральным законом № 100-ФЗ данная статья была дополнена частью 3, предусматривающая ответственность за уничтожение, повреждение либо осквернение расположенных на территории Российской Федерации или за ее пределами захоронений жертв геноцида советского народа, в целях причинения ущерба историко-культурному значению таких объектов — наказывается штрафом в размере от двух до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок [5].

Судебная практика привлечения к уголовной ответственности по статье 354.1 УК РФ показывает, что нормы

применяются системно [1]. Так, в 2020 году В. С. Круглов получил наказание за попытку выложить фото А. Гитлера на сайте «Бессмертный полк онлайн». За сходный проступок на платформе «Банк памяти» был оштрафован Д. А. Бородаенко. В 2025 году появились новые дела: за посты в соцсети в Орле к ответственности привлекли 17 — летнего юношу, где он положительно отзывался о нацизме, а в Свердловской области суд вынес приговор человеку, отрицавшему выводы Нюрнбергского трибунала [7].

В целях общего предупреждения и усиления удерживающего воздействия угрозы наказания и практики его применения в отношении криминально активного населения необходимо ужесточить санкции, связанные с лишением свободы: до 5 лет при отсутствии отягчающих обстоятельств, до 10 лет при наличии квалифицирующих обстоятельств с учетом повышенной общественной опасности указанных деяний. [8].

Также существуют проблемы, связанные с привлечением к уголовной ответственности по статье 282.4 УК РФ «неоднократная пропаганда или публичное демонстрация нацистской атрибутики». Данный состав преступления, предусмотренный как частью 1, так и частью 2 этой нормы является составами с административной преюдиции. Однако, в данной статье не предусмотрено наличие признаков специального рецидива, то есть совершение данных деяний лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление. Как подчеркивают некоторые авторы в научной литературе в составах с административной преюдиции в обязательном порядке должна быть предусмотрена уголовная ответственность для лиц, имеющих не погашенную и не снятую судимость за совершение аналогичных преступлений [8]. При применении статьи 282.4 может сложиться такая ситуация: лицо, привлеченное к административной ответственности по статье 20.3 КоАП в течение года, совершает новое аналогичное деяние и привлекается к уголовной ответственности по статье 282.4 УК РФ. Затем имея не погашенную и не снятую судимость снова совершает подобное деяние, но к этому моменту может истечь срок, в течении которого лицо считается подвергнутым к административному наказанию, и мы вынуждены снова привлекать его к административной ответственности. Таким образом мы считаем необходимым дополнить часть 1 и 2 статьи 282.4 либо «совершенное лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей. Это отражает общую тенденцию: правоохранители и суды всё пристальнее следят за контентом в интернете и реагируют на распространение запрещённых идей жёстче [1]. При этом важно помнить, что по статье 354.1 УК РФ преступление считается совершённым уже в момент действия (формальный состав), а не после наступления каких-либо последствий. Это подчёркивает профилактическую цель нормы, призванную пресекать опасные деяние на ранней стадии.

Таким образом, существенную роль в защите исторической памяти и борьбе с героизацией нацистской идеологии играют нормы статей 354.1 и 243.4 УК РФ [1]. В ней установлена ответственность за одобрение и (или) отрицание геноцида советского народа и за оскорбление памяти его жертв [5]. Дальнейшее развитие и последова-

тельное применение этих правовых положений помогут надёжнее оберегать национальную историческую идентичность. Добиться реального эффекта можно лишь при условии слаженной работы в нескольких направлениях: не только за счёт законов, но и благодаря просветительским инициативам и вовлечённости общества.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026 № 100-ФЗ) // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 30.01.2026).
2. Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 30.01.2026).
3. Федеральный закон от 07.04.2020 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 15.02.2026).
4. Федеральный закон от 23.07.2025 № 247 — ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 15.02.2026).
5. Федеральный закон от 09.04.2026 № 100 — ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 26.03.2026).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 — ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 04.04.2026).
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2013 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. // Электронная библиотека ООН. — URL: digitallibrary.un.org (дата обращения: 31.05.2026)
8. Лосев, С. Г., Морозов В. И. Влияние административной преюдиции на содержание уголовно-правового запрета // Право и политика. — 2021. — № 6. — С. 99–115.: (дата обращения: 10.06.2026).

Особенности расследования безвестного исчезновения граждан

Бахрунова Наталия Игоревна, студент магистратуры
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Ежегодно в нашей стране тысячи людей пропадают без вести. Это происходит по различным причинам, как криминального, так и некриминального характера. Исчезновение может быть связано с совершением в отношении пропавшего преступных действий, например убийства с последующим сокрытием трупа, причинения травм различной степени тяжести, с желанием самого гражданина исчезнуть из своего круга общения по различным причинам (долги, мошенничество, выгорание, обман, семейные обстоятельства, побег от насилия и т. д.). В связи с этим важно своевременно обратиться в органы внутренних дел для возбуждения уголовного дела. Расследование таких дел имеет свою специфику — вывод о его особенностях делается в заключение статьи.

Ключевые слова: криминалистика, безвестное исчезновение граждан, возбуждение уголовного дела, первоначальный этап расследования, расследование, частная методика расследования.

Features of investigating the disappearance of citizens

Every year, thousands of people go missing in our country. This happens for various reasons, both criminal and noncriminal. The disappearance may be linked to criminal acts committed against the missing person, for example, murder, followed by concealment of the body, infliction of injuries of varying degrees of severity, or the citizen's own desire to disappear from their social circle for various reasons (debts, fraud, burnout, deception, family circumstances, escaping violence, etc.). In this regard, it is important to promptly contact the internal affairs bodies and initiate a criminal case, the investigation of which has its own specifics. The conclusion draws on the distinctive features of this category of cases.

Keywords: *criminology, disappearance of citizens, initiation of a criminal case, initial stage of the investigation, investigation, specific investigative methodology.*

Статистика показывает, что в последние три года случаи исчезновения людей происходят все чаще [1]. Это вызывает беспокойство общества, особенно потому, что большая часть пропавших так и остаются не найденными. Безвестное исчезновение влечет ряд последствий, как морально-психологических, для родственников и круга общения, так и юридических: у пропавшего остается имущество, он может участвовать в предпринимательской деятельности, иметь определенные обязательства. Условно все причины исчезновения можно разделить на криминальные и некриминальные [2, с. 464].

Относительно возрастных групп исследователи указывают на следующее. Чаще всего пропадают люди в возрасте от 18 до 30 лет, что связано с родом деятельности, хобби и другими обстоятельствами, предполагающими определенный риск. Но для этой группы безвестное отсутствие заканчивается наиболее благополучно, обычно с последующим обнаружением. В группу риска ученые включают лиц пожилого возраста и несовершеннолетних: именно в этих возрастных группах наиболее часты исчезновения, связанные с криминалом [3, с. 78]. Среди пожилых людей также велик процент пропавших в результате несчастных случаев.

В число функций, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД России), входит розыск граждан, пропавших без вести, установление их местонахождения, а в случае смерти — установление обстоятельств исчезновения и гибели.

Для расследования безвестного исчезновения граждан характерна низкая эффективность по ряду причин:

- отсутствует труп;
- место преступления неизвестно;
- как правило, смартфон, другие устройства, служащие источниками криминалистически значимой информации, пропадают вместе с владельцем;
- несвоевременность обращения в связи с исчезновением человека;
- первоначальные отказы в возбуждении уголовного дела;
- неочевидность и невозможность установления криминального или некриминального характера исчезновения.

В связи с отсутствием главного источника криминалистически значимой информации — трупа человека, а также из-за отсутствия взаимосвязи между событием и местом преступления характер доследственной проверки и первоначальных действий направлен на установление личности пропавшего, круга его общения, последних действий, принятых решений, взаимосвязанных событий, других фактов, которые могли бы прояснить характер исчезновения, а также указывать на

местоположение пропавшего или его трупа. Поэтому на первоначальном этапе расследования стоит задача установить достоверное время, место, обстоятельства и мотивы исчезновения, очевидцев исчезновения, лиц, последними контактировавших с пропавшим либо обладающих информацией о факте исчезновения и его обстоятельствах.

Расследование этой категории преступлений отличается спецификой возбуждения уголовного дела. Если гражданин пропал в обстоятельствах, не связанных с риском или не позволяющих предполагать некриминальные причины исчезновения, при обращении с заявлением в органы внутренних дел уголовное дело возбуждается по ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации [4] (далее — УК РФ), то есть предполагается, что гражданин исчез в связи с его убийством и последующим сокрытием трупа. Это единственная категория уголовных дел, которые возбуждаются без достоверного подтверждения смерти, то есть без факта обнаружения трупа [5, с. 25]. Из этого следует другая особенность такого рода дел: криминальный характер смерти пропавшего человека является не достоверно установленным фактом, а лишь одной из версий [6, с. 68], и основанием для возбуждения уголовного дела выступает презумпция действительности совершения преступления [7], что отражено в ведомственных документах [8].

Механизм возбуждения уголовных дел о безвестном исчезновении граждан также имеет свои особенности. В отличие от общего порядка, где возбуждение уголовного дела становится барьером с целью проверки фактов и доказательств, по делам анализируемой категории ведомственными документами указывается типичная следственная ситуация, которая служит основой определенной правовой презумпции.

Таким образом, безвестное исчезновение граждан как категория уголовных дел, подлежащих расследованию, обладает своей спецификой, которая отличает его от других расследуемых преступлений, в том числе убийств. В силу этого для алгоритмизации и повышения эффективности расследования такого рода дел необходимо формирование частной методики.

В ходе исследования были выделены следующие особенности расследования безвестного исчезновения граждан: отсутствие трупа и места преступления как источников криминалистически значимой информации; отсутствие информации о криминальном или некриминальном характере исчезновения гражданина; возбуждение уголовного дела по ч. 1 ст. 105 УК РФ исходя из презумпции действительности совершения преступления, которая фактически является одной из версий происшествия.

Литература:

1. Разыскивалось лиц, пропавших без вести. Федеральная статистика. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36194> (дата обращения: 02.10.2026).
2. Матинян, Г. А. Безвестное исчезновение граждан как правовая проблема / Г. А. Матинян // Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов: материалы Всероссийской конференции магистров, аспирантов и соискателей: в 2 т., Москва, 17 апреля 2019 года. Том 2. — Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2019. — С. 464–467.
3. Борисова, Н. И., Кузнецов А. А. Действия оперативного сотрудника по факту поступления заявления о безвестном исчезновении граждан / Н. И. Борисова, А. А. Кузнецов // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: материалы международной научно-практической конференции, Омск, 24 ноября 2023 года. — Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. — С. 78–81.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Кригер, А. Е. Значение оперативно-разыскной информации в построении версий при раскрытии убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан / А. Е. Кригер // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2020. — № 20–1. — С. 24–26.
6. Смолин, М. С. Способы повышения эффективности расследования на первоначальном этапе преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей / М. С. Смолин // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 27 сентября 2018 года. / Под общей редакцией А. М. Багмета. — Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. — С. 67–71.
7. Шилин, А. В. Факт безвестного исчезновения несовершеннолетнего как повод для возбуждения уголовного дела / А. В. Шилин // Вопросы ювенальной юстиции. — 2006. — № 4. — С. 12–15.
8. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: Приказ МВД России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16.01.2015 г. // Российская газета. — 30.03.2015. — № 65.

Становление и развитие института концессионных соглашений в Российской Федерации

Белевитина Анита Григорьевна, студент магистратуры
Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА (Оренбургская область)

Институт концессионных соглашений в России прошёл сложный путь эволюции, отражающий трансформацию экономических и политических условий на протяжении более чем вековой истории. Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе процесса становления и развития института концессионных соглашений в Российской Федерации с дореволюционного периода до современного этапа. Для достижения поставленной цели использовались исторический и сравнительно-правовой методы. В результате исследования выявлены ключевые этапы эволюции концессионного законодательства: от первых привилегий иностранным купцам и масштабных железнодорожных концессий XIX века через советский опыт НЭПа и длительный перерыв до возрождения в постсоветский период. Особое внимание уделено анализу Федерального закона от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» и его роли в формировании современного рынка инфраструктурных проектов. Установлено, что по состоянию на 1 января 2026 года в России заключено почти 4,5 тыс. соглашений ГЧП и концессий на сумму 7,7 трлн рублей, при этом частные инвестиции составляют 5,6 трлн рублей.

Ключевые слова: концессия, концессионное соглашение, государственно-частное партнёрство, история права, инвестиции, инфраструктура, законодательство.

Институт концессионных соглашений прошёл в России длительный путь развития, отражающий трансформацию экономических и политических условий

в стране. История концессий в нашей стране насчитывает более века, а первые прообразы концессионного законодательства появились ещё в XVI веке. В дореволюционный

период концессии сыграли ключевую роль в привлечении иностранных инвестиций и развитии инфраструктуры, прежде всего в железнодорожном строительстве. Государство, будучи не в состоянии самостоятельно финансировать масштабные проекты, активно использовало механизмы государственно-частного партнёрства.

Характерной чертой того времени стало то, что правительство предоставляло концессии крупным предпринимателям для строительства железных дорог, гарантируя доходность акций и облигаций железнодорожных обществ на весь уставный срок. Это делало проекты привлекательными для частного капитала, хотя и создавало значительные риски для казны. Зарубежные инвестиции, технологии и управленческий опыт были движущими силами промышленной революции в России конца XIX — начала XX века.

После революции 1917 года роль концессий существенно изменилась. В период новой экономической политики советское государство, стремясь привлечь иностранный капитал и технологии, вновь обратилось к концессионной форме. Переход к НЭПу поставил вопрос о концессиях на более реальную базу: X съезд партии одновременно с резолюцией о замене продразвёрстки продналогом принял резолюцию, указывавшую, что возможность договорных отношений с капиталистическими странами должна быть использована для поднятия производительных сил республики. Концессии должны были послужить средством развития производительных сил и укрепления основ социалистического хозяйства.

В конце 1921 года были заключены первые концессионные договоры с Большим Северным Телеграфным Обществом и объединённой африканской компанией на добычу асбеста на Урале. Почти одновременно были созданы первые концессионные смешанные общества — «Дерулюфт» и «Дерутра». В это же время был создан специальный орган, ведающий вопросами концессий — Главный Комитет по делам концессий при Госплане, преобразованный в апреле 1922 года в Главный Комитет по делам о концессиях и акционерных обществах при СТО.

Декрет о концессиях, регламентировавший иностранную предпринимательскую деятельность, был опубликован СНК ещё 23 ноября 1920 года. В 1921 году был подписан договор с американским предпринимателем Дж. Винтом о предоставлении концессионных участков на добычу золота в Амурской области. В 1922 году его компания добыла 52,5 кг золота и заплатила 3 тыс. золотых рублей налога.

Советское руководство преследовало как экономические, так и политические цели. Экономические цели включали получение дополнительных средств для развития тяжёлой индустрии через долевые отчисления, арендную плату и налоги; создание новых производств с передовой техникой; обновление основного капитала государственной промышленности; увеличение производства товаров широкого потребления; трудоустройство части безработных. Политические цели состояли в уси-

лении заинтересованности отдельных промышленно-финансовых групп Запада в сотрудничестве с Советской Россией и укреплении её международного положения.

Больше всего концессий приходилось на добывающую (48,5 %), деревообрабатывающую (20,2 %) и металлообрабатывающую (10 %) промышленность. Концессии чаще всего предоставлялись Германии, Великобритании и США. Прибыли СССР от концессий к 1928 году составили 100 млн рублей. Однако практика показала, что работа фирм-концессионеров наталкивалась на ограничения, несвойственные рыночной экономике: отношение к ним как к источнику валютных поступлений, конфликты с профсоюзами и стремление советской власти как можно скорее вернуть предприятие в государственный сектор. Вместо 20–30 лет срок действия концессий ограничивался 2–4 годами, и почти все они были ликвидированы к 1930 году.

С конца 1920-х годов, с завершением периода НЭПа и переходом к командно-административной экономике, интерес государства к концессиям был утрачен. В дальнейшем поддержка инвестиций осуществлялась уже другими инструментами.

Возвращение к рыночным механизмам в начале 1990-х годов вновь актуализировало потребность в законодательном оформлении государственно-частных отношений. Системное правовое регулирование концессий началось с принятия Федерального закона от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Этот закон определил понятие концессионного соглашения как договора на создание и (или) реконструкцию недвижимого имущества, право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать концеденту — Российской Федерации, субъекту РФ или муниципальному образованию, с осуществлением концессионером определённой деятельности.

Закон установил широкий перечень объектов концессионных соглашений, включающий автомобильные дороги, объекты железнодорожного, трубопроводного, морского и речного транспорта, объекты лечебно-профилактического и социально-культурного назначения. Отбор претендентов на право заключения соглашений осуществляется в конкурсном порядке. Концессионером может выступать индивидуальный предприниматель, российское или иностранное юридическое лицо либо действующие по договору простого товарищества два и более юридических лица. При этом концессионером не может являться государственное или муниципальное унитарное предприятие или бюджетное учреждение.

Срок действия концессионного соглашения устанавливается с учётом срока создания и реконструкции объекта, объёма инвестиций, срока окупаемости и срока получения концессионером валовой выручки. Срок может быть продлён, но не более чем на пять лет. Концессионным соглашением может предусматриваться концессионная плата, вносимая концессионером концеденту в период использования объекта. Формы концессионной платы включают определённые в твёрдой сумме платежи,

установленную долю продукции или доходов, а также передачу концеденту в собственность имущества.

Стоит отметить, что потребовалось около пяти лет, чтобы механизм заработал и были запущены первые проекты. Всерьёз о формирующемся рынке инфраструктуры заговорили лишь в середине 2010-х годов. На сегодняшний день рынок ГЧП в России демонстрирует устойчивый рост. По данным Минэкономразвития, в 2025 году внебюджетные инвестиции в проекты государственно-частного партнёрства составили 489 млрд рублей, что соответствует 86 % от общего объёма инвестиций. Всего в 2025 году заключено 249 концессионных соглашений и соглашений ГЧП с общим объёмом инвестиций 567 млрд рублей. Больше всего контрактов пришлось на сферу ЖКХ (61 % от всех инвестиций) и транспорта (34 %).

По состоянию на 1 января 2026 года в стадии создания или эксплуатации находились 3,5 тыс. соглашений, успешно завершены 966 соглашений. Общее количество соглашений ГЧП и концессий — почти 4,5 тыс. на сумму 7,7 трлн рублей. Из этого объёма частные инвестиции составляют 5,6 трлн рублей. Отрасли, на которые приходится основной объём инвестиций: транспортная сфера (64 % от всех инвестиций), сфера ЖКХ (20 %), социальная сфера (14 %).

Лидерами среди регионов по количеству соглашений являются Амурская область (337 соглашений), Тамбовская область (214 соглашений), Республика Татарстан (213 соглашений), Кировская область (211 соглашений) и Челябинская область (203 соглашения). По объёму законченных инвестиций лидируют Московская область (387,3 млрд рублей), Москва (381 млрд рублей) и Санкт-Петербург (352 млрд рублей).

Законодательство о концессиях продолжает активно корректироваться. Так, Федеральным законом от 10 июля

2023 года № 296-ФЗ были внесены изменения, касающиеся процедуры замены лица по концессионному соглашению. Федеральным законом от 28 февраля 2025 года № 22-ФЗ установлен запрет на участие государственных и муниципальных унитарных предприятий и бюджетных учреждений в качестве концессионера. В 2025 году принято постановление Правительства РФ, предусматривающее привлечение ВЭБ.РФ к экспертизе проектов ГЧП стоимостью более 3 млрд рублей. Также обновлена Методика оценки эффективности проектов ГЧП.

Минэкономразвития подготовлен проект федерального закона, предусматривающий проведение обязательной оценки эффективности и сравнительного преимущества концессионных соглашений. Все концессии с бюджетным софинансированием должны будут пройти процедуру оценки. Разрабатывается Методика оценки концессионных проектов, которая будет учитывать уже апробированные в рамках ГЧП подходы.

Таким образом, институт концессионных соглашений в России прошёл путь от первых привилегий для иностранных купцов и масштабных железнодорожных концессий XIX века через советский опыт НЭПа и длительный перерыв до возрождения в постсоветский период. Современный этап развития характеризуется активным использованием концессий как ключевого механизма государственно-частного партнёрства для реализации крупных инфраструктурных проектов. Накопленный объём соглашений — почти 4,5 тыс. на сумму 7,7 трлн рублей — свидетельствует о востребованности этого инструмента. При этом продолжается работа по совершенствованию законодательства, направленная на повышение эффективности оценки проектов и распределения рисков между государством и частным инвестором.

Литература:

1. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.
2. Данильченко С. Л. Трансформация концессий в советскую экономику в годы НЭПа. М.: МАКС Пресс, 2012. 240 с.
3. Решетников: в 2025 году объём частных инвестиций в проекты ГЧП достиг 489 млрд рублей // Министерство экономического развития Российской Федерации. 25 февраля 2026. URL: https://economy.gov.ru/material/news/reshetnikov_v_2025_godu_obem_chastnyh_investiciy_v_proekty_gchp_dostig_489_mlrld_rublej.html
4. Афанасьев В. Я., Калужная Н. А. История развития концессионных соглашений в Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 8. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/6277>
5. Развитие государственно-частного партнёрства в Российской Федерации. Москва, 2025. URL: <http://council.gov.ru/media/files/mfCt2I4L41AIqzp0kx2igre30iGb4vHj.pdf>
6. Шпотов Б. М. Взаимодействие иностранных компаний с советским государством в 1920–30-е гг. // ИВИ РАН. URL: http://hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Shpotov.pdf
7. Этапы концессионной политики и практики СССР // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/47845>

Правовое регулирование концессионных соглашений в зарубежных государствах

Белевитина Анита Григорьевна, студент магистратуры

Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА (Оренбургская область)

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию регулирования концессионных соглашений в зарубежных государствах. Рассматриваются основные подходы к определению концессии и ее соотношению с публично-частным партнерством, а также требования к заключению, исполнению, изменению и прекращению соответствующих договоров.

Особое внимание уделяется праву Французской Республики (далее — Франция) как государства, в котором концессия имеет длительную административно-правовую традицию и в настоящее время урегулирована в Кодексе о публичных закупках, праву Европейского союза (далее — ЕС), формирующему единые требования к присуждению концессий, а также современному законодательству Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритания) и практике регулирования концессионных проектов в Соединенных Штатах Америки (далее — США).

Установлено, что при существенных различиях национальных моделей общим элементом выступает передача частному оператору реального эксплуатационного риска, связанного с возможностью не компенсировать понесенные затраты за счет доходов от эксплуатации объекта или услуги. Сделан вывод о переходе от классической модели передачи права эксплуатации к сложным долгосрочным договорным конструкциям, сочетающим публичный контроль, частное финансирование и распределение проектных рисков. Сформулированы положения, имеющие значение для совершенствования российского подхода к регулированию концессионных соглашений.

Ключевые слова: концессионное соглашение, концессия, публично-частное партнерство, эксплуатационный риск, публичные закупки, инфраструктура, зарубежное законодательство.

В настоящее время концессионные соглашения являются одним из наиболее распространенных механизмов привлечения частного капитала к созданию и эксплуатации объектов, имеющих публичное значение. Их использование связано с необходимостью модернизации транспортной, коммунальной, энергетической и социальной инфраструктуры при ограниченности бюджетных ресурсов. Вместе с тем содержание и правовая природа концессии существенно различаются в зависимости от правовой системы конкретного государства. В одних странах концессия традиционно рассматривается как разновидность публичного договора, основанная на передаче права эксплуатации объекта или оказания услуги, в других она включается в более широкую конструкцию публично-частного партнерства и регулируется преимущественно нормами о государственных закупках.

Международная унификация основных подходов осуществляется прежде всего посредством актов и рекомендаций международных организаций. Особое значение имеют Типовые законодательные положения Комиссии Организации Объединённых Наций по праву международной торговли (далее — ЮНСИТРАЛ) о публично-частных партнерствах 2019 г. В них проводится разграничение между концессионными и неконцессионными формами государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) в зависимости от того, передается ли частному партнеру риск спроса на инфраструктуру или предоставляемые с ее использованием услуги [1]. Руководство ЮНСИТРАЛ исходит из необходимости обеспечить прозрачность, добросовестную конкуренцию, устойчивость и предсказуемость регулирования, а также надлежащее планирование проекта, оценку его эффективности и четкое определение

условий договора, включая срок, порядок изменения, прекращения и разрешения споров [1; 2].

Сходный подход используется в праве Европейского союза. Директива 2014/23/EU о присуждении концессионных договоров закрепляет универсальный для государств — членов ЕС критерий концессии: оператор получает право эксплуатации работ или услуг в качестве части встречного предоставления и одновременно принимает на себя реальный эксплуатационный риск [2]. Такой риск существует тогда, когда при нормальных условиях эксплуатации концессионер не гарантированно возмещает инвестиции или расходы, понесенные им в связи с эксплуатацией объекта или оказанием услуги. Тем самым разграничение между концессией и обычным государственным контрактом проводится не столько по формальному названию договора, сколько по экономическому содержанию взаимоотношений сторон.

Значение указанного критерия состоит в том, что концессия предполагает не только выполнение частным лицом определенных действий по поручению государства, но и его самостоятельное участие в хозяйственной эксплуатации объекта. Именно риск коммерческого результата позволяет рассматривать концессионную модель как инструмент долгосрочного распределения рисков между публичным и частным участниками. При этом государство, как правило, сохраняет контроль над качеством и доступностью публичной услуги, а частный оператор получает возможность компенсировать вложения за счет эксплуатационных доходов либо сочетания таких доходов с публичными платежами.

Важным элементом европейского подхода является ограничение срока концессии. Согласно статье 18 Директивы 2014/23/EU срок должен определяться исходя

из характера требуемых работ или услуг. Для концессий продолжительностью свыше пяти лет он не должен превышать период, который разумно необходим для возврата инвестиций и получения доходности на вложенный капитал с учетом инвестиций, необходимых для достижения целей договора [2]. Такое регулирование препятствует неоправданно длительному закреплению исключительного положения одного оператора и одновременно позволяет учесть экономическую природу инфраструктурного проекта.

Отдельно регламентируется изменение концессионных договоров. Европейский законодатель допускает изменение договора без проведения новой процедуры присуждения в случаях, заранее предусмотренных договорными документами, при необходимости дополнительных работ или услуг, возникновении непредвиденных обстоятельств, замене концессионера, а также при несущественных или незначительных изменениях [2]. Существенное изменение, способное повлиять на круг потенциальных участников либо нарушить первоначальный экономический баланс в пользу концессионера, по общему правилу требует новой конкурентной процедуры [2]. Следовательно, стабильность долгосрочного договора в европейской модели сочетается с ограничением возможностей его произвольной трансформации.

Французская модель является одной из наиболее показательных, поскольку современное понятие концессии во многом восходит к французской административно-правовой традиции. В настоящее время базовые правила сосредоточены в «Code de la commande publique» — Кодексе о публичных закупках. В соответствии со статьей L1121-1 концессионный договор представляет собой договор, по которому публичный орган поручает оператору выполнение работ или управление услугой с передачей ему риска, связанного с эксплуатацией объекта или услуги. Вознаграждение выражается в предоставлении права эксплуатации либо в таком праве, дополненном выплатой цены [3]. При этом риск должен быть реальным, а потенциальные убытки — не чисто теоретическими или незначительными [3].

Французское законодательство демонстрирует усиление процедурного элемента концессии. Согласно статье L3121-1 Кодекса о публичных закупках концессирующий орган организует процедуру рекламы и конкуренции, приводящую к выбору концессионера, причем допускается использование переговоров [4]. Таким образом, договорная свобода сторон на стадии формирования условий сочетается с обязанностью публичного субъекта обеспечить конкурентный и прозрачный выбор оператора. Исключение из этого правила допускается лишь в специально установленных случаях, например при безрезультатности предыдущей процедуры или наличии особой срочности [4].

При исполнении договора французское право также стремится сохранить баланс интересов сторон. Статья L3135-1 допускает изменение концессии без новой про-

цедуры в ряде случаев, включая заранее предусмотренные изменения, дополнительные работы или услуги, непредвиденные обстоятельства, замену первоначального концессионера, несущественные и незначительные изменения [5]. При этом независимо от способа внесения изменений они не должны менять общую природу концессии [5]. Данный подход особенно важен для инфраструктурных проектов, поскольку длительный срок договора неизбежно создает потребность в его адаптации к изменению экономических и технических условий.

Право Великобритании традиционно развивалось иначе. После реформы системы государственных закупок ключевым актом для концессионных договоров стал Procurement Act 2023, вступивший в соответствующей части в силу 24 февраля 2025 г. [6]. Статья 8 определяет концессионный договор через сочетание трех признаков: поставка работ или услуг для публичного органа, предоставление поставщику права эксплуатации как минимум в качестве части встречного предоставления и наличие реального эксплуатационного риска [6]. Тем самым британская модель сближается с правом ЕС по содержательному критерию концессии, хотя институционально регулируется уже в рамках национального режима публичных закупок.

Особенность современного британского подхода состоит в интеграции концессионного режима с общими правилами публичных контрактов. Официальное руководство «Cabinet Office» — Секретариата Кабинета министров Великобритании, прямо указывает, что «Procurement Act 2023» — Закон о закупках 2023 года, заменил ранее действовавший специальный режим «Concession Contracts Regulations 2016» — Правила о договорах концессии 2016 года, и объединил правила о концессиях с общей системой регулирования публичных закупок, сохранив при этом отдельные исключения и специальные положения [7]. Такой подход свидетельствует о тенденции к систематизации законодательства: концессия признается особым видом публичного контракта, но ее правовое регулирование строится на общих принципах конкурентного отбора, прозрачности и управления договором.

Британское регулирование также подчеркивает экономическую составляющую концессии. В официальном руководстве отмечается, что поставщик обычно получает часть вознаграждения непосредственно от пользователей объекта или услуги и вследствие колебаний спроса подвергается риску потери вложений [7]. Для определения стоимости концессионного договора используется максимальная сумма, которую поставщик может получить в связи с его исполнением, включая доходы от эксплуатации [6; 7]. В результате правовое регулирование связывается не только с бюджетными платежами государства, но и с общим экономическим потенциалом проекта.

В Соединенных Штатах Америки отсутствует единый федеральный закон, комплексно регулирующий концессионные соглашения в сфере ГЧП. Нормативная база в значительной степени формируется на уровне от-

дельных штатов [8]. Федеральная администрация автомобильных дорог США отмечает, что законодательство штатов, разрешающее ГЧП, отличается по перечню допускаемых объектов, компетенции публичных органов, процедурам отбора и договорным механизмам [8]. Поэтому американский подход правильнее рассматривать как совокупность региональных моделей, объединенных общими принципами проектного финансирования и распределения рисков.

Показательным является законодательство штата Вирджиния — «Public-Private Transportation Act of 1995» — Закон о государственно-частном партнерстве в сфере транспорта 1995 года. В нем концессия определяется широко и включает аренду, лицензию, франшизу, сервитут или иное обязательное соглашение, посредством которого частному субъекту на определенный срок передаются права использования или контроля в отношении транспортного объекта в обмен, в частности, на право получать все либо часть доходов от него [9]. Закон предусматривает возможность заключения как предварительного, так и комплексного соглашения, а также детально описывает вопросы финансирования, гарантий, эксплуатации и распределения ответственности [9; 10].

Американская модель в большей степени, чем французская и британская, демонстрирует договорно-проектный характер концессии. Для транспортных проектов Федеральная администрация автомобильных дорог разработала модельные руководства по концессионным ПЧП. В них концессионное соглашение рассматривается как центральный документ сделки, определяющий срок проекта, требования к проектированию и строительству, стандарты эксплуатации и обслуживания, механизм платежей, основания досрочного прекращения и распределение рисков [11]. При этом сами руководства не имеют обязательной силы для штатов и используются как методическая основа для подготовки конкретных соглашений [11].

Сравнение рассмотренных правовых систем позволяет выделить несколько общих признаков современной концессии. Во-первых, ее экономической основой выступает возложение на частного оператора реального эксплуатационного риска. Во-вторых, концессия имеет долгосрочный характер и рассчитана на возврат инвестиций за счет эксплуатации объекта, платежей пользователей либо их сочетания с публичной поддержкой. В-третьих, государство сохраняет значительный объем контроля над проектом, поскольку речь идет об объектах и услугах публичного назначения. В-четвертых, заключение договора подчиняется требованиям конкурентного и прозрачного отбора, хотя конкретная процедура и степень переговорной свободы различаются.

При этом между зарубежными моделями существуют существенные различия. Французское право сохраняет выраженную связь концессии с институтами публичного права и административными договорами, одновременно используя унифицированные правила публичных

закупок. Великобритания концентрируется на законодательной интеграции концессии в общую систему procurement, сохраняя специальный режим для учета ее экономической специфики. В США отсутствует единая национальная конструкция, вследствие чего существенное значение приобретают законодательство штатов и индивидуальная договорная архитектура проекта. Эти различия показывают, что универсальная модель правового регулирования концессии объективно невозможна без учета особенностей национальной правовой системы.

Сравнительно-правовой анализ позволяет выделить и общие направления развития концессионного регулирования. Международные рекомендации ориентируют государства на качественную подготовку проектов, оценку эффективности и фискальных последствий, прозрачность отбора и детальное регулирование договора [1; 14; 15]. При этом особое значение получает управление изменениями в рамках длительного контракта. Чем длиннее срок концессии и выше объем инвестиций, тем более вероятно изменение обстоятельств, поэтому законодательство должно одновременно защищать стабильность договорных условий и допускать их разумную адаптацию без обхода требований конкуренции.

Не менее существенным является вопрос распределения рисков. По справедливому подходу, отраженному в международных руководствах, риск должен возлагаться на ту сторону, которая способна наиболее эффективно его контролировать или минимизировать [1; 14; 15]. Передача частному партнеру тех рисков, которыми он не может управлять, способна привести к удорожанию финансирования, необходимости государственной компенсации либо к досрочному прекращению проекта. Поэтому законодательство зарубежных государств все чаще дополняется не только нормами о заключении договора, но и требованиями к предпроектной подготовке, финансовой модели, механизмам пересмотра условий, гарантиям и процедурам разрешения споров.

Для российского правопорядка зарубежный опыт представляет интерес прежде всего в части более четкого разграничения концессии и иных форм ПЧП, использования экономического критерия реального риска, детализации порядка изменения долгосрочных соглашений и усиления требований к качеству предварительной оценки проекта. При этом прямое заимствование иностранной конструкции нецелесообразно. Французская модель формировалась в условиях развитого административного права, британская — внутри общего режима публичных закупок, а американская — в федеративной системе с доминирующей ролью законодательства штатов. Поэтому зарубежный опыт может использоваться как источник отдельных правовых решений, а не как готовая универсальная модель.

Таким образом, современное правовое регулирование концессионных соглашений в зарубежных государствах характеризуется переходом от традиционного понимания концессии как односторонней передачи права

эксплуатации к сложной долгосрочной договорной конструкции. Ее ядром выступают распределение рисков, право частного оператора на эксплуатацию объекта или услуги, инвестиционная составляющая и сохранение публичного контроля. Франция представляет модель институционально развитой публичной концессии, Великобритания — модель интеграции концессий в систему публичных закупок, а США — децентрализованную дого-

ворно-проектную модель. Общим результатом является стремление сочетать инвестиционную привлекательность проекта с защитой публичного интереса, прозрачностью процедуры и устойчивостью долгосрочного договора. Именно такая комбинация позволяет рассматривать концессионное соглашение как самостоятельный и востребованный механизм реализации инфраструктурной политики государства.

Литература:

1. Типовые законодательные положения ЮНСИТРАЛ о публично-частных партнерствах (2019) // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: <https://uncitral.un.org/ru/mlpppp> (дата обращения: 06.10.2026).
2. Directive 2014/23/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on the award of concession contracts // Official Journal of the European Union. 2014. L 94. P. 1–64. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/23/2026-01-01/eng> (дата обращения: 06.10.2026).
3. Code de la commande publique. Article L1121–1. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000037703286 (дата обращения: 06.10.2026).
4. Code de la commande publique. Article L3121–1. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000037704873 (дата обращения: 06.10.2026).
5. Code de la commande publique. Article L3135–1. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000037705073 (дата обращения: 06.10.2026).
6. Procurement Act 2023. Chapter 54. Sections 3, 4, 8. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/54/body/2026-07-16> (accessed: 06.10.2026).
7. Cabinet Office. Guidance — Concession Contracts. Updated 15 April 2026. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/procurement-act-2023-guidance-documents-plan-phase/guidance-concession-contracts-html> (accessed: 06.10.2026).
8. Federal Highway Administration. State P3 Enabling Laws. U. S. Department of Transportation. URL: <https://www.fhwa.dot.gov/ipd/p3/legislation/> (дата обращения: 06.10.2026).
9. Code of Virginia. Title 33.2. Highways and Other Surface Transportation Systems. Chapter 18. Public-Private Transportation Act of 1995. § 33.2–1800. URL: <https://law.lis.virginia.gov/vacodefull/title33.2/chapter18/> (дата обращения: 06.10.2026).
10. Code of Virginia. Title 33.2. § 33.2–1819. Procurement. URL: <https://law.lis.virginia.gov/vacode/title33.2/chapter18/section33.2-1819/> (дата обращения: 06.10.2026).
11. Federal Highway Administration. Model Public-Private Partnerships Core Toll Concessions Contract Guide. Washington, D.C., 2014. URL: https://www.fhwa.dot.gov/ipd/p3/toolkit/publications/model_contract_guides/core_toll_concession_0814/default.aspx (дата обращения: 06.10.2026).
12. World Bank. PPP Laws/Concession Laws — United States. Public-Private Partnership Legal Resource Center. URL: <https://ppp.worldbank.org/library/ppp-laws-concession-laws-united-states> (дата обращения: 06.10.2026).
13. Yescombe E. R., Farquharson E. Public-Private Partnerships for Infrastructure: Principles of Policy and Finance. 2nd ed. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2018. 531 p.
14. Delmon J. Public-Private Partnership Projects in Infrastructure: An Essential Guide for Policy Makers. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
15. World Bank Group, Asian Development Bank, European Bank for Reconstruction and Development et al. PPP Reference Guide 3.0. Washington, D.C., 2017. URL: <https://ppp.worldbank.org/library/ppp-reference-guide-3-0-full-version> (дата обращения: 06.10.2026).

Правовые средства обеспечения целевого использования объектов концессионных соглашений в курортной инфраструктуре

Биджоян Даяна Эдуардовна, студент магистратуры
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В статье рассматриваются правовые средства обеспечения целевого использования курортных концессий и предложения по дополнению существенных условий соглашений.

Ключевые слова: концессионное соглашение, курортная инфраструктура, целевое использование.

Курортная инфраструктура относится к сегментам публичной собственности, где концессионный механизм наиболее востребован и одновременно наиболее уязвим. Дефицит бюджетного финансирования и высокий износ санаторно-курортного фонда подталкивают публичные образования к передаче объектов оздоровления частному инвестору; по данным Н. А. Завалько, К. В. Харченко и С. А. Зуденковой, износ медицинского оборудования в санаторно-курортном комплексе Кавказских Минеральных Вод достигает 51,1 %, а на отдельных объектах превышает 70 % [4, с. 29]. При этом курортный объект неразрывно связан с лечебными ресурсами, санитарно-защитными зонами и публичной функцией оздоровления, что создаёт риск репрофилирования имущества концессионером вопреки целям соглашения.

Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее — Закон № 115-ФЗ) относит использование объекта концессии в целях, не установленных соглашением, к существенным нарушениям, дающим концеденту право требовать расторжения соглашения в судебном порядке [1]. Однако целевое назначение объекта не включено в обязательный перечень существенных условий, поэтому концедент вынужден доказывать не только факт отклонения от целей эксплуатации, но и его связь со значительным ущербом публичному интересу. В судебной практике целевое назначение нередко устанавливается через толкование конкурсной документации, разрешённого использования земельного участка и проектной документации, а не через прямо зафиксированное условие соглашения.

Показателен спор вокруг объектов санатория «Эльтон-2» в Волгоградской области, где судебная экспертиза 2024 года устанавливала возможность создания предусмотренных соглашением объектов на участке с разрешённым использованием «для оздоровительной деятельности» и одновременно констатировала несоответствие проектной документации концессионера условиям соглашения [3]. Суд был вынужден реконструировать целевую направленность соглашения из совокупности косвенных признаков, тогда как прямое закрепление требования о целевом назначении в качестве существенного условия сместило бы центр доказывания с вопроса «являлось ли использование целевым» на вопрос «соблюдено ли согласованное целевое назначение». Аналогичная логика просматривается в деле о расторжении концесси-

онного соглашения в санаторно-оздоровительной сфере, рассмотренном арбитражным судом Волгоградской области, где основанием иска также стало неисполнение концессионером обязательств по предусмотренной соглашением деятельности.

Судебная практика последних двух лет показывает, что нецелевое использование курортных объектов редко выступает в чистом виде — оно сопровождается подменой профиля деятельности либо выводом ликвидных активов из-под режима публичной собственности. В Кисловодске предметом разбирательства стал жилой дом, возведённый на территории санатория «Красные камни»: строительство девятиэтажного многоквартирного здания позиционировалось как обеспечение жильём сотрудников учреждения, однако по результатам антикоррупционного иска Генеральной прокуратуры объект стоимостью около 1,2 млрд рублей был обращён в доход государства [5, с. 2]. В «Сириусе» арбитражный суд обязал вернуть четырнадцать земельных участков, переданных под олимпийские объекты, поскольку проверка 2022 года зафиксировала отсутствие проектной документации и использование территорий для сдачи в аренду временных торговых точек вместо создания яхтенной марины. Во Владикавказе концессионное соглашение в отношении участков в зоне санитарной охраны лечебно-оздоровительной местности было признано недействительным по иску прокуратуры, поскольку предоставление земель без торгов создавало условия для использования курортной территории в целях, несовместимых с её правовым режимом [6, с. 81].

Причины уязвимости лежат в структуре существенных условий концессионного соглашения. Статья 10 Закона № 115-ФЗ перечисляет обязательства концессионера по созданию и реконструкции объекта, сроки исполнения, порядок определения платы и иные параметры, но не содержит прямого указания на необходимость закрепления целевого назначения объекта и порядка подтверждения его соблюдения. Законодатель последовательно расширяет перечень существенных условий применительно к отдельным видам объектов: Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 444-ФЗ введена отдельная категория мероприятий в отношении объектов культурного наследия, что свидетельствует о готовности учитывать специфику отдельных сегментов публичного имущества через уточнение обязательных условий соглашения [2]. Аналогичный подход должен быть распространён

и на курортную инфраструктуру, где объект концессии неотделим от лечебно-оздоровительной функции, а его перепрофилирование влечёт утрату публично значимого ресурса на длительный срок.

Целесообразно дополнить перечень существенных условий концессионного соглашения в отношении курортных объектов тремя взаимосвязанными требованиями. Первое — прямое закрепление целевого назначения объекта с указанием не только вида деятельности, но и объёма услуг оздоровительного характера, сохранение которых является условием исполнения соглашения; подобная детализация воспрепятствует расширительному толкованию «оздоровительной деятельности» в сторону сугубо коммерческих форматов. Второе — порядок подтверждения соблюдения целевого назначения, включающий регулярное представление концессионером отчётности о структуре оказанных услуг и сохранении профильных мощностей, а также право концедента на выездную проверку без предварительного согласования с концессионером. Третье — дифференцированные меры ответственности за несоблюдение целевого назначения, не сводящиеся к расторжению соглашения: прогрессирующие штрафы, исчисляемые от объёма инвестиций, и обеспечительный платёж, аккумулируемый концедентом и направляемый на восстановление профиля объекта в случае его утраты. Такая конструкция соответствует логике ст. 15 Закона № 115-ФЗ, разграничивающей нарушения, для расторжения которых требуется доказывание ущерба, и нарушения, расторжение за которые таким доказыванием не обусловлено.

Не менее значимым направлением является институционализация независимого мониторинга целевого ис-

пользования курортных объектов. Действующий контроль концедента в соответствии со ст. 9 Закона № 115-ФЗ сосредоточен преимущественно на проверке исполнения обязательств по созданию и реконструкции объекта и не ориентирован на отслеживание профиля его последующей эксплуатации. Представляется оправданным дополнить существующую систему мониторингом с привлечением независимых экспертов и представителей общественных объединений в сфере охраны здоровья и туризма, по модели, апробированной в отдельных муниципальных актах о контроле за концессионными соглашениями в курортных зонах. Ключевым элементом такого мониторинга должно стать публичное раскрытие результатов: размещение сведений о целевом использовании объекта в открытом доступе дисциплинирует концессионера и создаёт для концедента репутационные издержки бездействия, которые в ряде регионов уже доказали действенность [6, с. 82].

Подводя итог, проблема нецелевого использования курортных объектов не решается исключительно ужесточением ответственности. Она имеет структурный характер и коренится в неполноте обязательных условий концессионного соглашения, оставляющих целевое назначение объекта в зоне судебного усмотрения. Дополнение перечня существенных условий требованиями о целевом назначении, порядке его подтверждения и дифференцированной ответственности, соединённое с независимым мониторингом и публичным раскрытием его результатов, позволит перевести защиту курортной инфраструктуры из режима реагирования на уже состоявшуюся деградацию территории в режим превентивного обеспечения её сохранения.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «О концессионных соглашениях»
2. Федеральный закон от 30.11.2024 № 444-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
3. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 октября 2025 г. по делу № А12-19386/2021
4. Завалько Н. А., Харченко К. В., Зуденкова С. А., Сагина О. А., Зубец А. Ж. Механизмы государственно-частного партнерства в модернизации санаторно-курортной инфраструктуры Кавказских Минеральных Вод // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. — 2026. — Т. 103, № 2. — С. 29–40.
5. Терещенко Т. А., Балашова И. В. Государственно-частное партнёрство в России: региональные аспекты реализации // Государственное управление и право. — 2026. — № 1 (09). — С. 1–15.
6. Чернецкая А. Г. Муниципальные концессионные соглашения: некоторые вопросы теории // Актуальные исследования. — 2024. — № 19 (201). — С. 81–83.

Защита прав частного партнера при неисполнении публичным партнером обязательств по соглашениям о государственно-частном партнерстве на курортах

Биджоян Даяна Эдуардовна, студент магистратуры
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В статье рассматриваются пробелы гарантий частному партнёру по ГЧП на курортах и предлагается дополнить ст. 15 Закона № 224-ФЗ возмещением убытков.

Ключевые слова: ГЧП, курорты, частный партнёр, убытки, разрешения.

Развитие курортной инфраструктуры в Российской Федерации всё активнее опирается на государственно-частное партнёрство, поскольку бюджетных ресурсов недостаточно для создания и модернизации санаторно-курортных комплексов в требуемых объёмах. Соглашения о ГЧП здесь носят долгосрочный характер, а частный партнёр принимает значительные инвестиционные риски, рассчитывая на предсказуемое поведение публичной стороны. Модель гарантий, закреплённая в статье 15 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ, обнаруживает пробелы применительно к курортным проектам, где получение разрешений и согласований растянуто во времени и зависит от множества административных процедур [1]. Законодатель ограничился рамочными гарантиями, не создав действенного механизма имущественной ответственности публичного партнёра за неисполнение собственных обязательств.

Правовую основу курортных ГЧП-проектов образуют Федеральный закон № 224-ФЗ и Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ, дополняемые региональным и муниципальным регулированием. Такие проекты привязаны к ограниченным рекреационным территориям, чувствительны к сезонности и требуют комплекса разрешений — от санитарно-эпидемиологических заключений до разрешений на строительство в береговой зоне. Поэтому неисполнение публичным партнёром обязанности содействовать разрешительным процедурам приобретает здесь особую остроту.

Статья 15 Закона № 224-ФЗ закрепляет право частного партнёра на возмещение убытков, причинённых незаконными действиями или бездействием государственных органов и должностных лиц, отсылая к общим правилам Гражданского кодекса Российской Федерации, и возлагает на публичного партнёра обязанность содействовать получению обязательных разрешений и согласований [1]. Формально эти нормы образуют связку, однако невыдача разрешения далеко не всегда квалифицируется как незаконное действие: орган может отказать по основаниям, которые суд признаёт формально соответствующими закону, либо затягивание происходит на стадии межведомственного согласования, где отсутствует конкретный виновный субъект.

Показателен пример курортных проектов в Сочи, где наибольшие риски связаны с продолжительностью согласований и получением исходно-разрешительной документации, а регулирование застройки в береговой зоне

ограничено рядом требований, часть из которых значительно устарела [2, с. 374]. Курортный проект, требующий своевременного получения санитарно-эпидемиологических заключений, разрешений на строительство и ввод объектов в эксплуатацию, оказывается в ситуации, когда публичный партнёр не исполнил обязанность содействия, но частный партнёр не может воспользоваться гарантией возмещения убытков, поскольку формально незаконного акта нет. Ситуацию усугубляет то, что публичный партнёр нередко одновременно выступает стороной соглашения и представителем органа, выдающего разрешение, что создаёт конфликт интересов.

Шишкин С. И. и Ганусенко И. В., исследуя правоприменительную практику ответственности публичного партнёра, приходят к выводу о необходимости конкретизации форм и видов такой ответственности, отмечая разрозненность административных и гражданско-правовых механизмов защиты прав частной стороны [5, с. 31]. Для курортных проектов эта разрозненность оборачивается тем, что частный инвестор, вложивший средства в проектирование и подготовительные работы, при задержке разрешительных процедур несёт расходы на обслуживание кредитов, оплату труда персонала и содержание законсервированного объекта, однако статья 15 Закона № 224-ФЗ не содержит специального основания для взыскания таких убытков с публичного партнёра.

Отдельного внимания заслуживает долгосрочный характер курортных соглашений и связанная с ним проблема «накопления» неисполнения. Курортный проект реализуется поэтапно: сначала создаётся обеспечивающая инфраструктура, затем возводятся объекты размещения и рекреации, после чего начинается эксплуатационная фаза. Задержка согласования на любом из этапов способна вызвать цепную реакцию, смещая сроки ввода и увеличивая стоимость привлечённого финансирования. Однако статья 15 оперирует категорией убытков, причинённых незаконными действиями, и не рассчитана на длящиеся нарушения договорного обязательства по содействию, которые не всегда оформляются в виде отдельного властного акта. Ефимцева Т. В. обращает внимание на то, что проблемы реализации механизма государственно-частного партнёрства во многом связаны с недостаточной проработанностью именно обеспечивательных и компенсационных инструментов, а не с отсутствием декларативных гарантий [2, с. 375].

В связи с изложенным обоснованным представляется дополнение статьи 15 Закона № 224-ФЗ положением, прямо закрепляющим право частного партнёра на возмещение убытков, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением публичным партнёром обязательства по обеспечению необходимых разрешений и согласований. Такая новелла не дублировала бы общие правила возмещения вреда, причинённого незаконными актами власти, и не охватывала бы случаи правомерного, но несвоевременного или неполного содействия. Для курортных проектов, где сроки реализации жёстко привязаны к сезонности и инвестиционным программам, введение специального договорного основания ответственности публичного партнёра позволило бы частному инвестору рассчитывать на компенсацию реального ущерба без необходимости доказывать незаконность каждого отдельного акта органа власти.

Не менее значимым направлением совершенствования является развитие досудебного урегулирования споров. Закон № 224-ФЗ не устанавливает обязательных процедур примирения, оставляя стороны один на один с судебным разбирательством, которое для долгосрочных курортных соглашений оказывается малоэффективным. Миронов А. обращает внимание на то, что споры из соглашений о ГЧП неравномерно распределены по субъектам Российской Федерации, а правоприменительная практика может меняться без изменения законодательства, поэтому сторонам следует активнее использовать переговоры и дополнительные соглашения [3]. Для курортной сферы целесообразно предусмотреть обязательную пере-

говорную процедуру с фиксированным сроком и последующей медиацией по спорам, связанным с неисполнением обязательств по выдаче разрешений и согласований. Пакерман Г. А. предлагает модель цифровой адьюдикации, способную сократить сроки разрешения споров в ГЧП до 28–40 дней; для курортных проектов такие процедуры могли бы дополнять традиционные переговоры, не заменяя, а разгружая судебную систему [4, с. 144].

Предлагаемые меры не требуют радикальной перестройки законодательства о ГЧП: они укладываются в логику уже существующих гарантий и восполняют разрыв между декларацией защиты прав частного партнёра и реальной возможностью её получить. Дополнение статьи 15 Закона № 224-ФЗ специальным основанием возмещения убытков, наряду с введением обязательной досудебной переговорно-медиационной процедуры, позволило бы снизить инвестиционные риски в курортных проектах и повысить доверие частных партнёров к механизму государственно-частного партнёрства. Для правоприменительной практики это означало бы смещение акцента с последующего оспаривания актов органов власти на своевременное урегулирование разногласий и компенсацию потерь, что особенно важно для проектов, где промедление в разрешительных процедурах напрямую влияет на окупаемость вложений. Речь идёт не о создании привилегий для частного бизнеса, а о выравнивании баланса, при котором публичный партнёр, принявший договорное обязательство содействовать разрешительным процедурам, нёс бы сопоставимую с частным партнёром ответственность за его исполнение.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
2. Ефимцева Т. В. Государственно-частное партнерство: проблемы теории и практики // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 5. — С. 374–377.
3. Миронов А. Партнерство с государством: какие проблемы возникают у бизнеса // Право.ру. — 2025. — 25 августа.
4. Пакерман Г. А. Трансформация механизмов разрешения споров в государственно-частном партнерстве: от традиционной к цифровой адьюдикации // Правоприменение. — 2026. — № 1. — С. 144–154.
5. Шишкин С. И., Ганусенко И. В. Ответственность публичного партнера в сфере публично-частного партнерства по российскому законодательству: проблемы правоприменения // Сибирский юридический вестник. — 2024. — № 4. — С. 31–37.

Государственное управление в условиях цифровой экономики в Российской Федерации: научный анализ и правовое регулирование

Богатов Даниил Евгеньевич, студент;

Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается цифровая трансформация государственного управления в Российской Федерации с позиций административного права. Анализируются стратегические акты в сфере цифровизации, научные подходы к понятиям цифрового государственного управления и цифрового государства, правовое регулирование предоставления

государственных услуг в проактивном режиме. Обосновывается вывод об отставании правового механизма трансформации от ее технологической стороны, предлагаются меры по закреплению процессуальных гарантий граждан при использовании цифровых технологий в публичном управлении.

Ключевые слова: государственное управление, цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровое государство, государственные услуги, административное право.

Цифровизация уже не воспринимается как внешний по отношению к государственному управлению технический фон. Электронные сервисы и ведомственные информационные системы постепенно меняют сам порядок, в котором исполнительная власть принимает решения, взаимодействует с гражданами и организациями, контролирует подведомственную сферу. Для административного права это означает изменение привычных форм и методов управленческой деятельности, так часть процедур переходит в электронную среду, часть действий выполняется автоматически, а у публичной администрации появляются новые обязанности.

Нормативной точкой отсчета для современного этапа принято считать Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [3]. Как подчеркивают М. В. Алексеева и И. А. Подройкина, этот указ «стал основным нормативным документом, отражающим основные цели и задачи цифровой трансформации, использования цифровых технологий в управленческой сфере», и что в нем впервые в отечественном правовом поле был закреплён термин «цифровая экономика» [5, с. 12]. Следующий шаг сделан Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 [4], который включил в число национальных целей цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Д. Ю. Козьяр и Э. В. Талапина, анализируя этот документ, обращают внимание, что «ключевой задачей до 2030 г. обозначено достижение «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления», а сам указ предусматривает перевод 100 массовых социально значимых услуг в «проактивный режим» к 2030 г. [8, с. 9].

Содержание цифрового государственного управления раскрывается через его соотношение с услугами: «Цифровое государственное управление — это не только упрощение внутренних правительственных процессов, но и упрощение предоставления гражданам определенных государственных услуг». К основным компонентам цифровой трансформации относят переход на электронный формат предоставления государственных услуг, повышение качества доступа к ресурсам, на которых хранятся информационные данные, внедрение и развитие электронного правительства, а также улучшение инфраструктуры. Особо отмечается антикоррупционный потенциал цифровизации, которая «в первую очередь способствует устранению проблем, касающихся коррупции, фальсификации статистических данных». Вместе с тем этот процесс не следует идеализировать: признаётся, что трансформация государственного управления в России происходит достаточно медленно.

В нашем понимании антикоррупционный эффект цифровизации имеет вполне определённую административно-правовую природу. Электронная процедура формализует последовательность действий, фиксирует сроки и основания решения, сокращает число непосредственных контактов заявителя с должностным лицом. Однако это верно лишь при условии, что сама цифровая процедура урегулирована нормой права, а не только техническим регламентом оператора системы.

Более поздняя работа М. В. Алексеевой, подготовленная совместно с С. В. Рыбак, смещает акцент с отдельных инструментов на модель цифрового государства в целом. В ней цифровое государство рассматривается как «не только технологический инструмент, но и этап развития общества», а под ним предлагается понимать систему организации государственного управления, использующую цифровые технологии и данные для повышения эффективности, доступности, прозрачности и участия граждан при соблюдении прав человека и этических норм [6, с. 19]. Обратим внимание на саму постановку: права человека здесь включены в определение, а не вынесены за его пределы как внешнее ограничение. Не менее важен и критический вывод о стратегических документах в сфере цифровизации, правовой характер которых «носит декларативный характер». Стратегии задают идеологическое направление, но не создают обязательных правил поведения для участников управленческих отношений.

С этим наблюдением согласуется позиция А. В. Бондарева, который указывает, что правовое регулирование цифровых технологий значительно отстаёт от реальности, так он фиксирует характерную деталь: «Введения в оборот термина «цифровые технологии» с формулировкой его определения законодатель старательно избегает» [7, с. 118]. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] оперирует понятием информационных технологий, тогда как понятие «цифровые технологии» не тождественно ни понятию «информационные технологии», ни смежным категориям. На наш взгляд, этот терминологический пробел имеет практическое значение. Если не определено, какие именно технологии используются при подготовке административного решения, трудно установить правовой режим их применения, распределить ответственность между органом власти и разработчиком системы, а также определить, в какой мере результат автоматической обработки данных может служить основанием для юридически значимого действия.

Наиболее заметно цифровая трансформация проявляется в сфере государственных услуг. Федеральный закон

от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ [2] предусматривает возможность предоставления услуг в электронной форме, а его статья 7.3 посвящена организации предоставления государственных и муниципальных услуг в упреждающем (проактивном) режиме. Д. Ю. Козяр и Э. В. Талапина считают, что «проактивное обслуживание должно рассматриваться как обязанность государства». В этом выводе, как представляется, заложено изменение модели административно-правового отношения. При заявительном порядке инициатива принадлежит гражданину, а орган власти реагирует на обращение. При проактивном порядке инициатива переходит к администрации: она сама выявляет жизненную ситуацию по имеющимся данным и предлагает услугу. Следовательно, возникает вопрос о последствиях неисполнения такой обязанности и о способах ее защиты, включая административное и судебное обжалование бездействия. Примечательно и другое замечание: технология является вторичным фактором развития, уступая ведущую роль организационной и политической инициативе.

Цифровизация несет и риски, которые нельзя оставлять за пределами правового анализа. К числу главных проблем относят цифровое неравенство, связанное с различием в доступе к современным технологиям, а также недостаточный уровень цифровой грамотности; проблемы технической безопасности, кибератак и информационной монополии также остаются актуальными. Для административного права из этого следует вывод о недопустимости полного вытеснения традиционных каналов взаимодействия. Гражданин без навыков или техниче-

ских средств не должен оказываться в худшем положении, чем пользователь электронного портала. Сохранение альтернативной, бумажной или очной, формы обращения в таком случае выступает гарантией равенства перед публичной администрацией, а не проявлением отставания.

Из сказанного вытекают и конкретные предложения. Пока закон определяет лишь отдельные смежные категории, в частности цифровую платформу, представляется целесообразным законодательно определить понятие «цифровые технологии» применительно к деятельности органов исполнительной власти и разграничить его с понятием информационных технологий. Требуется закрепить процессуальные гарантии для случаев, когда административное решение подготовлено или принято с использованием автоматизированной обработки данных: право лица знать об этом, право на пересмотр решения должностным лицом и право на обжалование по общим правилам.

Цифровая трансформация государственного управления в России уже получила стратегическое закрепление и конкретные целевые ориентиры, однако правовой механизм ее реализации отстает от технологической стороны. Пока ключевые понятия не определены законом, а стратегии сохраняют преимущественно декларативный характер, административное право регулирует новые отношения во многом старыми средствами. Перенос центра тяжести с внедрения отдельных сервисов на правовое оформление цифровых процедур, гарантий и ответственности администрации является, по нашему убеждению, условием того, чтобы модель цифрового государства действительно оставалась ориентированной на человека.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 31.07.2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. — 02.08.2010. — № 31. — Ст. 4179.
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 21.10.2026).
4. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202405070015> (дата обращения: 21.10.2026).
5. Алексеева, М. В. Современные инструменты трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики / М. В. Алексеева, И. А. Подройкина // Правовой порядок и правовые ценности. — 2023. — Т. 1, № 4. — С. 9–15.
6. Алексеева, М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 16–23.
7. Бондарев, А. В. Правовая природа цифровых технологий в государственном управлении / А. В. Бондарев // Правовое государство: теория и практика. — 2023. — № 2 (72). — С. 113–122. — DOI 10.33184/pravgos-2023.2.14.
8. Козяр, Д. Ю. Внедрение и оценка проактивных государственных услуг: методологический подход / Д. Ю. Козяр, Э. В. Талапина // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2025. — № 2. — С. 7–29.

Правовая природа единого недвижимого комплекса

Бондаренко Анна Николаевна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Правовая природа единого недвижимого комплекса представляет собой сложную и многогранную категорию, требующую детального теоретико-правового анализа. Рассмотрим данный вопрос наиболее подробным образом.

Сама категория «правовая природа» в юридической науке рассматривается как совокупность сущностных признаков правового явления, определяющих его место в системе права. Иными словами, речь идет о выявлении внутренних характеристик объекта, позволяющих установить его юридическую квалификацию. «Это далеко не бессодержательная фигура речи, не метафора, не образ. За ним стоит определенный правовой смысл» — отмечают ученые [1].

Таким образом, анализ правовой природы ЕНК предполагает целостное исследование его структурных, функциональных и юридических особенностей.

С точки зрения действующего законодательства, а именно — ст. 133.1 ГК РФ, ЕНК определяется как совокупность зданий, сооружений и иных объектов недвижимости, объединённых единым назначением и неразрывно связанных между собой по физическому или технологическому смыслу [2]. Данная дефиниция отражает ключевые признаки рассматриваемого объекта, однако не раскрывает в полной мере его правовую сущность.

Следует подчеркнуть, что ЕНК представляет собой не простую совокупность объектов недвижимости, а уникальную юридическую конструкцию, обладающую внутренним единством. Таким образом, отдельные элементы комплекса утрачивают самостоятельное значение в гражданском обороте и приобретают новое качество — как части единого объекта. Иными словами, происходит трансформация правового статуса отдельных объектов в процессе их объединения.

В юридической литературе высказываются различные точки зрения относительно правовой природы ЕНК. Одни исследователи рассматривают его как разновидность сложной вещи, акцентируя внимание на функциональном единстве элементов. Другие, напротив, подчеркивают его самостоятельный характер, указывая на наличие специфических признаков, отличающих его от иных объектов гражданских прав.

Таким образом, можно говорить о наличии дуалистической природы ЕНК. С одной стороны, он обладает признаками сложной вещи, с другой — выступает как самостоятельный объект гражданских прав.

Особое значение имеет юридический аспект формирования ЕНК. В отличие от обычной совокупности объектов недвижимости, ЕНК возникает только при условии государственной регистрации. Таким образом, регистрация

выступает в качестве юридического факта, придающего комплексу статус единого объекта. Данное обстоятельство свидетельствует о высокой степени формализации рассматриваемого института.

Важной особенностью, также определяющей правовую природу ЕНК, является то, что его правовой режим характеризуется определённой спецификой. В частности, сделки с данным объектом осуществляются как с единым целым, что исключает возможность произвольного отчуждения отдельных элементов. Таким образом, обеспечивается стабильность гражданского оборота и защита интересов его участников.

Кроме того, изменение состава ЕНК требует внесения соответствующих изменений в государственный реестр недвижимости. Это означает, что структура комплекса не может изменяться произвольно, что обеспечивает дополнительную правовую определённость.

Особое значение имеет вопрос о пределах самостоятельности элементов, входящих в состав ЕНК. С одной стороны, такие элементы сохраняют признаки объектов недвижимости, включая возможность их индивидуализации. С другой стороны, их правовой режим подчинён режиму комплекса в целом, что подтверждается и судебной практикой. «Оценку характеристик единого недвижимого комплекса необходимо производить с позиций свойств и признаков неделимой вещи» — следует из текста Решения Арбитражного суда Саратовской области от 20 декабря 2022 г. по делу № А57–10938/2022 [3].

Следует также подчеркнуть, что правовая природа ЕНК тесно связана с принципом единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов, что закреплено ст. 1 ЗК РФ [4]. Конструкция ЕНК напрямую соотносится с названным принципом, поскольку ЕНК непосредственно является совокупностью объединённых единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, либо расположенных на одном земельном участке. Таким образом, ЕНК как объект гражданских прав, регулируется нормами ГК РФ, а принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов — ЗК РФ. При этом ЕНК может влиять на правовые отношения, связанные с земельным участком, на котором он расположен, в рамках общего регулирования земельных отношений.

Анализируя правовой режим ЕНК, необходимо обратить внимание на особенности его формирования. В частности, создание ЕНК требует не только наличия фактической взаимосвязанности объектов, но и их юридического оформления в установленном порядке. Это предполагает осуществление кадастрового учёта и государственной регистрации.

Особый интерес представляет тема изменения состава ЕНК. В частности, возникает вопрос о допустимости включения в состав комплекса новых объектов, либо исключения уже существующих. Следует отметить, что такие изменения возможны, однако требуют соблюдения установленной процедуры и внесения соответствующих изменений в государственный реестр. Таким образом, состав ЕНК не является абсолютно статичным, однако его изменение сопряжено с определёнными юридическими ограничениями. Это обусловлено необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота.

Особое внимание следует уделить проблемам правоприменительной практики. В частности, нередко возникают споры, связанные с квалификацией конкретных объектов в качестве ЕНК. Это обусловлено отсутствием чётких критериев, позволяющих однозначно определить наличие функциональной и технологической взаимосвязанности. Таким образом, правоприменитель вынужден прибегать к оценочным категориям, что снижает уровень правовой определённости. «Оценочная категория — это правовое понятие, отражающее наиболее общие свойства предметов, явлений, действий, конкретизируемое путем его оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации» [5]. Следует отметить, что такому средству, как «оценочная категория» присущи такие основополагающие признаки, как:

1. Формальная неопределенность;
2. Релятивный характер;
3. Субъективное правосознание конкретного правоприменителя.

Таким образом, возникает существенный риск неоднородности судебной практики, подчеркивается дискуссионность данного вопроса.

Кроме того, следует отметить, что в ряде случаев ЕНК используется как инструмент оптимизации имущественных отношений, в том числе с целью упрощения процедур распоряжения имуществом. Однако такая практика может порождать злоупотребления, связанные с искусственным объединением объектов, не обладающих реальным функциональным единством. Таким образом, возникает необходимость в установлении более строгих критериев формирования ЕНК на законодательном уровне.

Таким образом, правовая природа ЕНК характеризуется высокой степенью сложности и неоднозначности. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего теоретического осмысления данного института, а также совершенствования его нормативного регулирования.

В развитие обозначенных положений следует более подробно рассмотреть функционально-правовое значение единого недвижимого комплекса в системе современного гражданского оборота. Прежде всего, необходимо отметить, что ЕНК выступает не только как юридическая конструкция, но и как инструмент упорядочивания имущественных связей, возникающих в процессе эксплуатации

сложных объектов недвижимости. Иными словами, его значение выходит за рамки формально-правовой квалификации и приобретает выраженное прикладное содержание.

Таким образом, ЕНК можно рассматривать как средство повышения эффективности оборота недвижимости, поскольку его правовой режим позволяет минимизировать издержки, связанные с отдельным оформлением и отчуждением отдельных объектов. Следует отметить, что подобная унификация правового режима способствует ускорению гражданско-правовых сделок и снижению транзакционных рисков.

В этой связи, особое значение приобретает проблема соотношения ЕНК и принципа оборотоспособности объектов гражданских прав. Данный принцип закреплен ст. 129 ГК РФ. При анализе данной правовой нормы, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, ЕНК расширяет возможности распоряжения недвижимым имуществом как единым объектом. С другой стороны, он объективно ограничивает автономию отдельных элементов комплекса.

Следует также обратить внимание на влияние конструкции ЕНК на институт государственной регистрации недвижимости. Как известно, государственная регистрация выступает в качестве юридического механизма, обеспечивающего публичную достоверность сведений о недвижимом имуществе. В случае с ЕНК, данный механизм приобретает особую значимость, поскольку именно посредством регистрации формируется юридическое единство комплекса.

Таким образом, можно утверждать, что регистрационный акт выполняет не только удостоверяющую, но и конститутивную функцию, поскольку именно он закрепляет существование ЕНК как самостоятельного объекта гражданских прав. Иными словами, без государственной регистрации правовая природа ЕНК не может считаться завершённой.

В научной литературе обоснованно указывается, что подобная конструкция усиливает формализацию имущественного оборота, однако одновременно обеспечивает высокий уровень правовой определённости. Такие идеи в своих работах высказывают Чуракова Е. В., Щербина И. В. Рыбкина М. В., Лебедева А. С. и другие авторы [6], [7], [8].

Особого внимания заслуживает вопрос о влиянии ЕНК на институт вещных прав. В частности, возникает необходимость анализа соотношения права собственности на ЕНК с ограниченными вещными правами, такими как сервитут, аренда и иные обременения. Следует отметить, что такие права, как правило, распространяются на комплекс в целом, однако могут быть привязаны и к отдельным его элементам.

Таким образом, правовой режим обременений приобретает усложнённый характер, что требует дополнительной юридической дифференциации при их установлении и регистрации. Иными словами, наблюдается

стратификация вещно-правовых связей внутри единого объекта.

Важным направлением анализа является также оценка рисков, связанных с функционированием ЕНК в гражданском обороте. Прежде всего, следует отметить риск неправильной квалификации объектов, входящих в состав комплекса, что может повлечь за собой оспаривание сделок и возникновение правовой неопределённости, что уже отмечалось ранее. Существует риск злоупотребления правом при формировании ЕНК, выражающийся в искусственном объединении разнородных объектов с целью оптимизации правового режима их оборота. Иными словами, эффективное функционирование института ЕНК невозможно без развития доктринальных и правоприменительных механизмов его «фильтрации», направленных на предотвращение формального, а не сущностного объединения объектов.

Следует также отметить, что развитие института ЕНК отражает общую тенденцию усложнения объектов гра-

жданских прав. Современное гражданское право всё чаще сталкивается с необходимостью регулирования не отдельных вещей, а их системных совокупностей, обладающих внутренней организацией и функциональной взаимосвязью. Таким образом, ЕНК можно рассматривать как проявление системного подхода в гражданско-правовом регулировании, при котором объект права воспринимается не как изолированная единица, а как элемент более сложной имущественной структуры.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что единый недвижимый комплекс представляет собой многоуровневую, стратифицированную правовую конструкцию. Его правовая природа характеризуется дуализмом, выражающимся в одновременном наличии материальной множественности и юридического единства. Благодаря своей интегративной роли в системе объектов гражданских прав, ЕНК способствует повышению эффективности, стабильности и предсказуемости имущественного оборота недвижимости.

Литература:

1. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Правовая природа как категория правоправедения // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2022, № 6 (149).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // Проспект, 2025.
3. Решение от 20 декабря 2022 г. по делу № А57–10938/2022 Арбитражный суд Саратовской области // <https://suldact.ru/arbitral/doc/MMVcuiQHKgZV/>
4. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 02.06.2026) / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ae1af642112664f47a9e7afe92be8acce267e7e1/
5. Белоусова К. А., Беляева Г. С., Умарова М. А. Понятие и сущность оценочных категорий в праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8 (188).
6. Чуракова Е. В. Единый недвижимый комплекс. Проблемы правового регулирования // Столыпинский вестник. 2023. № 3.
7. Щербинина И. В. К вопросу о механизме правового регулирования единого недвижимого комплекса как объекта гражданских правоотношений // Право и практика. 2018. № 2.
8. Лебедева А. С., Рыбкина М. В. Единый недвижимый комплекс как объект гражданских прав государственных учреждений // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2014. № 2 (23). С. 5–10.

Дисциплинарное увольнение: судебная практика 2024–2026 годов, типичные ошибки в правоприменении и пробелы правового регулирования

Бочарина Дарья Андреевна, студент

Научный руководитель: Соломина Анастасия Александровна, преподаватель

Ангарский медицинский колледж (Иркутская область)

На основе ключевых актов Верховного Суда РФ 2024–2026 гг. выявлена трёхуровневая система ошибок по делам о дисциплинарном увольнении: работодателей, работников и судов. Обосновывается переход судебной практики от формальной проверки процедуры к содержательной оценке реальности основания увольнения, соразмерности взыскания и добросовестности сторон. Показано, что та же логика проявляется в спорах об увольнении по соглашению сторон. Предложены авторские критерии оценки соразмерности, добросовестности и «серии» взысканий; рассмотрены изменения ТК РФ, вступившие в силу 01.09.2026 г.

Ключевые слова: дисциплинарное увольнение, прогул, неоднократность, соразмерность, злоупотребление правом, соглашение сторон, судебные ошибки, восстановление на работе, ТК РФ.

Дисциплинарное увольнение остаётся одной из наиболее конфликтных сфер трудовых отношений. Согласно статистике портала «Онлайнинспекция.рф», вопросы увольнения лидируют по числу обращений граждан в инспекцию: 242 361 обращение (32 % от общего числа) за весь период учета по состоянию на 10.10.2026 г. [1]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (далее — ВС РФ), в 2024 г. рассмотрено 3 346 дел о восстановлении на работе в связи с увольнением по инициативе работодателя: иски удовлетворены по 1 959 делам (58,5 %), отказано по 1 387 (41,5 %) [2]. В 2025 г. рассмотрено 3 461 такое дело: удовлетворено 2 092 иска (60,4 %), отказано по 1 369 (39,6 %) [3]. Доля удовлетворённых исков выросла с 45,4 % в 2022 г. (2 415 из 5 321) до 60,4 % в 2025 г. при сокращении общего числа таких дел с 5 321 до 3 461 [2; 3].

Если статистика фиксирует лишь результат — рост доли удовлетворенных исков, то анализ ключевых актов ВС РФ 2024–2026 гг. позволяет выявить причины этого роста. Эти акты помогают преодолеть пробелы законодательства, внедряют оценочные критерии (такие как добросовестность или соразмерность) и задают единый вектор правоприменения. Высшая судебная инстанция последовательно отменяет решения нижестоящих судов, напрямую указывая на их формальный подход к оценке доказательств, игнорирование соразмерности взыскания и неприменение специальных гарантий. Ошибки в сфере правоприменения допускают как стороны спора, так и суды; наша цель — систематизировать такие ошибки по трём уровням и обозначить пути их минимизации.

Дисциплинарное увольнение — крайняя мера дисциплинарного взыскания, применяемая за виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником трудовых обязанностей (ст. 192 ТК РФ) [4]. Его основаниями служат прежде всего п. 5 и п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ [4]. Дисциплинарные основания предполагают оценку личности работника, его отношения к труду и обстоятельств проступка, оставляя при этом место для оценочных суждений.

Порядок применения взыскания установлен ст. 193 ТК РФ [4]. Бремя доказывания лежит на работодателе: в случае трудового спора он обязан доказать наличие законного основания увольнения и соблюдение порядка (п. 23 постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2), а также то, что при наложении взыскания учитывались тяжесть проступка, обстоятельства его совершения, предшествующее поведение работника и его отношение к труду (п. 53) [5; 6]. Следовательно, законность увольнения проверяется по двум относительно самостоятельным направлениям — процедурному и содержательному (реальность проступка и соразмерность взыскания), и ошибки на любом из этих уровней могут повлечь восстановление работника.

Ошибки работодателей условно можно подразделить на процедурные, содержательные и тактические.

Процедурные ошибки. Наиболее показательная из них — неистребование объяснений по вменяемым нарушениям. В Определении от 07.10.2024 № 36-КГПР24–3-К2 ВС РФ отметил, что работодатель не затребовал письменные объяснения по нарушениям, указанным в приказе об увольнении, заявления же работника от 21 и 27 октября 2022 г., которые работодатель счёл объяснительными, касались иного вопроса и не объясняли вменённых нарушений. Невыполнение же императивного требования ч. 1 ст. 193 ТК РФ лишило работника гарантии, позволяющей изложить свою позицию, что повлекло признание увольнения незаконным [7]. Тот же вывод относится к докладным и служебным запискам: объяснение должно касаться именно тех нарушений, которые вменяются работнику. Поскольку отказ работника от объяснений не препятствует взысканию [4], работодателю достаточно документально подтвердить само требование объяснений, но в рассмотренном деле именно такого подтверждения и не оказалось. К процедурным ошибкам относятся также нарушение сроков, установленных ст. 193 ТК РФ, и увольнение в период временной нетрудоспособности или отпуска работника, запрещённое ч. 6 ст. 81 ТК РФ [4]. Встречается и ошибочное отнесение к условиям дисциплинарного увольнения обязанности работодателя предлагать вакансии: она установлена ч. 3 ст. 81 ТК РФ для увольнений по п. 2 и 3 ч. 1 этой статьи и на увольнение по п. 5 или 6 не распространяется [4].

Содержательные ошибки связаны с описанием и доказыванием самого дисциплинарного проступка. Приказ об увольнении должен позволять установить, какое именно нарушение вменяется работнику, когда и в чём оно выразилось, поскольку неконкретность формулировки затрудняет проверку законности и часто влечёт отмену приказа. Основание, указанное в приказе, связывает работодателя в суде: доказывать он обязан именно его [5], и заменить, допустим, прогул иным основанием после увольнения он не вправе. Особая группа — игнорирование специальных гарантий. Расторжение трудового договора с беременной женщиной по инициативе работодателя не допускается, за исключением ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуального предпринимателя (ч. 1 ст. 261 ТК РФ) [4]. При этом отсутствие у работодателя сведений о беременности не является основанием для отказа в восстановлении (п. 25 постановления Пленума ВС РФ от 28.01.2014 № 1) [8]. Для работников моложе 18 лет увольнение по инициативе работодателя (за исключением ликвидации организации или прекращения деятельности ИП) требует согласия государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних (ст. 269 ТК РФ), а увольнение члена профсоюза по п. 5 ч. 1 ст. 81 — учёта мотивированного мнения выборного профсоюзного органа (ст. 373 ТК РФ) [4].

Тактические ошибки состоят в том, что работодатель, формально соблюдая отдельные требования, выстраивает такую линию поведения, которую суд оценивает как направленную на избавление от работника. Показательна «серия» взысканий. Так, по делу, изложенному в Определении ВС РФ № 36-КГПР24–3-К2, за период с декабря 2021 г. по ноябрь 2022 г. к работнику было применено пять дисциплинарных взысканий, четыре из которых признаны незаконными. Высшая судебная инстанция указала, что такая последовательность может свидетельствовать о намеренных действиях по увольнению и о злоупотреблении правом со стороны работодателя [7]. Второй типичный просчёт — игнорирование предшествующего поведения работника. Тяжесть проступка, обстоятельства его совершения, предшествующее поведение и отношение к труду должны учитываться при наложении любого взыскания (ч. 5 ст. 192 ТК РФ, п. 53 постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2; далее — Пленум № 2) [4; 5]. В том же деле суды необоснованно отвергли доказательства 44-летнего стажа работника, наград и отсутствия взысканий до смены руководителя организации, что ВС РФ признал нарушением принципа состязательности [7].

Недобросовестное поведение работника образует самостоятельный уровень анализа: если ошибки работодателя и судов влекут восстановление на работе или отмену судебных актов, то злоупотребление правом со стороны работника, напротив, может служить основанием для отказа в иске.

В правовой ситуации, приведённой в Определении от 04.03.2024 № 4-КГ23–92-К1, работник отсутствовал на работе с 4 мая по 6 июня 2022 г., уклонялся от получения уведомлений работодателя, не сообщал о причинах отсутствия и не выходил на связь [9]. ВС РФ указал, что суды не применили положения статьи 10 ГК РФ [10] и разъяснения пункта 27 постановления Пленума № 2 [5], запрещающие злоупотребление правом, в том числе со стороны работника, тогда как установление данного факта является самостоятельным основанием для отказа в иске о восстановлении на работе. Логика подобного подхода очевидна: уклонение работника от взаимодействия с работодателем лишает сотрудника оснований безусловно ссылаться на нарушение статьи 193 ТК РФ, поскольку такое поведение должно оцениваться судом через призму добросовестности. С этим связана вторая ошибка — непредставление доказательств уважительности причин отсутствия. Работник, оспаривающий увольнение за прогул, должен представить такие доказательства и работодателю, и суду. В деле № 4-КГ23–92-К1 он не сделал ни того ни другого, и это было расценено как злоупотребление правом [9]. Третья ошибка — подписание приказов, актов и иных документов без возражений. Подпись не лишает работника права на оспаривание, но отсутствие письменных возражений ослабляет доказательственную позицию, поэтому с точки зрения практики безопаснее фиксировать несогласие: «С приказом ознакомлен, с увольнением не согласен». Наконец, работники нередко пропускают ме-

сячный срок обращения в суд, исчисляемый со дня вручения копии приказа (ст. 392 ТК РФ), тогда как пропуск срока без уважительных причин — это самостоятельное основание для отказа в иске [4].

Ошибки судов проявляются в том, что формальный подход, порой применяемый ими при разбирательстве дела, вытесняет индивидуальную оценку фактических обстоятельств. Первая группа таких ошибок — формальная оценка доказательств. Так, в деле № 4-КГ23–92-К1 суды первой и апелляционной инстанций не дали оценку доводам работодателя о злоупотреблении правом со стороны работника, что противоречит ст. 10 ГК РФ и п. 27 постановления Пленума № 2 [9]. В деле № 36-КГПР24–3-К2 суды, напротив, основали выводы исключительно на доказательствах работодателя и отвергли доказательства работника без мотивов, нарушив принципы состязательности и равноправия сторон (ст. 12, 56, 67 ГПК РФ) [7; 11].

Вторая группа — неправильное применение ст. 193 ТК РФ, причём как в пользу работника, так и в пользу работодателя. В деле № 4-КГ23–92-К1 суды признали нарушением то, что работодатель не затребовал объяснения за период с 11 мая по 6 июня 2022 г., хотя тот направлял уведомления, составлял акты, выезжал по месту жительства работника и обращался в полицию, то есть предпринял исчерпывающие меры [9]. В деле № 36-КГПР24–3-К2 суды, наоборот, признали порядок увольнения соблюденным, хотя объяснения по вменённым нарушениям затребованы не были [7]. Такое сочетание показывает, что ошибки суда не сводится к заведомому уклону в пользу одной из сторон — это отказ от всесторонней и полной оценки обстоятельств дела.

Третья группа — нарушение принципа соразмерности дисциплинарного взыскания тяжести совершенного проступка: суды признали увольнение соразмерным, не оценив предшествующее поведение, награды, стаж и отсутствие прежних взысканий, что противоречит ч. 5 ст. 192 ТК РФ и п. 53 постановления Пленума № 2 [4; 5; 7]. Четвёртая группа — неверное распределение бремени доказывания: суды возложили на работника обязанность доказывать отсутствие оснований увольнения, тогда как по смыслу п. 23 постановления Пленума № 2 эту обязанность несёт работодатель [5; 7]. Пятая группа — отсутствие комплексной оценки систематического привлечения работника к ответственности: нижестоящие суды не усмотрели в пяти взысканиях за год признаков давления на работника [7]. Наконец, шестую группу составляют процессуальные нарушения: неуказание в судебных актах мотивов, по которым отклонены доказательства (ч. 4 ст. 198 ГПК РФ), и неоценка доводов стороны (ст. 67, 198, 329 ГПК РФ) [7; 9; 11]. К ошибкам судов относится и формальная оценка добровольности волеизъявления работника, о которой подробнее мы скажем ниже.

Три уровня правоприменительных ошибок находятся в системной взаимосвязи: упущения работодателя определяют предмет иска, просчеты работника минимизируют шансы на успешное разрешение спора, а выводы

суда — окончательно закрепляют либо устраняют последствия этих дефектов. Именно поэтому решающим фактором здесь становится судебная оценка поведения обеих сторон.

Проведенный анализ позволяет сформировать четыре группы авторских критериев, которые могут использоваться судами при проверке законности увольнения, а сторонами спора — при оценке правовых рисков. Не будучи закрепленными в законе, данные критерии призваны структурировать оценочные суждения, не подменяя анализ конкретных обстоятельств дела.

Критерии соразмерности взыскания (ч. 5 ст. 192 ТК РФ, п. 53 постановления Пленума № 2) включают тяжесть проступка и обстоятельства его совершения; предшествующее поведение и отношение к труду; стаж и наличие поощрений; наличие или отсутствие действующих взысканий; последствия проступка для работодателя; возможность применения более мягкой меры.

Критерии добросовестности работника, выработанные по делу № 4-КГ23-92-К1 [9], — своевременность уведомления работодателя о причинах отсутствия, доступность для связи, представление доказательств уважительности причин и отсутствие уклонения от получения уведомлений.

Критерии добросовестности работодателя, вытекающие из дела № 36-КГПР24-3-К2 [7], — последовательность действий, отсутствие «серии» взысканий за короткий срок, учёт предшествующего поведения работника, соблюдение специальных гарантий и отсутствие признаков давления.

Наконец, «серия» взысканий оценивается по количеству взысканий за определённый период, промежуток между ними, тяжести каждого проступка, наличию конфликта между работником и руководством и, прежде всего, по законности каждого взыскания. Когда четыре из пяти взысканий признаны незаконными [7], суд вправе — с учётом хронологии, тяжести проступков и предшествующего поведения работника — квалифицировать такую последовательность как признак злоупотребления правом работодателем. Но это не автоматический вывод, а результат оценки совокупности доказательств.

Тенденция к содержательному анализу правоотношений выходит за рамки споров о правомерности дисциплинарных увольнений, распространяясь на иные институты трудового права. Если работодатель вынуждает работника уйти «по-хорошему», результатом становится скрытое увольнение по инициативе работодателя, минуя гарантии ст. 192 и 193 ТК РФ. Объединяет данные институты единый методологический подход — обязанность суда устанавливать реальность волеизъявления работника, а не ограничиваться проверкой формального наличия документов. Однако в дисциплинарном увольнении этот стандарт применяется к оценке проступка и соразмерности взыскания, а в соглашении сторон — к оценке добровольности и встречных предоставлений.

В Определении от 22.09.2025 № 5-КГ25-113-К2 ВС РФ указал, что расторжение договора по соглашению сторон (ст. 78 ТК РФ) предполагает исключительно добровольное, осознанное и согласованное волеизъявление. При этом подлинный интерес работника в прекращении трудовых отношений может выражаться в предоставлении ему дополнительных гарантий — выходного пособия и иных компенсационных выплат. Поскольку в рассматриваемом деле соглашение было подписано, а приказ об увольнении издан непосредственно в день беседы с работодателем без предоставления сотруднику времени на обдумывание и без выплаты каких-либо компенсаций, высшая судебная инстанция признала увольнение незаконным и восстановила работника на работе [12].

Указанный подход нашёл официальное отражение в Обзоре судебной практики ВС РФ № 2 (2026), утверждённом Президиумом 01.07.2026 [13]. Президиум ВС РФ подчеркнул, что соглашение о расторжении трудового договора должно отвечать паритету интересов сторон, а факт вынужденности его подписания может подтверждаться любыми предусмотренными законом доказательствами. Судам предписано содержательно оценивать наличие встречных материальных стимулов (например, компенсационных выплат), мотивирующих сотрудника на прекращение трудовых отношений. Следовательно, в правоприменении сформировались три ориентира проверки: время на размышление, материальное содержание соглашения и допустимые средства доказывания давления (аналогичная позиция выражена в Определении ВС РФ от 13.04.2026 № 53-КГ26-1-К8 [14]).

На этой основе в литературе была сформулирована концепция материальной презумпции вынужденного характера увольнения при отсутствии компенсаций, выдвигаемая как ответ на прогнозируемый рост скрытых увольнений (до 30 % рынка в 2026 г.) [15, с. 2–3]. Однако если сама презумпция пока остаётся сугубо доктринальной, то общий вектор на отказ от формального подхода «подпись есть — значит, добровольно» стал нормативным. Тем не менее итоговые выводы судов по-прежнему зависят от баланса доказательств: так, кассационный суд признал законным увольнение по соглашению с выплатой одного оклада, установив, что инициатива исходила от работника, аудиозаписи бесед не содержали угроз, а уволенный сотрудник не заявлял требований о восстановлении и оперативно трудоустроился [16].

Иллюстрацией законодательного закрепления стандарта содержательной оценки выступает изменение подпункта «г» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, вступившее в силу 01.09.2026: перечень актов, устанавливающих факт хищения, дополнен судебными решениями о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (включая судебный штраф) [17]. Указанная норма задаёт стандарт содержательного контроля, обязывая суд не признавать внутренние ведомственные документы достаточным основанием и требовать итоговый акт государственного органа.

Анализ рассмотренных судебных актов позволяет выделить несколько проблем правоприменения, требующих дальнейшего исследования. К важнейшим из них относятся: а) отсутствие легальных ориентиров для разграничения скрытого давления на работника и добросовестной реализации работодателем своих правомочий при множественном привлечении к дисциплинарной ответственности; б) отсутствие унифицированных правил оценки допустимости и проверки подлинности электронных носителей информации (переписка в мессенджерах, скриншотов), тогда как именно цифровые данные всё чаще выступают важнейшими средствами доказывания порока воли работника; в) неурегулированность временных границ отзыва заявления об увольнении при оспаривании его вынужденного характера, выраженная в отсутствии нормативно установленного предельного момента для совершения такого действия

лицом, заявившим о психологическом давлении, и неопределенности влияния факта отзыва на последующую судебную оценку добровольности волеизъявления.

Проведенный нами анализ фиксирует устойчивый переход судебной практики 2024–2026 годов от формальной проверки процедуры увольнения к содержательной оценке реальности оснований, соразмерности взыскания и добросовестности сторон. При этом обнаруженные системные пробелы — отсутствие легальных ориентиров выявления скрытого давления на работника, критериев оценки допустимости электронных доказательств и временных пределов отзыва заявления об увольнении — требуют безотлагательного законодательного урегулирования. В свою очередь, разработанные авторские критерии призваны структурировать судебное усмотрение и оптимизировать оценку правовых рисков.

Литература:

1. Статистика работы портала онлайнинспекция.рф / Онлайнинспекция.рф: [сайт]. URL: <https://xn—80akibcicpd-betz7e2g.xn—p1ai/statistics>
2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год / Судебный департамент при ВС РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942>
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2025 год / Судебный департамент при ВС РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9893>
4. Трудовой кодекс Российской Федерации (ред. от 25.05.2026, с изм., вступающими в силу с 01.09.2026).
5. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 09.12.2025).
6. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя: утв. Президиумом ВС РФ 09.12.2020.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 07.10.2024 № 36-КГПР24–3-К2. URL: https://www.vsrfr.ru/lk/practice/stor_pdf/2418038
8. О применении судами законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних: постановление Пленума ВС РФ от 28.01.2014 № 1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158272/
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 04.03.2024 № 4-КГ23–92-К1. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-04032024-n-4-kg23-92-k1/>
10. Гражданский кодекс РФ (часть первая). (ред. от 10.06.2026).
11. Гражданский процессуальный кодекс РФ. (ред. от 04.08.2026).
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.09.2025 № 5-КГ25–113-К2. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092025-n-5-kg25-113-k2-uid-77rs0023-02-2023-015331-09>
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2026): утв. постановлением Президиума ВС РФ от 01.07.2026 № 18А/2026.
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.04.2026 № 53-КГ26–1-К8. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/414138761/>
15. Бурнос Е. Н. О презумпции принуждения к увольнению по «пустому» соглашению сторон о расторжении трудового договора // Российский судья. 2026. № 3. С. 2–6. DOI 10.18572/1812–3791–2026–3–2–6.
16. Добровольное увольнение по соглашению сторон с выплатой оклада — кассация не признала его вынужденным // Время бухгалтера: [сайт]. 12.05.2026. URL: <https://www.v2b.ru/2026/05/12/dobrovolnoe-uvolnenie-po-soglashe-niu-storon-s-vyplatoy-oklada/>
17. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.05.2026 № 144-ФЗ // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/53261>

Участие специалиста при назначении экспертиз и в судебном следствии

Булатова Алина Ринатовна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статьей 1 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определено, что государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами (далее — эксперт), состоит в организации и проведении судебной экспертизы.

Судебные экспертизы можно классифицировать по различным основаниям. Первое из них — по отраслям знаний или по характеру специальных знаний, используемых при проведении экспертизы. Экспертизы, относящиеся к этой категории, весьма разнообразны, и обычно их подразделяют на классы, роды, виды и подвиды.

Важнейшим классом являются традиционные криминалистические экспертизы — группа судебных экспертиз, проводимых с использованием специальных знаний и методик, которые главным образом основаны на положениях криминалистической техники. Криминалистические экспертизы делятся на следующие роды:

- Судебно-трасологические экспертизы. К этому роду относятся все экспертизы следов. В чисто практических целях в особую группу иногда выделяют дактилоскопическую экспертизу ввиду ее особой значимости для раскрытия и расследования преступлений.

- Судебные экспертизы огнестрельного оружия, боеприпасов и следов выстрела (судебно-баллистические).

- Судебные экспертизы холодного оружия.

- Судебно-почерковедческие экспертизы.

- Судебно-экономические экспертизы.

Каждый род судебной экспертизы имеет свой предмет, т. е. своеобразные фактические данные (факты, обстоятельства), установленные путем исследования материалов дела. Всякая экспертиза назначается и проводится для установления фактов, но эти факты специфичны для разных родов (видов) судебной экспертизы, за исключением случаев, когда один и тот же факт может устанавливаться (доказываться) с помощью различных процессуальных средств.

Каждый род экспертиз подразделяется на виды. Например, ранее выделяли следующие виды судебно-экономической экспертизы:

- бухгалтерскую;
- финансово-кредитную;
- планово-экономическую;
- экономико-статистическую;
- финансово-экономическую;
- экспертизу экономики труда.

В настоящее время в научной литературе предлагается и другая классификация видов судебно-экономической экспертизы, включающая:

- бухгалтерскую;
- финансово-кредитную;
- налоговую.

В частности, судебно-бухгалтерская экспертиза назначается в тех случаях, когда для использования бухгалтерских и других знаний необходимо в установленном процессуальным законодательством порядке произвести исследование хозяйственных операций, нашедших полное или частичное отражение в документах бухгалтерского учета, результаты которого требуют анализа и истолкования эксперта-бухгалтера. Такая экспертиза назначается, когда у следователя или суда после проведения ими всех разрешенных действующим законодательством следственных действий или судебного разбирательства возникли конкретные вопросы, ответить на которые может лишь специалист, и в деле имеется достаточное количество материалов, необходимых для такого исследования.

Классификация экспертиз по объему исследования сводится к делению на основные и дополнительные. В зависимости от места проведения экспертизы делятся на проведенные в экспертном учреждении и вне такого учреждения; по составу экспертов — на единоличные и комиссионные.

Общей целью всех экспертиз и экспертной деятельности в Российской Федерации является содействие реализации правоохранительной функции государства.

Экспертиза представляет собой важную процессуальную форму использования специальных познаний, в связи чем законодатель предусматривает и процессуальный порядок ее назначения. Иными словами, основанием для ее проведения является только специальный документ, выданный уполномоченным на то должностным лицом. В уголовном процессе это следователь, дознаватель, прокурор, которые в соответствии с требованиями процессуального закона, указанными в статьях 195 и 196 УПК РФ, выносят постановление о назначении экспертизы живых лиц. Если следователь и специалист применяют специальные познания в процессе обычных (рабочих) следственных действий, например осмотра, обыска, освидетельствования, следственного эксперимента, то эксперт использует их при особом следственном действии — экспертизе.

Процессуальные основания назначения экспертизы в уголовном деле определены статьей 195 УПК РФ, устанавливающей, что, признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, в котором указываются:

- 1) основания назначения судебной экспертизы;
- 2) фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза;
- 3) вопросы, поставленные перед экспертом;
- 4) материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

При этом Уголовно-процессуальным кодексом РФ предусмотрены случаи, когда проведение экспертизы является обязательным. Из содержания статьи 196 УПК РФ следует, что назначение судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить:

- 1) причины смерти;
- 2) характер и степень вреда, причиненного здоровью;
- 3) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

Законодатель обязывает следователя провести экспертизу и для установления психического состояния подозреваемого в возрасте старше восемнадцати лет, обвиняемого в совершении преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии (отсутствии) у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии).

Обязательно проводится экспертиза, если необходимо установить:

— психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

— возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

При производстве судебной экспертизы в экспертном учреждении следователь направляет руководителю соответствующей организации постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее проведения. Получив такое постановление, руководитель экспертного учреждения поручает проведение судебной экспертизы одному или нескольким конкретным экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя. При этом руководитель экспертного учреждения, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные статьей 57 УПК РФ.

К особому классу судебно-медицинских экспертиз, наиболее востребованных в практической судебно-следственной деятельности, относятся дактилоскопическая, баллистическая, трасологическая и другие. Стоит отметить, что невозможно ни законодательно, ни доктринально установить перечень образцов для сравнитель-

ного исследования. Закон не приводит исчерпывающего перечня образцов, которые могут быть получены в порядке реализации положений статьи 202 УПК РФ. Под иными образцами имеются в виду голос и речь, отпечатки пальцев рук и ступней ног, слепки зубов, соскобы из-под ногтей, образцы волос, пробы крови, слюны и другие образцы, связанные с жизнедеятельностью человека. Согласно статье 202 УПК РФ, образцы могут быть получены от живого человека.

Прежде чем приступить к изъятию образцов, следователь зачитывает всем участникам этого следственного действия постановление, разъясняет его содержание и предупреждает, что оно обязательно для лиц, в отношении которых вынесено (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Как правило, образцы предоставляются добровольно; при этом следует учитывать, что в случае отказа не все образцы для сравнительного исследования могут быть получены в принудительном порядке (например, образцы почерка, голоса).

Запаховые следы с позиции криминалистики необходимо рассматривать так же, как все и иные следы, оставленные человеком в окружающем пространстве в момент совершения преступления. Запах человека уникален и неповторим, поэтому имеет высокое доказательственное значение и выступает инструментом идентификации личности не только преступника, но и потерпевшего. Особенность этого следа заключается в том, что по своей природе он имеет материальное происхождение, однако невидим. Выявление и фиксация запаха — весьма непростая процедура, требующая от исполнителя глубокого понимания механизма совершения преступления с целью восстановления объективной стороны криминализованного деяния. Это означает, что эксперту нужно быстро понять, как именно действовал преступник, и, буквально двигаясь по его пути, попытаться найти любые фрагменты — носители запаха. Это может быть и пятнышко крови, и мельчайший фрагмент кожи, например в подногтевом содержимом жертвы, если имеются следы сопротивления, и т. д.

Безусловно важное значение имеет обнаружение частиц тела человека, таких как вырванные или выпавшие естественным путем волосы, обломки ногтей и т. д. Если такие очень ценные с точки зрения криминалистической одорологии объекты обнаружены, они подлежат фотографированию, описанию в протоколе с указанием места обнаружения. Затем рекомендуется поместить объекты (каждый отдельно) в имеющиеся у эксперта-криминалиста стеклянные колбы или пробирки. После выделения запаха эти объекты могут быть успешно использованы для проведения судебно-медицинских и судебно-биологических экспертиз.

Запаховые следы, как правило, изымаются в ходе проведения таких следственных действий, как осмотр места происшествия, места обнаружения трупа или тела жертвы, выжившей в итоге нападения, а также в ходе обыска и осмотра изъятых предметов, принадлежащих жертве или преступнику. Общими процессуально-нормативными принципами в описанных случаях являются

нормы, приведенные в статьях 176–180 УПК РФ. При этом нужно иметь в виду, что фиксация запаховых следов не является процессуальным действием: УПК РФ никак не регламентирует эту процедуру.

Единственная норма УПК РФ, которая распространяется на изъятие запаха человека, описана в статье 202 УПК РФ и предусматривает изъятие образцов для сравнительного исследования. В ней законодатель определил, что следователь как процессуальное лицо наделен правом получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего. Основанием для изъятия образцов с целью проведения сравнительного исследования является необходимость проверки того, были ли рассматриваемые следы оставлены участниками уголовного процесса в определенном месте или на вещественных доказательствах. Иными словами, речь идет о необходимости идентификации личности человека по следам, в том числе запаховым.

По критерию механизма образования в одорологии принято различать следы — источники запаха и следы-запахи. Следы — источники запаха есть не что иное, как объекты материального мира различного (не обязательно органического) происхождения, которые могут иметь жидкую или твердую форму. Например, на твердой поверхности пола в квартире обнаружено пятно крови; это предмет — носитель запаха в жидком виде, но для биологического исследования крови нужно ее с пола изъять (обычно это делается путем смыва). В такой ситуации необходимо сначала произвести изъятие запаха на адсорбент, а затем изъять и само пятно как образец для сравнительного исследования крови в рамках судебно-биологической экспертизы ее принадлежности. Нарушение такого порядка действий может повлечь наличие в запахе посторонних примесей или его уничтожение.

Современная одорология сталкивается с проблемой обеспечения длительного хранения запаховых следов. Основная трудность заключается в том, что запах имеет свойство «улетучиваться», и к моменту его выявления (обнаружения) может пройти значительное время. Он не должен смешиваться с другими запахами, и для этого важно обеспечить отсутствие запаховых контактов. В этих целях след помещается в герметичную тару — обычно это банки, которые можно закатать, или специальные стеклянные колбы. Разработаны и иные способы сбора и хранения запаха. В частности, существуют приборы, позволяющие сорбировать запахи на специальные носители, например активированный уголь.

Нередко в случаях пропажи людей и обнаружения неопознанных трупов для исследования запаха изымается нательное белье подозреваемого (обвиняемого), а также жертвы преступления. Белье можно упаковать в алюминиевую фольгу; затем первый пакет помещается во второй (целлофановый), который прошивается нитью для обеспечения сохранности объекта исследования.

Возможно изъятие пота, если обвиняемый (подозреваемый) задержан. Для этого самому подозреваемому (обвиняемому) предлагают извлечь из стеклянной банки два чистых лоскута специально обработанной байки или фланели и расположить их на своем теле (под поясом брюк или за воротником), обеспечив тем самым плотный контакт с кожей. Требуемое время контакта адсорбента с поверхностью кожи — не менее 30 минут. Затем лоскуты ткани снова помещаются в герметичную стеклянную посуду, которую маркируют (указывают фамилию, имя и отчество человека, его возраст и род занятий, а также информацию о том, где именно были расположены адсорбенты запаха). Однако следует отметить, что законодательство не предусматривает обязанности человека предоставить для исследования свои биологические образцы, поэтому при отказе предоставить образцы запаха никаких последствий не следует.

Особенность изъятия и фиксации образцов запаха заключается в том, что, процессуально подчиняясь общим правилам изъятия образцов для сравнительного исследования, они осложнены высоким риском «загрязнения» следа или его уничтожения.

В научной литературе отмечается целесообразность использования образцов свежей или высохшей крови. Общепринято считать кровь самым надежным носителем индивидуального человеческого запаха, поскольку в ней (особенно высохшей) он отграничен от всех иных запахов.

Рассмотрим примеры из судебной практики. Так, следователь-криминалист из Ульяновска проявил инициативу и назначил производство ольфакторной судебной экспертизы; итогом стало раскрытие преступления, совершенного 8 лет назад. На одежде убитых братьев удалось выявить запах мужчины, ранее проходившего по делу в качестве подозреваемого, однако прежде не было собрано достаточных доказательств. После проведения ольфакторной судебной экспертизы на основании всей совокупности доказательств ему было предъявлено обвинение, а затем вынесен приговор. Это стало возможным благодаря профессионализму специалиста, который смог выделить и сохранить запах. В соответствии со статьями 81 и 82 УПК РФ образцы для экспертного исследования упаковываются и сохраняются по правилам хранения вещественных доказательств.

На стадии рассмотрения уголовного дела в суде специалист обеспечивает оказание консультационной помощи посредством дачи показаний и заключения, а также применения научно-технических средств, исходя из чего выполняет следующие функции:

- разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию;
- участие в постановке вопросов эксперту;
- применение технических средств в исследовании материалов уголовного дела.

Выводы. До назначения судебной экспертизы специалист обеспечивает правильность процедуры изъятия

и сохранность образцов для сравнительного исследования. От уровня его профессиональной грамотности зависит результат экспертизы.

На стадии судебного рассмотрения дела он оказывает содействие суду в формах:

- консультации;
- правильного применения технических средств (например, для просмотра видеозаписи);
- разъяснения сущности тех или иных определений и узкопрофессиональных понятий.

Литература:

1. Звягин, С. А. Судебно-бухгалтерская экспертиза и экономический класс судебно-бухгалтерских экспертиз // Российский следователь. — 2006. — № 6. — С. 8–12.
2. Резяпова, Л. У. Участие специалиста при производстве судебной экспертизы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2013. — № 3 (61). — С. 42–49.
3. Балашов, Д. Н. Учебник по криминалистике / Д. Н. Балашов, Н. М. Балашов, С. В. Маликов. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2026. — 449 с.
4. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.09.2023) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/1354483/>
5. Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. М.: НОРМА, 2026. 928 с.
6. Бастрыкин рассказал об уникальных экспертизах криминалистов СКР // RG.RU. — 2020. — URL: <https://rg.ru/2020/10/18/bastrykin-rasskazal-ob-unikalnyh-ekspertizah-kriminalistov-skr.html>
7. Зайцева, Е. А. Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам: монография / Е. А. Зайцева, Д. П. Чипура. — Волгоград: ВА МВД России, 2007. — 145 с.
8. Порядок получения образцов для проведения сравнительного исследования (экспертизы). — Текст : электронный // Прокуратура Воронежской области : [сайт]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_36/activity/legal-education/explain/e353190/?ysclid=mvgdeo6jzp809032975 (дата обращения: 22.10.2026).

Стандарты доказывания и проблема определения периода простоя при расчете упущенной выгоды арендатора

Васильева Екатерина Олеговна, студент магистратуры
Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета

В статье рассматриваются проблемные аспекты взыскания упущенной выгоды арендатором при неправомерном или досрочном одностороннем отказе арендодателя от договора аренды. Особое внимание уделено стандартам доказывания размера неполученных доходов, необходимости расчета чистой прибыли с учетом неизбежных расходов, а также определению временного периода простоя как ключевого фактора при исчислении суммы убытков.

Standards of proof and the problem of determining the downtime period when calculating the tenant's lost profits

The article examines the problematic aspects of recovering lost profits by the tenant in the event of the landlord's unlawful or early unilateral termination of the lease agreement. Special attention is paid to the standards for proving the amount of lost income, the need to calculate net profit taking into account unavoidable expenses, and the determination of the time period of downtime as a key factor in calculating the amount of damages.

Гражданское законодательство Российской Федерации базируется на фундаментальном принципе полного возмещения убытков, который включает в себя право потерпевшей стороны требовать компенсации как ре-

ального ущерба, так и неполученных доходов — упущенной выгоды (ст. 15 ГК РФ). В сфере предпринимательской деятельности досрочное и нередко неправомерное расторжение договора аренды по инициативе арендо-

дателя влечет за собой приостановление коммерческой деятельности арендатора, разрушение сложившихся хозяйственных связей и серьезные финансовые потери. Несмотря на законодательные гарантии, на практике институт взыскания упущенной выгоды сталкивается с существенными трудностями доказывания, обусловленными спецификой объекта взыскания и требованиями судебных стандартов.

Главная методологическая сложность взыскания упущенной выгоды заключается в ее вероятностном и гипотетическом характере. В отличие от реального ущерба, подтверждаемого первичными бухгалтерскими документами и договорами купли-продажи, упущенная выгода представляет собой определяемые путем расчета экономических показателей неполученные доходы, которые лицо могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы право лица не было нарушено. Применительно к арендным отношениям прекращение доступа к коммерческому помещению означает невозможность извлечения прибыли от розничной торговли, оказания услуг или производства продукции. Долгое время суды занимали крайне консервативную позицию: массово отказывали в исках, ссылаясь на недоказанность точного размера упущенной выгоды и невозможность математического моделирования будущих доходов предпринимателя.

Ситуация изменилась с принятием постановления Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Высшая судебная инстанция разъяснила, что суд не может отказать в возмещении упущенной выгоды только на том основании, что ее размер невозможно установить с математической точностью. В этом случае размер убытков подлежит установлению судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из «разумной степени достоверности».

Данный стандарт доказывания переориентировал арбитражную практику с требования абсолютной точности расчетов на оценку обоснованности и логичности представленной истцом экономической модели.

Тем не менее бремя доказывания размера упущенной выгоды по-прежнему лежит полностью на арендаторе. В качестве надлежащих доказательств суды принимают финансовую отчетность за аналогичные периоды прошлых лет, подтвержденные договоры с контрагентами, сорванные из-за выселения заказы, а также детальные бизнес-планы и рыночную аналитику. При этом критически важным требованием выступает расчет именно «чистой прибыли», а не валового дохода. Как неоднократно отмечалось в правовой доктрине и судебной практике, при исчислении упущенной выгоды из предполагаемого валового дохода арендатора в обязательном порядке должны вычитаться расходы, которые он неизбежно понес бы в период простоя для извлечения этой выгоды. К таким расходам относятся арендная плата по

расторгнутому договору, налоговые платежи, затраты на оплату труда персонала, коммунальные и эксплуатационные расходы. Игнорирование данного правила и предъявление к взысканию «грязной» выручки влечет за собой отказ в иске или пропорциональное уменьшение судом суммы взыскания ввиду очевидного несоответствия принципу справедливости и недопущения неосновательного обогащения.

Не меньшую сложность в судебном процессе представляет правильное определение временного интервала, за который рассчитывается упущенная выгода. Зачастую арендаторы предъявляют требования о возмещении неполученных доходов за весь оставшийся срок действия прекращенного договора (который может составлять несколько лет). Однако такой подход противоречит природе гражданско-правовой ответственности и принципу соразмерности. Судебная практика исходит из того, что период простоя ограничен разумным сроком, необходимым добросовестному и осмотрительному участнику гражданского оборота для поиска аналогичного помещения, заключения нового договора аренды, переезда и возобновления коммерческой деятельности.

Разумный срок поиска альтернативного объекта недвижимости не имеет фиксированного законодательного выражения и определяется судом индивидуально в зависимости от масштаба бизнеса, товарной специфики и рыночной конъюнктуры. Для небольшого розничного магазина или офиса сферы услуг этот период обычно оценивается судами в пределах одного-трех месяцев. Для крупных производственных предприятий, логистических комплексов или специализированных торговых точек, требующих уникальных технических характеристик помещения (наличие мощных электросетей, подъездных путей, санитарных зон), период поиска может составлять от полугода и более. При этом арендатор обязан доказать суду, что он предпринял все зависящие от него активные меры по скорейшему нахождению нового помещения (направление запросов арендодателям, взаимодействие с риелторами, размещение объявлений), а затягивание процесса было объективно обусловлено дефицитом подходящих объектов на рынке.

Подводя итог, следует отметить, что эффективная защита прав арендатора при неправомерном одностороннем отказе арендодателя от договора требует строгого соблюдения современных стандартов доказывания.

Истцу необходимо не только подтвердить факт противоправного лишения владения помещением, но и математически обоснованно рассчитать чистую прибыль, исключив из нее все сопутствующие операционные расходы, а также ограничить период взыскания разумным сроком, необходимым для адаптации бизнеса к новым условиям. Такой подход обеспечивает баланс интересов участников арендных отношений и позволяет реализовать компенсаторную функцию гражданско-правовой ответственности без превращения института возмещения убытков в источник необоснованного обогащения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. — 2016. — № 70.
3. Карапетов, А. Г. Условие о возмещении потерь: комментарий к статье 406.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия РФ. — 2016. — № 5. — С. 80–98.
4. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — Москва : Статут, 2006. — 780 с.
5. Белов, В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов. — Москва : Юрайт, 2022. — 451 с.

Влияние обязанности по минимизации убытков и замещающих сделок (статья 393.1 ГК РФ) на размер упущенной выгоды арендатора

Васильева Екатерина Олеговна, студент магистратуры
Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета

Статья посвящена исследованию влияния принципа добросовестности на процесс взыскания упущенной выгоды в арендных правоотношениях. Автор анализирует механизм минимизации убытков через призму статьи 404 ГК РФ и применение правил о замещающих сделках (статья 393.1 ГК РФ). Рассматриваются критерии разумности поведения арендатора и распределение бремени доказывания при оспаривании размера убытков, вызванных неправомерным односторонним отказом арендодателя от договора.

The impact of the obligation to minimize losses and substitute transactions (Article 393.1 of the Civil Code of the Russian Federation) on the amount of the lessee's lost profits

The article is devoted to studying the influence of the principle of good faith on the process of recovering lost profits in lease relations. The author analyzes the mechanism for minimizing losses through the prism of Article 404 of the Civil Code of the Russian Federation and the application of the rules on substitute transactions (Article 393.1 of the Civil Code of the Russian Federation). The criteria for the reasonableness of the tenant's conduct and the distribution of the burden of proof when challenging the amount of losses caused by the landlord's unlawful unilateral termination of the contract are considered.

Институт возмещения убытков в современном российском гражданском праве претерпел значительную эволюцию, перейдя от формального декларирования права на компенсацию к созданию сложных механизмов оценки поведения участников оборота. При неправомерном одностороннем отказе арендодателя от исполнения обязательств арендатор, как потерпевшая сторона, вправе рассчитывать на восстановление своего имущественного положения. Однако реализация этого права не является безусловной и тесно связана с фундаментальным принципом гражданского права — обязанностью кредитора принимать разумные меры по минимизации собственных потерь.

В российской правовой системе обязанность по минимизации убытков (известная в англо-саксонской док-

трине как mitigation of damages) находит свое отражение в статьях 393 и 404 ГК РФ. Согласно п. 1 статьи 404 ГК РФ, суд наделен полномочием уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков либо не принял разумных мер к их уменьшению. В контексте аренды коммерческой недвижимости это означает, что арендатор, узнав о прекращении доступа в помещение, не вправе занимать пассивную позицию, допуская бесконтрольное накопление убытков в виде упущенной выгоды.

Проблема минимизации убытков в арендных отношениях наиболее остро проявляется при определении периода, за который взыскивается неполученная прибыль. Судебная практика Верховного суда РФ последних

лет (в частности, позиции, отраженные в определениях его Судебной коллегии по экономическим спорам) последовательно продвигает стандарт поведения «заботливого и рачительного предпринимателя». Если арендатор после расторжения договора в течение длительного времени не предпринимает попыток поиска альтернативной площади, оставаясь в состоянии вынужденного простоя, арендодатель вправе заявить о недобросовестности истца. В таком случае размер упущенной выгоды может быть ограничен судом периодом времени, который объективно требовался для заключения замещающей сделки.

Особое значение в механизме защиты прав арендатора имеет статья 393.1 ГК РФ, введенная в ходе реформы обязательственного права.

Она закрепляет право кредитора потребовать возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы или услуги по замещающей сделке. Для арендатора замещающей сделкой является заключение нового договора аренды на аналогичное помещение.

Взаимосвязь упущенной выгоды и замещающей сделки носит комплексный характер. С одной стороны, заключение договора аренды на новое помещение прекращает период накопления упущенной выгоды, так как коммерческая деятельность арендатора возобновляется. С другой стороны, если новая арендная ставка выше прежней, эта разница (умноженная на оставшийся срок действия первоначального договора) трансформируется в реальный ущерб арендатора. При этом закон допускает использование как конкретного метода расчета (по фактически заключенному новому договору), так и абстрактного (исходя из среднерыночной цены, если замещающая сделка еще не совершена).

Однако применение статьи 393.1 ГК РФ налагает на арендатора обязанность соблюдать критерий сопоставимости: замещающая сделка должна быть совершена в разумный срок и на разумных условиях. Например, если арендатор взамен утраченного офиса класса В арендует помещение класса А+ со значительно большей площадью, арендодатель может успешно оспорить размер убытков, указав на несопоставимость объектов. Разумность в данном случае оценивается судом исходя из того,

была ли такая сделка вынужденной альтернативой или же арендатор допустил необоснованное завышение своих расходов за счет нарушителя.

Важным аспектом является распределение бремени доказывания. Согласно разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного суда РФ № 7, именно должник (арендодатель) должен доказать, что кредитор (арендатор) действовал неразумно или недобросовестно и не принял доступных ему мер по уменьшению убытков. Арендодателю необходимо представить доказательства того, что на рынке в соответствующий период существовали свободные аналогичные площади по схожей или меньшей цене, которые арендатор проигнорировал. Без представления таких доказательств голословные утверждения о пассивности истца судами отклоняются.

Более того, современная судебная практика подчеркивает, что риск неэффективности мер по минимизации убытков несет сторона, нарушившая обязательство. Если арендатор предпринял попытки найти новое помещение (вел переписку с агентами, осматривал объекты), но не смог заключить договор в короткие сроки из-за специфических требований к недвижимости (например, необходимость лицензирования деятельности по конкретному адресу или наличие особых технических условий), его поведение признаётся правомерным. В этом случае упущенная выгода взыскивается в полном объеме за весь период фактического простоя.

Таким образом, обязанность по минимизации убытков и институт замещающих сделок выступают в качестве необходимых регуляторов размера ответственности в арендных спорах. Они не позволяют арендатору превращать факт нарушения договора в источник обогащения, но при этом гарантируют компенсацию потерь тем предпринимателям, которые проявляют должную осмотрительность.

Для успешного взыскания убытков арендатору рекомендуется документировать каждый шаг поиска альтернативного помещения, что позволит нейтрализовать аргументы арендодателя о невыполнении обязанности по минимизации потерь и обеспечит взыскание максимально обоснованной суммы упущенной выгоды.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. — 2016. — № 70.
3. Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — Москва : Статут, 2023. — 606 с.
4. Иоффе, О. С. Обязательственное право. — Москва : Юридическая литература, 1975. — 880 с.
5. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве. — Москва : Статут, 2023. — 895 с.

Спорные вопросы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (статья 111 УК РФ)

Вишталюк Валерия Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Уварова Анастасия Константиновна, кандидат юридический наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье рассматриваются наиболее дискуссионные аспекты квалификации преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Анализируются проблемы отграничения данного состава от смежных составов преступлений, а также спорные вопросы толкования оценочных признаков, таких как «опасность для жизни», «утрата органа» и «стойкая утрата общей трудоспособности». В работе предлагаются пути совершенствования уголовно-правовой нормы и рекомендации для правоприменителей по единообразному толкованию признаков тяжкого вреда здоровью.

Ключевые слова: тяжкий вред здоровью, преступлений против личности, квалификация преступлений, смежные составы, состав преступления, уголовно-правовая норма, декриминализация.

В системе особо тяжких преступлений против личности умышленное нанесение серьёзного ущерба здоровью занимает особое место. Норма, закреплённая в статье 111 Уголовного кодекса РФ [1], охватывает множество различных по характеру противоправных действий, объединённых общим признаком — наступлением существенных негативных последствий для потерпевшего. Под умышленным причинением тяжкого вреда здоровью понимаются осознанные виновным акты поведения, направленные на нарушение телесной или психической целостности личности, результатом которых становятся стойкие расстройства жизнедеятельности. При этом форма вины — прямой или косвенный умысел — выступает определяющим фактором при юридической оценке содеянного [8, с. 41].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что преступление, закреплённое в статье 111 Уголовного кодекса РФ, относится к категории противоправных посягательств, направленных против личности (раздел VII) и её здоровья (глава 16). Если применить традиционный для уголовно-правовой науки приём — соотнесение наименований разделов, глав и конкретных статей, — то в качестве родового объекта следует рассматривать личность, в качестве видового — жизнь и здоровье, а в качестве непосредственного — здоровье индивида, охватывающее как физическую, так и психическую составляющие.

В доктрине дополнительно разграничивают общий, дополнительный и факультативный объекты. Применительно к различным частям ст. 111 УК РФ дополнительным объектом становится жизнь человека в тех ситуациях, когда наступает летальный исход (ч. 4). Что касается факультативного объекта, то во избежание терминологической путаницы с дополнительным, под ним понимают такие общественные связи, которые хотя и могут пострадать в ходе преступления, однако их нарушение не является обязательным для состава и не меняет квалификации. Изучение содержания ст. 111 УК РФ и практики её применения свидетельствует об отсутствии факультативного объекта в данной норме.

Объективная сторона рассматриваемого состава, согласно устоявшейся доктрине, выражается в активных действиях либо в бездействии, которые подпадают под признаки, изложенные в диспозиции, и приводят к указанным в ней последствиям. Конструкция состава — материальная. Законодатель выделяет две основные разновидности последствий: вред, непосредственно угрожающий жизни в момент его нанесения, и вред, который сам по себе не опасен для жизни, однако влечёт за собой перечисленные тяжкие исходы — утрату зрения, слуха, речи, прерывание беременности и т. д. Второй блок охватывает ситуации, при которых неблагоприятные последствия возникают не сразу, а через определённый промежуток времени (например, при преждевременных родах). Тема уголовной ответственности за бездействие применительно к ст. 111 УК РФ поднимается в научных кругах сравнительно нечасто.

Между тем, законодательная логика допускает возможность бездействия, особенно в контексте группового совершения преступления (ч. 3), где отдельные фигуранты непосредственно наносят вред, а другие — остаются пассивными наблюдателями, не вмешиваясь в процесс. Квалифицированные составы содержат отсылки к способу, орудиям и средствам (п. «б», «в», «г», «з» ч. 2).

Субъективная сторона может проявляться как в форме прямого, так и косвенного умысла; в части 4 законодатель предусматривает двойную форму вины. В отдельных квалифицированных составах выделяются мотивационные и целевые компоненты (п. «д», «е», «ж» ч. 2). Субъектом преступления выступает дееспособное лицо, достигшее 14 лет.

Рассматривая уголовно-правовую характеристику специального субъекта преступления, необходимо обратить внимание, что данный признак не существует изолированно, он имеет прочную связь с другими его элементами и признаками состава общественно опасного посягательства. Понимание этой связи необходимо для правильной квалификации и отграничения смежных составов друг от друга.

В частности, специальный субъект позволяет установить дополнительный объект преступления либо уточнить основной. [10, с.102–111].

Специальный субъект фигурирует в п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ [7, с.119–120].

Одной из наиболее сложных задач правоприменения остаётся отграничение деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, от убийства (ст. 105 УК РФ). При внешней схожести объективных проявлений — наступление смерти, применение аналогичных орудий и приёмов — ключевым разграничительным признаком служит объект посяательства. Квалификация по ч. 4 ст. 111 УК РФ предполагает, что ущерб наносится как здоровью, так и жизни, тогда как убийство посягает исключительно на жизнь. Данное обстоятельство обязывает правоприменителя проявлять повышенную внимательность при оценке обстоятельств дела и установлении действительной направленности умысла виновного.

Ключевая трудность в разграничении смежных составов преступлений связана с установлением формы виновного отношения. В отличие от убийства (ст. 105 УК РФ), где субъект осознанно желает либо допускает наступление смерти, квалификация по ч. 4 ст. 111 УК РФ предполагает, что виновный направлял свои действия исключительно на нанесение серьёзного ущерба здоровью, а смертельный исход наступил вопреки его ожиданиям — по неосторожности. Как демонстрирует судебная практика, данный дифференцирующий признак нередко становится камнем преткновения для следователей и судей.

Следует акцентировать внимание на том, что объективная сторона состава, закреплённого в ч. 4 ст. 111 УК РФ, формально включает факт смерти потерпевшего, однако первостепенным объектом посяательства остаётся именно здоровье. В тех случаях, когда обвиняемый целенаправленно поражает жизненно важные области тела, отдавая себе отчёт в высокой степени риска летального исхода, судебные инстанции преимущественно склоняются к инкриминированию ст. 105 УК РФ. Если же защите или следствию удастся обосновать, что умысел преступника не простирался далее причинения вреда здоровью, а намерения лишить жизни не было, содеянное должно оцениваться по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Ситуация усугубляется, когда потерпевший погиб и не может дать показания, а подозреваемый отрицает наличие умысла на убийство. В такой ситуации правоохранительные органы вынуждены опираться на комплекс объективных факторов: характер и расположение телесных повреждений, выводы судебно-медицинских экспертиз, а также прочие улики, позволяющие реконструировать событие и определить форму вины [4, с. 177].

Не менее острым остаётся вопрос о квалификации преступлений, мотивированных хулиганскими побуждениями. Согласно позиции ряда исследователей, основная проблема коренится в идентификации именно мотивационной сферы, поскольку водораздел между бы-

товым конфликтом и хулиганскими действиями нередко носит условный характер. Правоприменительная практика знает примеры, когда хулиганский мотив не получает доказательственного подтверждения, несмотря на то что объективная картина указывает на подобную природу деяния.

Особую актуальность приобретает анализ квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 111 УК РФ — нанесение тяжкого вреда здоровью способом, опасным для многих лиц. Для вменения данного признака необходимо не только применение оружия, взрывчатых составов или иных предметов, способных угрожать неограниченному кругу людей, но и наличие фактической угрозы для окружающих. Как подчёркивается в научной литературе, этому условию суды порой уделяют недостаточно внимания [3, с. 96].

Проблематичными признаются также ситуации, связанные с утратой потерпевшим речевой функции. Судебно-медицинская экспертиза не всегда в состоянии однозначно установить прямую причинно-следственную связь между причинённым повреждением и потерей дара речи, что заметно усложняет юридическую оценку и сказывается на выборе санкции [9, с. 45].

Значительные затруднения вызывает и рассмотрение деяний, совершённых в состоянии аффекта. Если лицо нанесло тяжкий вред здоровью, находясь под влиянием внезапно возникшего сильного душевного волнения, спровоцированного насилием, унижением или иными неправомерными действиями жертвы, возможна переквалификация на ст. 113 УК РФ. Однако отграничение аффекта от других психоэмоциональных состояний требует углублённой психолого-психиатрической экспертизы, результаты которой далеко не всегда носят бесспорный характер.

Весьма противоречивой остаётся и судебная практика по вопросам совокупности преступлений. Например, когда тяжкий вред здоровью наносится в процессе разбойного нападения, перед правоприменителем встаёт дилемма: ограничиться ли квалификацией только по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ (как совершённого с целью реализации иного преступления) либо инкриминировать совокупность с разбоем по ст. 162 УК РФ. Решения судов по данной категории дел отличаются заметной вариативностью, что порождает состояние правовой неопределённости.

Нельзя обойти вниманием и проблему установления степени тяжести причинённого вреда здоровью. Так, критерием тяжкого вреда выступает либо опасность для жизни, либо стойкая утрата трудоспособности на одну треть и более. Однако на практике судебно-медицинская экспертиза далеко не всегда может точно определить процент утраты трудоспособности, особенно при наличии у потерпевшего хронических заболеваний. Это обстоятельство также порождает сложности при квалификации и назначении уголовного наказания.

В завершение стоит указать, что при оценке деяний по ч. 1 ст. 111 УК РФ систематически возникают разногласия, обусловленные необходимостью отграничения от

составов, предусмотренных ст. 113, 114 или 118 УК РФ, ввиду существенного сходства их объективных сторон.

Согласно Приказу Минздрава России от 08.04.2025 № 172н [2], установление степени тяжести вреда, нанесённого здоровью человека, выполняется в медицинских учреждениях и других организациях, работающих в сфере медицины и обладающих лицензией, предусматривающей проведение судебно-медицинской экспертизы.

Уровень тяжести нанесённого здоровью ущерба оценивает врач, имеющий специальность судебно-медицинского эксперта, отвечающий установленным квалификационным стандартам для медицинских и фармацевтических специалистов с высшим образованием, а также соответствующий положениям профессионального стандарта.

Перечень обстоятельств, дающих основание признать вред тяжким, включает: угрозу для жизни; лишение способности слышать, говорить, видеть либо утрату какого-либо органа; возникновение психического расстройства; искусственное прерывание беременности; приобретённую зависимость от наркотических или токсических препаратов; устойчивое уменьшение общей работоспособности на 33 % и более, а также полную невозможность осуществлять профессиональную деятельность.

Касаясь ситуаций, когда тяжкий вред причиняется в аффективном состоянии, необходимо отметить, что столь острая эмоциональная реакция виновного обязана быть спровоцирована противоправным либо безнравственным поведением жертвы. Распространено убеждение, что в условиях сильного душевного потрясения человек осознаёт исключительно ближайшие результаты своих поступков. Если же в подобном состоянии был нанесён серьёзный ущерб здоровью, неосторожно повлёкший гибель потерпевшего, ответственность должна ограничиваться рамками ст. 113 УК РФ — то есть квалифицироваться как причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, поскольку при таком психоэмоциональном напряжении субъект едва ли мог прогнозировать летальный исход. Правоприменительная практика также склоняется к тому, что подобные деяния подлежат оценке исключительно по ст. 113 УК РФ.

Анализ ст. 114 УК РФ позволяет утверждать, что субъективная сторона при нанесении тяжкого или среднего по тяжести вреда здоровью, совершённого с превышением границ обороны либо с нарушением требований, обязательных для задержания преступника, выражается исключительно в умысле. В тех случаях, когда вследствие превышения допустимых пределов защиты был причинён серьёзный вред, неосторожно приведший к смерти нападавшего либо задерживаемого индивида, содеянное подлежит оценке лишь по ст. 114 УК РФ, так как неосторожное

лишение жизни при подобных условиях не формирует отдельного преступного состава.

Под объектом преступного посягательства понимается та сфера, на которую направлено любое противоправное действие. Изучение нормативного содержания ст. 118 УК РФ демонстрирует, что объективные характеристики основного состава в значительной мере совпадают с признаками, описанными в ст. 111 УК РФ. Ключевое различие состоит исключительно в субъективной стороне, которая здесь представлена неосторожной формой вины. Как правило, подобные инциденты обусловлены систематическим игнорированием бытовых мер безопасности либо пренебрежением правилами предосторожности в профессиональной среде. Под недобросовестным выполнением служебных функций подразумевается осознанное или неосознанное нарушение работником официальных предписаний и нормативов, предъявляемых к его трудовой деятельности [5, с. 123–124].

Обобщая изложенное, можно прийти к выводу: для безошибочной уголовно-правовой оценки деяний, охватываемых ст. 105, 109, 111, 125, а также ст. 113, 114 и 118 УК РФ, необходимо опираться как на положения уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства. Строгое следование принципам всесторонности, полноты и объективности при изучении доказательной базы даёт возможность восстановить полную картину нанесения ущерба здоровью, а также охарактеризовать личность правонарушителя. Однако пока сохраняется разрозненность научных воззрений, множественность позиций и противоречивость судебной практики относительно квалификации указанных составов, ошибки неизбежны. Разработка и утверждение Пленумом Верховного Суда РФ специализированного разъяснения «О судебной практике по делам о причинении тяжкого вреда здоровью» могло бы в значительной мере способствовать устранению выявленных недочётов, пробелов и погрешностей. Следовательно, появление отдельного нормативно-разъяснительного акта, нацеленного на предотвращение многочисленных затруднений и неточностей, позволило бы существенно облегчить разрешение спорных вопросов правовой оценки.

В завершение стоит констатировать, что квалификация деяний, подпадающих под ст. 111 УК РФ, продолжает оставаться одной из наиболее запутанных и дискутируемых областей отечественного уголовного права. Для достижения единообразного подхода в судебной деятельности необходимо продолжать формирование разъяснительных документов Верховным Судом РФ, а также повышать качество методического обеспечения судебно-медицинских и психолого-психиатрических экспертиз.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17 июня 1996 г. — № 25. — Ст. 2954.

2. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н (ред. от 19.08.2025) (Зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2025 № 82483) // Зарегистрировано в Минюсте России 2 июня 2025 г. № 82483.
3. Бугаева, В. К. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) / В. К. Бугаева // Молодой ученый. — 2020. — № 40 (330). — С. 96–98.
4. Горбунова, А. С. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью / А. С. Горбунова, О. М. Хохлова // Молодой ученый. — 2021. — № 23 (365). — С. 177–179.
5. Медведев, С. С. Проблемы квалификации и отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью от смежных составов преступлений / С. С. Медведев, Е. В. Юрченко // Вестник экономики и права. — 2019. — № 28. — С. 115–125.
6. Помозова, В. С. Проблемы квалификации преступлений по статье 111 УК РФ, отграничение от смежных составов / В. С. Помозова // Science Time. — 2025. — № 5 (136). — С. 140–142.
7. Роднищева, Е. Н. Понятие и актуальные проблемы квалификации в Российской Федерации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в Российской Федерации (ст. 111 УК РФ) / Е. Н. Роднищева // Вестник магистратуры. — 2025. — № 2–2 (161). — С. 119–122.
8. Сычёв, А. Р. Отграничение убийства от смежных составов преступлений / А. Р. Сычёв // Студенческий. — 2023. — № 28–3 (240). — С. 41–44.
9. Шеин, В. В. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: проблема квалификации / В. В. Шеин // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 3. — С. 45–50.
10. Улитин И. Н. Специальный субъект как факультативный (особенный) признак состава преступления: понятие, классификация и уголовно-правовое значение./ И. Н. Улитин // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2026. — 18(3). — С. 102–111.

К вопросу о совершенствовании понятия «свидетель» в российском уголовном процессе

Воробьева Ксения Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется нормативно закрепленное понятие свидетеля в уголовном процессе. На основании анализа основных признаков свидетеля как участника уголовного процесса, делается вывод о возможности дополнения законодательной дефиниции такими признаками свидетеля, как возможность добровольной явки и способность в силу своих физических и психических свойств воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания.

Ключевые слова: свидетель, явка, свидетельские показания, свидетельский иммунитет, уголовное судопроизводство.

Свидетель является одним из важных участников уголовного процесса, участие которого содействует правильному рассмотрению и разрешению уголовного дела. Законодатель в ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) определяет свидетеля как лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением лиц, определенных ч. рассматриваемой нормы [1]. При этом, на наш взгляд, имеются некоторые направления совершенствования данной дефиниции посредством конкретизации и расширении отдельных признаков свидетеля как участника уголовного процесса.

Исходя из приведенных выше дефиниций — как нормативно закрепленной, так и высказываемых в научной лите-

ратуре, логично проистекают следующие признаки правового статуса свидетеля в уголовном судопроизводстве.

Первый признак, который, на наш взгляд, является ключевым при определении свидетеля, это известность такому лицу каких-либо сведений об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и рассмотрения уголовного дела. При этом, помимо обстоятельств, закрепленных в ст. 73 УПК РФ, свидетелю могут быть известны сведения и об иных обстоятельствах вспомогательного значения, через которые могут устанавливаться обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу.

Второй признак, проистекающий из понятия свидетеля, закрепленного в ст. 56 УПК РФ, состоит в том, что свидетель вызывается для дачи показаний уполномоченным на то властным субъектом. Данный признак в различных интерпретациях поддерживается большин-

ством исследователей [6]. Однако, на наш взгляд обособленной является позиция тех исследователей, которые акцентируют внимание также и на том факте, что свидетель может добровольно явиться в органы предварительного расследования или суд с целью дачи показаний [4]. На практике не исключены ситуации, когда лицо, обладающее необходимыми сведениями об обстоятельствах расследуемого уголовного дела, может добровольно заявить о желании сообщить такие сведения органам расследования или суда. Действительно, чаще всего о вызове свидетелей стороны защиты ходатайствует подозреваемый, обвиняемый, подсудимый или их защитник. Однако, исключать возможность добровольной явки свидетелей также не представляется возможным.

Так, например, судами не признается в качестве допустимого доказательства протокол допроса в качестве свидетеля адвоката, осуществляющего защиту подозреваемого (обвиняемого). Так, например, Ростовским областным судом протокол допроса адвоката обвиняемого был признан недопустимым в связи с незаконностью производства данного следственного действия [2]. Однако, при рассмотрении другого уголовного дела допрос адвоката не рассматривался как недопустимое доказательство по причине того, что адвокат добровольно явился для дачи показаний, а его позиция была согласована с подзащитным [3]. Приведенный пример наглядно демонстрирует не только фактическую возможность добровольной явки свидетеля для дачи показаний, но и также важность в некоторых случаях данного факта для дальнейшего решения вопроса о допустимости свидетельских показаний в качестве доказательства по уголовному делу.

Третий признак свидетеля также проистекает из положений ст. 56 УПК РФ и состоит в том, что свидетелем может признаваться только лицо, которое может быть допрошено в качестве свидетеля при отсутствии ограничений, предусмотренных ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Несоблюдение данного условия о свидетельском иммунитете является существенным процессуальным нарушением [7].

Несмотря на тот факт, что перечень лиц, обладающих свидетельским иммунитетом и не способных выступить в качестве свидетелей по уголовному делу, систематически расширяется, на наш взгляд, дефиниция понятия «свидетель» должна исключать возможность допроса в качестве свидетеля лица, не способного по своим физическим или психическим качествам выступать в качестве такого субъекта уголовного процесса. Данный тезис проистекает из самого назначения и сущности участия свидетеля в уголовном судопроизводстве, который выступает как носитель информации, как участник доказательственной деятельности, имеющий возможность влиять на исход дела. Качество показаний — их полнота, точность, убедитель-

ность — напрямую влияет на выводы следствия и суда. Ложные показания или необоснованный отказ от дачи показаний могут исказить картину произошедшего и привести к ошибкам. В то же время правдивые и детальные показания способны как изобличить виновного, так и оправдать невиновного.

При этом, как верно отмечается исследователями, значение свидетельских показаний как одного из доказательств, для правильного рассмотрения и разрешения дела непосредственно зависит от личности самого свидетеля, его интеллектуально-волевой сферы, особенностей психики, внутреннего отношения к преступлению и лицам, участвовавшим в его совершении [5].

Абсолютно логичен тот факт, что лицо, обладающее некоторыми физическими недостатками, может вполне адекватно и объективно воспринимать обстоятельства окружающей его действительности, оценивать их критически и достоверно воспроизводить по требованию органов предварительного расследования или суда (например, в случае нарушения работы слуховых органов, если свидетель стал непосредственным очевидцем совершенного преступления, в случае нарушения речи и неспособности самостоятельно излагать свои показания, поскольку в таких случаях для оказания содействия свидетелю в даче показаний может быть привлечен переводчик и проч.). В том числе и лица с некоторыми отклонениями в нормальном функционировании психики также могут правильно воспринимать соответствующие факты и излагать их в ходе допроса при даче своих показаний. При этом, стороны процесса будут иметь достаточно благоприятные возможности оспорить такие доказательства, в том числе, скорее всего они будут критически оценены и самим судом. В связи со сказанным, на наш взгляд, целесообразно было бы дополнить дефиницию понятия «свидетель», закрепленную в ст. 56 УПК РФ, указанием на данный признак.

Приведенные выше признаки свидетеля как участника уголовного судопроизводства, на наш взгляд, являются ключевыми и проистекающими непосредственного из законодательно определенного процессуального статуса свидетеля в уголовном судопроизводстве. С учетом вышеизложенного под свидетелем представляется возможным понимать лицо, не имеющее ограничений для дачи показаний, способное в силу своих физических и психических свойств воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания, располагающее непосредственно им воспринятыми или ставшими ему известными из достоверных источников сведениями, имеющими значение для расследования и разрешения уголовного дела, добровольно явившееся или вызванное для дачи показаний.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921; 2026. — № 30. — Ст. 4097.

2. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 23 декабря 2019 г. по делу № 22–7021/2019 // Доступ из Справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
3. Постановление Басманного районного суда от 09 марта 2021 г. № 3/12–229/2021 // Доступ из Справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
4. Козырева И. Е. Процессуальные, психологические и криминалистические проблемы участия свидетеля на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. 206 с.
5. Коробейникова Ю. Е. Свидетель в уголовном судопроизводстве России // Гуманитарные и естественнонаучные исследования как фактор научно-технического прогресса: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2022. С. 33–36.
6. Литвинцева Н. Ю. Процессуальный статус свидетеля в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 205 с.
7. Хайдаров А. А. Допрос адвоката в качестве свидетеля по делу его доверителя: вопросы правомерности привода и допустимости доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 114–121.

Теоретико-правовая характеристика понятия, предмета, объекта и субъектов общественного контроля за деятельностью органов прокуратуры

Гозиев Зикрилло Хабибуллаевич, самостоятельный исследователь (г. Ташкент, Узбекистан)

В статье исследуются понятие, объект, предмет и субъекты общественного контроля за деятельностью органов прокуратуры Республики Узбекистан. На основе формально-юридического, системного, сравнительно-правового, логико-юридического и доктринального методов предложены авторские определения общественного контроля за прокуратурой, его объекта и предмета, обоснована классификация субъектов. Показано, что отсутствие специального закона не означает правового вакуума: общий механизм Закона «Об общественном контроле» применим к организационной деятельности прокуратуры, но ограничен охраняемыми тайнами, процессуальной самостоятельностью и независимостью прокуроров.

Ключевые слова: общественный контроль, органы прокуратуры, объект и предмет контроля, субъекты общественного контроля, открытость, независимость прокуратуры, Республика Узбекистан.

Прокуратура Узбекистана — единая централизованная система, осуществляющая надзор за точным и единообразным исполнением законов [3, ст. 5]; поэтому вопрос о том, кто и как наблюдает за самим надзирающим органом, имеет не только практическое, но и теоретическое значение. Конституция закрепляет общественный контроль за деятельностью государственных органов, оставляя порядок его осуществления закону [1, ст. 36]; общий механизм установлен Законом «Об общественном контроле» [2]. Вместе с тем Закон «О прокуратуре» закрепляет независимость органов прокуратуры от государственных органов, общественных объединений и должностных лиц и запрещает вмешательство в их деятельность [3, ст. 5].

Закон «Об общественном контроле» не содержит самостоятельного определения общественного контроля: он раскрывает его через субъекты, объекты, принципы и формы [2, ст. 3–6]. В доктрине выделяются четыре признака общественного контроля как деятельности негосударственных субъектов, а легальное определение содержится в российском Федеральном законе № 212-ФЗ [6]. Из норм узбекского закона выводятся следующие признаки:

инициатива негосударственных субъектов; наблюдение и оценка деятельности публичного органа; основание в законе; необязательность результата — итоговый документ носит информационно-рекомендательный характер, однако подлежит рассмотрению в течение месяца [2, ст. 17]. Следовательно, по правовой природе это не властная, а гражданская форма участия в публичном управлении.

По мнению автора, общественный контроль за деятельностью органов прокуратуры — это основанная на законе деятельность граждан, органов самоуправления граждан, негосударственных некоммерческих организаций и средств массовой информации по наблюдению и оценке открытых организационных сторон деятельности органов прокуратуры и их должностных лиц и по выработке рекомендаций, не затрагивающая процессуальных полномочий прокуроров и не имеющая обязательной силы.

Разграничение со смежными институтами проводится по субъекту, направлению и силе результата. Государственный контроль осуществляется органами власти на основе властных полномочий; прокурорский надзор направлен вовне, тогда как общественный контроль обращен на самого прокурора и завершается рекоменда-

цией; судебный контроль реализуется в процессуальной форме и влечет обязательное решение; парламентский и президентский контроль — это государственная подотчетность: Генеральный прокурор подотчетен Президенту и Сенату Олий Мажлиса [3, ст. 14]. Общественный мониторинг соотносится с общественным контролем как вид с родом: он является одной из форм последнего [2, ст. 6], а не самостоятельным институтом.

Объект и предмет нередко смешивают. По мнению автора, объект отвечает на вопрос «что наблюдается», а предмет — «какие юридически значимые параметры оцениваются». Рассмотрим три предложенные конструкции.

Первая: объект — органы прокуратуры или их деятельность как предмет общественного внимания. Она верна в том, что наблюдается деятельность органа, а не он сам, но «общественное внимание» не является правовым критерием и размывает границы контроля. Закон определяет объект общественного контроля как деятельность государственных органов и их должностных лиц [2, ст. 4]; прокуратура относится к ним, поэтому особое основание не требуется, а требуется определение пределов. Авторская формула объекта: деятельность органов прокуратуры и их должностных лиц по организации работы, взаимодействию с гражданами и обществом и исполнению публичных обязанностей, не составляющая охраняемой законом тайны и не относящаяся к осуществлению процессуальных полномочий.

Вторая конструкция: предмет — соблюдение законодательства, открытость, рассмотрение обращений и иные аспекты, доступные общественной оценке. Она поддерживается с поправкой: законность надзорных и процессуальных решений проверяется в иерархическом и судебном порядке (например, обжалованием вышестоящему прокурору [3, ст. 7]), а не общественным контролем. Предмет поэтому сужается до соблюдения сроков и порядка работы с обращениями [5, ст. 28], публичного информирования [3, ст. 5; 4], доступности приема, этических и антикоррупционных требований к служебному поведению и взаимодействия с обществом. Авторская формула предмета: совокупность юридически значимых параметров организационной и информационной деятельности органов прокуратуры, оценка которых допустима в пределах закона.

Круг субъектов определен законом: граждане, органы самоуправления граждан, зарегистрированные негосударственные некоммерческие организации и зарегистрированные средства массовой информации; общественные советы и комиссии осуществляют контроль в случаях, предусмотренных законодательством [2, ст. 3]. Права и обязанности субъектов, включая обязанность соблюдать конфиденциальность, закреплены в ст. 15 [2]. Авторская классификация строится по двум основаниям.

По правовому статусу: индивидуальные (граждане); коллективные негосударственные (органы самоуправления граждан, НКО, СМИ); гибридные консультативные (общественные советы и комиссии, образуемые при госу-

дарственных органах и потому не вполне независимые). По источнику полномочий: общие (по Закону [2]) и специальные (по иным актам, например, права СМИ на информацию).

Третья конструкция — субъекты как граждане и институты гражданского общества, наделенные правами законом — поддерживается с уточнением: незарегистрированные объединения и анонимные заявители общими правами не обладают (анонимные обращения не рассматриваются [5, ст. 29]). Государственные органы — Президент, Олий Мажлис, суды, омбудсман — не являются субъектами общественного контроля лишь потому, что контролируют прокуратуру: их деятельность относится к государственному контролю и подотчетности.

Специального закона об общественном контроле за прокуратурой нет, но вывод об отсутствии регулирования был бы ошибочным: действует многоуровневая конструкция из Конституции [1, ст. 36], общего закона «Об общественном контроле» [2], Закона «О прокуратуре» (гласность и независимость — ст. 5; рассмотрение жалоб — ст. 7) [3], а также законодательства об обращениях [5] и об открытости [4]. Последний не содержит норм об общественном контроле, а его применение к прокуратуре как органу особого рода требует нормативного подтверждения; на это указывает ст. 5 Закона «О прокуратуре», обязывающая прокуратуру действовать гласно, регулярно информируя общественность и обеспечивая доступ к информации о своей деятельности в порядке, установленном законодательством, а при необходимости — информировать органы самоуправления граждан о состоянии законности [3].

Ключевой вопрос — ст. 2 Закона «Об общественном контроле» [2], которая относит к отдельному регулированию выборы и референдумы, оборону, общественную безопасность, правопорядок, оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие, судопроизводство и исполнение наказаний. Органы прокуратуры в перечне прямо не названы.

По мнению автора, это означает не исключение прокуратуры как органа, а исключение процессуальных сфер, в которых действуют прокуроры; организационная деятельность остается в сфере общего закона. Противоположное решение принято в Казахстане [7, ст. 3].

Пределы контроля следующие: а) государственная и иные охраняемые тайны, персональные данные [2, ст. 16] (отдельной нормы о тайнах Закон «О прокуратуре» не содержит, и ограничения вытекают из общего законодательства); б) тайна расследования и конфиденциальность сведений, находящихся в распоряжении прокурора, если иное не вызвано исполнением обязанностей или нуждами правосудия [9, п. 13(с)]; в) недопустимость вмешательства в деятельность органов прокуратуры [3, ст. 5]; г) недопустимость подмены установленных процедур: отказ в рассмотрении обращения обжалуется в порядке, предусмотренном ст. 32–33 [5]; д) независимость прокуратуры — стандарты Совета Европы исходят из откры-

тости, ограниченной презумпцией невиновности, правами сторон и тайной расследования [8]. По мнению автора, критерий границы — влияние на конкретное решение: контролировать можно порядок и условия работы, но не содержание решения по делу.

Сопоставлены Казахстан, Россия, а также Англия и Уэльс по критериям: правовая основа, положение прокуратуры, субъекты и формы, сила результатов, ограничения. Закон Казахстана 2023 г. не применяется к вопросам, урегулированным законодательством о прокуратуре, а также к правоохранительной и оперативно-розыскной деятельности, процессуальному законодательству, государственным секретам и персональным данным (ч. 2 ст. 3); итоговый документ направляется объекту в течение 7 рабочих дней, мотивированный ответ дается в течение 10 рабочих дней, обязанности принять рекомендации нет (ст. 13) [7]. Российский закон № 212-ФЗ связывает контроль прежде всего с общественными палатами и советами при органах власти (ст. 9), обязывает органы рассматривать итоговые документы (ст. 26) и относит контроль за деятельностью, в том числе, прокуратуры, судов и полиции к сфере отдельного регулирования (ч. 2 ст. 2) [13]; на это обращает внимание и доктрина [6].

В Англии и Уэльсе общего закона в использованных источниках нет, но Королевская прокурорская служба (CPS) работает с тематическими группами анализа: их члены из благотворительных организаций, межведомственных партнерств и органов местной власти изучают «неактивные» дела и дают рекомендации [10]; первый годовой отчет (22.10.2025) обобщает протоколы более сорока местных групп за апрель 2024 — июль 2025 г., свыше ста дел и обезличенные примеры; на заседании обсуждаются не менее двух завершенных дел, однако в группах обычно участвуют и сотрудники CPS и полиции [11], то есть формат смешанный. Независимый инспекторат НМСР подотчетен Генеральному атторнею и публикует доклады [12], но это государственный, а не общественный контроль.

Теоретические дискуссии. Первый вопрос — совместим ли общественный контроль над надзорным органом с его независимостью.

По мнению автора, противоречие кажущееся: Закон «О прокуратуре» запрещает вмешательство и одновременно обязывает действовать гласно, регулярно информируя общественность [3, ст. 5]; стандарты Совета Европы также

исходят из открытости, ограниченной презумпцией невиновности, правами сторон и тайной расследования [8]. Независимость защищает решение по конкретному делу, а контроль обращен на условия и порядок работы, поэтому граница проводится по предмету контроля, а не по факту наблюдения.

Второй вопрос — статус общественных советов и комиссий: они допускаются законом [2, ст. 3], но образуются при государственных органах, и автор относит их к гибридным субъектам, нуждающимся в дополнительных гарантиях.

Третий — необходимость различать объект и предмет: без этого нельзя очертить допустимый круг оценки.

Реальные пробелы законодательства. Во-первых, Закон «Об общественном контроле» [2] определяет объект как деятельность государственных органов, не называя прокуратуру, а его ст. 2 относит к отдельному регулированию, среди прочего, правопорядок, оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие, судопроизводство и исполнение наказаний [2, ст. 2, 4]. Термин «правопорядок» неопределен и при расширительном толковании охватывает всю надзорную деятельность, поэтому вопрос о применении общего механизма к организационной работе прокуратуры допускает два ответа.

Во-вторых, запрет вмешательства в ст. 5 Закона «О прокуратуре» [3] не раскрыт: неясно, является ли им публичная оценка сроков рассмотрения обращений. В-третьих, рекомендательный характер итогового документа при обязанности рассмотреть его в течение месяца [2, ст. 17] — осознанный выбор законодателя, но отсутствие обязанности публиковать ответ снижает проверяемость результата.

Общественный контроль за прокуратурой — не вмешательство в надзор, а наблюдение за открытой организационной стороной ее деятельности. Объект (деятельность, не составляющая тайны и не связанная с процессуальными полномочиями) и предмет (юридически значимые параметры организации и информирования) следует разграничивать; круг субъектов определяется законом и не включает государственные органы. Общий закон применим к организационной деятельности прокуратуры, но неопределенность ст. 2 Закона «Об общественном контроле» [2] и ст. 5 Закона «О прокуратуре» [3] требует законодательного уточнения.

Литература:

1. Конституция Республики Узбекистан (новая редакция, принята на референдуме 30 апреля 2023 г.) // <https://lex.uz/ru/docs/6445147>.
2. Закон Республики Узбекистан от 12.04.2018 г. № ЗРУ-474 «Об общественном контроле» // <https://lex.uz/ru/docs/3679099>.
3. Закон Республики Узбекистан «О прокуратуре» (новая редакция от 29.08.2001 г. № 257-II). — URL: <https://lex.uz/ru/docs/105533>.
4. Закон Республики Узбекистан от 05.05.2014 г. № ЗРУ-369 «Об открытости деятельности органов государственной власти и управления» // <https://lex.uz/ru/docs/2381138>

5. Закон Республики Узбекистан от 11.09.2017 г. № ЗРУ-445 «Об обращениях физических и юридических лиц». — URL: <https://lex.uz/ru/docs/3336171>
6. Zakirova S. Improving the Organizational and Legal Foundations of Public Control over Civil Servants' Activities: Theoretical and Practical Aspects // Жамият ва инновациялар. — Общество и инновации — Society and innovations. 2026. Vol. 7, No. 1.
7. Закон Республики Казахстан от 2 октября 2023 г. № 30-VIII ЗРК «Об общественном контроле» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000030>
8. Consultative Council of European Prosecutors (CCPE). Opinion No. 8 (2013) on the relations between prosecutors and the media. Strasbourg: Council of Europe, 2013. Guidelines on the Role of Prosecutors. Adopted by the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Havana, 1990. Crown Prosecution Service (England and Wales). Scrutiny panels. — URL: <https://www.cps.gov.uk/node/8446>.
9. Crown Prosecution Service (England and Wales). Annual Rape Scrutiny Report. October 2025. — URL: <https://cps.gov.uk/publication/cps-annual-rape-scrutiny-report-october-2025>.
10. His Majesty's Crown Prosecution Service Inspectorate (HMCPSI). — URL: <https://ciji.justiceinspectors.gov.uk>.
11. Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/

Нарушение требований охраны труда: спорные вопросы квалификации

Горбунова Татьяна Борисовна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье автором рассматривается вопрос о составе преступления, регламентированного ст. 143 УК РФ («Нарушение требований охраны труда»). Выделены следующие спорные вопросы квалификации содеянного по ст. 143 УК РФ связаны со следующими проблемными аспектами: бланкетность диспозиции ч. 1 ст. 143 УК РФ, трудности определения субъекта преступления и установления причинно-следственной связи между действиями и общественно-опасными последствиями.

Ключевые слова: конституционные права человека и гражданина, преступления в сфере нарушения трудовых прав граждан, нарушение требований охраны труда

Российская Федерация является социальным государством, в связи с чем на законодательном уровне обеспечивается защита прав граждан [2]. Среди прав, которыми наделяются граждане, внимание привлекают трудовые права. Как известно, трудовая деятельность — это основа жизни любого человека, возможность для обеспечения своих первичных, материальных потребностей. В этой связи исследование особенностей уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере нарушения трудовых прав представляется актуальным.

В настоящее время регулирование трудовых прав граждан в России осуществляется в соответствии со ст. 37 Конституции Российской Федерации (определено право каждого гражданина на свободное распоряжение своими способностями к труду, на выбор рода деятельности, профессии, на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности, гигиены, на вознаграждение за труд в установленной форме, на отдых). Основным нормативно-правовым актом, регулирующим трудовые отношения, является Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ) [5]. В данном акте определен правовой статус работников и работодателей, основные положения о заключении, изменении и расторжении трудовых договоров,

режим рабочего времени, оплаты трудовой деятельности, гарантии и компенсации работникам. В совокупности с положениями ТК РФ с целью защиты прав работников разработаны и внедрены подзаконные нормативно-правовые акты (Указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, внутренние локальные акты организаций, учреждений).

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) [6] предусмотрена уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ). Еще 20 лет назад подчеркивалось, что сфера трудовых отношений нуждается в уголовно-правовой защите, в рамках которой выделяются проблемы как теоретического, так и практического характера [3, с. 12]. По утверждению Н. Н. Хилтунова, установление такого уголовно-правового запрета связано с развитием базового российского законодательства об охране труда [7, С. 3].

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 143 УК РФ, деяние заключается в совершении действий, направленных на нарушение требований охраны труда. Нарушение требований охраны труда подразумевает собой нарушение государственных нормативных требований в сфере охраны труда, закрепленных в соответствующих специальных

нормативно-правовых актах [4]. В таких актах установлены правила, процедуры, критерии, нормативы, действие которых направлены на обеспечение сохранности жизни, здоровья работников в процессе выполнения ими трудовых обязанностей.

В правоприменительной практике квалификация деяния по ст. 143 УК РФ обусловлена некоторыми спорными, сложными аспектами. Анализ научных позиций, материалов судебной практики позволяет определить, что трудности связаны с несовершенствами диспозиции ч. 1 ст. 143 УК РФ, с определением субъекта деяния, установлением причинно-следственной связи между действиями и последствиями (по ч. 1 ст. причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью, по ч. 2 ст. смерть двух или более лиц) [1, С. 15].

Отдельной проблемой является бланкетность диспозиции ч. 1 ст. 143 УК РФ. В настоящее время требования, которые предъявляются к охране труда, регламентированы в различных федеральных законах, подзаконных актах. Зачастую применяемые акты могут противоречить друг другу, не полной степени раскрывать содержание требований по охране труда. В этой связи на практике возникают трудности, обусловленные оценкой требований охраны труда, которая носит субъективный характер.

Актуальная проблема квалификации деяния по ст. 143 УК РФ также связана с вопросом определения субъекта преступления. Из ч. 1 ст. 143 УК РФ следует, что субъектом деяния является лицо, на которое в связи с его служебным положением, по специальному распоряжению возложена обязанность по обеспечению соблюдения правил, норм охраны труда в конкурентном месте, на участке работ. При этом субъектами в данном составе могут выступать и лица, которые занимают должности руководителей предприятий, заместители руководителей, главные инженеры предприятий, специалисты (при условии, что данными лицами не были предприняты меры к устранению заведомо известного для них нарушения правил охраны труда, либо ими были даны указания, которые противоречат установленным правилам охраны труда). Соответственно, выделение данной проблемы обосновывает необходимость детального, тщательного изучения внутренних локальных актов организации.

Проблема, обусловленная трудностями установления причинно-следственной связи, также является одной из актуальных. Для привлечения к уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ необходимо установить наличие причинно-следственной связи между допущенным нарушением требований охраны труда и общественно-опасными последствиями, предусмотренными в ч. 1 и ч. 2 ст. 143 УК РФ. Процесс доказывания наличия такой связи вызывает трудности. В частности, спорные моменты возникают, когда в происшествии фигурируют несколько лиц, на которые возложена ответственность за различные аспекты охраны труда. Именно при установлении лица, чьи действия (бездействия) привели к наступлению общественно-опасных последствий, возникают сложности.

В ходе расследования, на стадии судебного рассмотрения дела важно установить и проанализировать обстоятельства на предмет возможности (невозможности) влияния на других факторов на происшествие. К таким факторам относятся: действия потерпевшего перед происшествием, в момент происшествия, действия третьих лиц, обстоятельства непреодолимой силы.

В судебной практике можно встретить много примеров, которые наглядно демонстрируют разный подход к установлению причинно-следственной связи.

Так, Заволжский районный суд г. Ульяновска вынес оправдательный приговор в отношении М., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 143 УК РФ, в связи с отсутствием в его действиях состава преступления [8]. В организации ООО «П» один из сотрудников Ш. осуществлял спуск на одну из опор моста, в том месте где имеется вероятность падения в воду по причине отсутствия ограждений. Ввиду производственной необходимости Ш. было нужно провести осмотр металлических конструкций (осмотр болтовых соединений). В процессе спуска Ш. упал, в результате чего наступила смерть. Из показаний свидетелей следовало, что спуск на опору производится с использованием средств индивидуальной защиты, с подстраховкой нескольких работников.

Как было установлено, М., как директор ООО в соответствии с должностной инструкцией, норм ТК РФ (ст. 209, ст. 212 ТК РФ), был обязан соблюдать правила охраны труда. Несмотря на свои обязанности, М. самоустранился от контроля за своими подчиненными, полагал, что другой сотрудник М. (фактически осуществлял надзорные функции на правах представителя Генерального подрядчика), будет контролировать качество выполнения производственных задач, в том числе и заниматься вопросами соблюдения правил охраны труда. В ходе спуска Ш. его действия не контролировались ни кем из руководящего состава. Суд, оценив доказательства по делу, пришел к выводу, что между действиями М. и наступлением смерти Ш. отсутствует прямая причинно-следственная связь.

В другом примере судебной практики наблюдается ситуация, при которой между бездействием директора ООО и наступлением смерти сотрудника от поражения электрическим током была установлена причинно-следственная связь [9]. Так, директор ООО не соблюдал требования охраны труда, не проводил с подчиненными обучений по охране труда, инструктажи (вводный, первичный), не обеспечил и не организовал для сотрудников обучение безопасным методам, приемам при непосредственном выполнении работ. При этом сотрудники не были обеспечены специальной одеждой, специальной обувью, иными важными средствами индивидуальной защиты. В результате бездействия директора один из сотрудников, осуществляющий работы, связанные с копчением рыбы в копильном цехе в помещении организации, направил на себя вентилятор, который находился под на-

пряжением тока. Данный сотрудник на месте получил поражение электрическим током, от которого скончался.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сегодня сфера трудовых отношений регулируется в том числе и уголовным законодательством. Одним из самых проблемных составов, которым обеспечивается защита трудовых прав граждан, является состав ст. 143 УК РФ («Нарушение требований охраны труда»). Спорные вопросы квалификации содеянного по ст. 143 УК РФ связаны со следующими проблемными аспектами: бланкетность диспозиции ч. 1 ст. 143 УК РФ, трудности определения

субъекта преступления и установления причинно-следственной связи между действиями и общественно-опасными последствиями. В этой связи решением выделенных проблем заключается в разработке единых методических указаний для следственных органов, судов по квалификации преступлений, предусмотренных ст. 143 УК РФ, дополнение примечания к ст. 143 УК РФ вторым абзацем, конкретизирующим перечень основных нормативно-правовых актов в сфере охраны труда (федеральное законодательство, ГОСТы, соответствующие санитарные нормы, правила).

Литература:

1. Грецкий И. А. Преступления против трудовых прав личности: вопросы уголовно-правовой оценки и совершенствования законодательной регламентации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / И. А. Грецкий. — Москва, 2025. — 32 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газета. — 2020. — № 144.
3. Лукьянова Н. А. Преступления против трудовых прав граждан: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. А. Лукьянов. — Самара, 2005. — 24 с.
4. О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов: постановление Пленума ВС РФ [от 29.11.2018 № 41] // Рос. газета. 20018. — № 273. — 05 декабря.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.02.2026)] // Рос. газета. — 2001. — № 256. — 31 декабря.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025)] // Рос. газета. — 1996. — № 113.
7. Хилтунов Н. Н. Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. Н. Хилтунов. — Москва, 2015. — 35 с.
8. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 29.09.2021 по делу № 1803/2021 // [Электронный ресурс]: Ульяновский областной суд. — Режим доступа: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&id-Card=95842> (Дата обращения: 20.04.2026).
9. Приговор Центрального районного суда г. Омска от 13.08.2025 по делу № 1–386/2024 // [Электронный ресурс]: Судакт. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/HjXDTxph6tV5> (Дата обращения: 20.04.2026).

Критерии разграничения камеральных и выездных налоговых проверок: правовой анализ

Гордеева Юлия Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена правовому анализу критериев разграничения камеральных и выездных налоговых проверок в Российской Федерации. Целью работы является выявление системы критериев, позволяющих отграничить указанные формы налогового контроля, а также оценка практических последствий такого разграничения для правового положения налогоплательщика. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. В результате исследования выделены предметный, территориальный, временной, субъектный и процедурный критерии, проанализировано их нормативное закрепление в главе 14 Налогового кодекса РФ. Выявлена проблема стирания границ между камеральной и выездной проверками в условиях цифровизации налогового администрирования, а также обоснован вывод о необходимости сохранения процессуальных различий как гарантии прав налогоплательщика. Предложено уточнение отдельных положений статей 88 и 89 НК РФ.

Ключевые слова: налоговый контроль, камеральная налоговая проверка, выездная налоговая проверка, критерии разграничения, Налоговый кодекс РФ, права налогоплательщика, налоговое администрирование.

Criteria for distinguishing between desk and field tax audits: a legal analysis

The article is devoted to the legal analysis of the criteria distinguishing desk and field tax audits in the Russian Federation. The purpose of the work is to identify the system of criteria allowing to delimit these forms of tax control, as well as to assess the practical consequences of such delimitation for the legal status of the taxpayer. The methodological basis comprises formal-legal, systemic and comparative-legal methods. The study identifies subject-matter, territorial, temporal, subjective and procedural criteria, and analyses their normative consolidation in Chapter 14 of the Tax Code of the Russian Federation. The author reveals the problem of blurring the boundaries between desk and field audits in the context of digitalisation of tax administration, and substantiates the conclusion that procedural distinctions must be preserved as a guarantee of taxpayers' rights. Certain provisions of Articles 88 and 89 of the Tax Code are proposed to be clarified.

Keywords: tax control, desk tax audit, field tax audit, delimitation criteria, Tax Code of the Russian Federation, taxpayers' rights, tax administration.

Введение

Камеральная и выездная налоговые проверки являются двумя основными формами налогового контроля, посредством которых налоговые органы реализуют фискальную функцию государства. Налоговый кодекс РФ (далее — НК РФ) закрепляет их в статьях 88 и 89 соответственно, однако законодатель не формулирует прямо ни определения каждой из проверок, ни критериев их разграничения. Это создает неопределенность как для правоприменителя, так и для налогоплательщиков, особенно в условиях, когда цифровизация налогового администрирования объективно сближает процедурные возможности налоговых органов при проведении обеих проверок.

Актуальность темы обусловлена тем, что от правильной квалификации проверки зависит объем процессуальных гарантий, предоставляемых налогоплательщику: сроки проведения, основания продления, возможность осмотра помещений и выемки документов, порядок вручения акта и рассмотрения возражений. Ошибка в разграничении или искусственное «перерастание» камеральной проверки в выездную способны существенно ограничить права лица, в отношении которого осуществляется налоговый контроль.

Целью исследования является выявление и систематизация критериев разграничения камеральных и выездных налоговых проверок, а также оценка того, насколько действующее правовое регулирование обеспечивает определенность этих критериев. Для достижения цели решаются следующие задачи: проанализировать нормативную конструкцию статей 88 и 89 НК РФ; выделить предметный, территориальный, временной, субъектный и процедурный критерии; выявить проблемные зоны разграничения и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

1. Нормативная конструкция и проблема отсутствия легальных дефиниций

НК РФ не содержит определения ни камеральной, ни выездной налоговой проверки. Статья 88 НК РФ указы-

вает, что камеральная проверка проводится по месту нахождения налогового органа на основе налоговых деклараций и документов, представленных налогоплательщиком, а также документов о деятельности налогоплательщика, имеющихся у налогового органа. Статья 89 НК РФ предусматривает, что выездная проверка проводится на территории (в помещении) налогоплательщика на основании решения руководителя налогового органа.

Такая законодательная техника — описание процедуры без формулирования понятия — типична для НК РФ, но именно в вопросе разграничения двух форм контроля она порождает практические сложности. Как отмечается в доктрине, разграничение камеральной и выездной проверок должно проводиться не по одному, а по совокупности признаков, поскольку отдельные характеристики (например, предмет исследования) могут совпадать [1, с. 213]. Действительно, и камеральная, и выездная проверки направлены на проверку правильности исчисления и своевременности уплаты налогов; различие лежит в плоскости процедуры и объема контрольных полномочий.

2. Предметный критерий: декларация или деятельность

Наиболее очевидным критерием является предмет проверки. Камеральная проверка по общему правилу ограничена той налоговой декларацией (расчетом), которая представлена налогоплательщиком. Налоговый орган проверяет данные, содержащиеся в декларации, и сопоставляет их с имеющейся у него информацией. Выездная проверка направлена на проверку финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика в целом за определенный период, что предполагает исследование первичных документов, регистров налогового учета, а также фактических обстоятельств деятельности.

Однако предметный критерий не является абсолютным. В рамках камеральной проверки налоговый орган вправе истребовать документы, подтверждающие правомерность применения вычетов по НДС, а также пояснения при выявлении противоречий. Более того,

с развитием системы АСК НДС-2 камеральная проверка декларации по НДС фактически превратилась в углубленный анализ цепочек контрагентов, что содержательно сближает ее с выездной проверкой по объему исследуемых обстоятельств. Как справедливо указывает А. В. Демин, «предметная грань между камеральной и выездной проверками в современном налоговом администрировании становится все более условной» [2, с. 154].

3. Территориальный критерий: место проведения

Место проведения проверки — классический критерий разграничения. Камеральная проверка проводится по месту нахождения налогового органа (п. 1 ст. 88 НК РФ), выездная — по месту нахождения налогоплательщика или его обособленного подразделения (п. 1 ст. 89 НК РФ). Территориальный признак традиционно рассматривался как базовый, поскольку именно он определяет объем полномочий инспекции: при выездной проверке налоговый орган получает доступ на территорию налогоплательщика, что создает дополнительные возможности для осмотра, выемки и опроса.

Вместе с тем территориальный критерий также подвергся эрозии. С января 2026 года в НК РФ официально закреплен экстерриториальный принцип налогового контроля, допускающий проведение выездных проверок налоговыми органами другого региона [3]. Это означает, что территориальная привязка проверки перестала быть абсолютной гарантией для налогоплательщика. Тем не менее для разграничения камеральной и выездной проверок территориальный критерий сохраняет значение: камеральная проверка никогда не предполагает выезда к налогоплательщику, тогда как выездная по своей природе связана с доступом на его территорию.

4. Временной критерий: сроки и периодичность

Сроки проведения проверок существенно различаются. Камеральная проверка проводится в течение трех месяцев со дня представления декларации (п. 2 ст. 88 НК РФ). Выездная проверка может продолжаться до двух месяцев, а с учетом продления — до шести месяцев и в исключительных случаях — больше (п. 6–8 ст. 89 НК РФ). Кроме того, выездная проверка по общему правилу не может проводиться чаще одного раза в год по одним и тем же налогам за один и тот же период (п. 5 ст. 89 НК РФ), тогда как камеральная проверка каждой декларации является ординарным мероприятием.

Временной критерий тесно связан с объемом контрольных мероприятий. Как подчеркнул Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13.05.2025 № 20-П, превышение процессуальных сроков при определенных обстоятельствах может приобретать характер существенного нарушения, особенно когда оно приводит к избыточному или не ограниченному по продолжительности

применению мер налогового контроля [4]. Это подтверждает, что сроки — не формальность, а содержательная гарантия, различающаяся для двух форм проверок.

5. Субъектный и процедурный критерии

Камеральная проверка не требует специального решения руководителя налогового органа: она проводится в силу факта представления декларации. Выездная проверка назначается решением руководителя (заместителя руководителя) налогового органа (п. 1 ст. 89 НК РФ), что является дополнительной процессуальной гарантией: налогоплательщик с момента ознакомления с решением понимает, что в отношении него начата более интенсивная форма контроля.

Процедурные различия также проявляются в объеме полномочий. При камеральной проверке налоговый орган вправе истребовать пояснения и документы, но не вправе проводить осмотр помещений, выемку документов и предметов, допрос свидетелей в полном объеме. Выездная проверка допускает весь арсенал мероприятий налогового контроля, предусмотренных главой 14 НК РФ. Именно этот критерий — объем контрольных полномочий — имеет наиболее важное значение для налогоплательщика, поскольку определяет степень вмешательства в его хозяйственную деятельность.

6. Проблема «перерастания» и пределы разграничения

Практическая проблема состоит в том, что налоговые органы иногда используют камеральную проверку как «подготовительный этап» к выездной или фактически подменяют выездную проверку расширенной камеральной. Примером может служить истребование в рамках камеральной проверки документов, касающихся не только проверяемой декларации, но и всей финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика за период. Формально это обосновывается необходимостью проверки обоснованности вычета, но фактически объем вмешательства приближается к выездной проверке без соблюдения процедурных гарантий последней (решение руководителя, ограничения по периодичности).

В доктрине высказывается позиция, согласно которой разграничение должно проводиться по критерию «степени вторжения в хозяйственную автономию»: камеральная проверка не предполагает доступа на территорию и изъятия документов, поэтому и требования к ней должны быть строже в части предмета [5, с. 112]. Это предложение заслуживает поддержки. Целесообразно дополнить статью 88 НК РФ нормой, ограничивающей истребование документов при камеральной проверке пределами проверяемой декларации и прямо связанными с ней операциями, а также указать, что истребование документов за пределами трехмесячного срока проверки недопустимо.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Разграничение камеральных и выездных налоговых проверок в российском праве осуществляется по совокупности критериев: предметному, территориальному, временному, субъектному и процедурному. Ни один из них в отдельности не является достаточным, а в условиях цифровизации и экстерриториализации контроля границы между формами проверок объективно размываются.

Литература:

1. Крохина Ю. А. Налоговое право: учебник для академического бакалавриата. — 12-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 580 с.
2. Демин А. В. Налоговое право России: учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2022. — 365 с.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 24.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2025 г. № 20-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ.
5. Ордынская Е. В. Организация и методика проведения налоговых проверок: учебник и практикум для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 448 с.

Вместе с тем правовое значение разграничения сохраняется, поскольку именно от квалификации проверки зависит объем процессуальных гарантий налогоплательщика. Представляется необходимым: во-первых, дополнить статью 88 НК РФ прямым указанием на пределы истребования документов при камеральной проверке; во-вторых, закрепить в статье 89 НК РФ критерии, при наличии которых налоговый орган обязан назначить выездную проверку, а не расширять камеральную. Такие изменения позволят сохранить разграничение как работающий правовой инструмент, а не формальную конструкцию.

Функционально-целевое предназначение судебного штрафа

Давыдова Ирина Александровна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье автор исследует актуальные вопросы совершенствования института судебного штрафа в российском уголовном праве через сходство и возможные различия в трактовке с другими институтами и прямую связь с требованиями положений Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: судебный штраф, уголовное право, законодательство, уголовная ответственность, совершенствование, пути, институт, уголовно-правовая система.

В настоящее время провозглашён официальный курс нашей страны на гуманизацию и либерализацию системы уголовно-правового воздействия, что соответствует глобальным (общемировым) трендам [1]. С учётом названной тенденции законодатель совершенствует и вводит в механизм уголовно-правового регулирования совершенно новые (инновационные) институты и нормативно-логические конструкции. Одним из таковых инноваций выступает освобождение от уголовного наказания с назначением судебного штрафа, что является очень актуальным вопросом, так как с момента включения судебного штрафа в УК РФ в научных кругах не утихает интенсивная полемика по вопросу о сущности, правовой природе и функционально-целевой природе последнего. Анализ доктринальных материалов [2] позволяет обозначить ряд подходов к трактовке концепта судебного штрафа, выдвинутые рос-

сийскими учёными в этих дебатах [3], включая трактовку судебного штрафа как уголовного наказания; форму декриминализации состава преступления; позитивно-стимулирующую меру поощрения; признание вины; меру уголовно-правового характера, альтернативную наказанию.

В научной полемике о правовой природе судебного штрафа я сторонник бинарного подхода, который трактуется в применении одновременно и как мера уголовно-правового характера, и как основание освобождения от уголовной ответственности.

В любом случае, считаю категорически неверно относить судебный штраф к разновидности наказания, т. е. причислять его к некоему виду уголовно-правовой санкции [4]. Сравнительный анализ даёт возможность выявить весьма отчётливые, значимые различия, часть которых приведена нами в нижеизложенной таблице.

Таблица 1. Сравнительный анализ судебного штрафа и штрафа как уголовного наказания

Признак	Штраф — уголовное наказание	Судебный штраф
Основание применения	Обвинительный приговор суда, вступивший в силу	Постановление суда о прекращении дела
Отношение лица, совершившего преступление, к применению этой меры	Не имеет значения, применяется принудительно	Применяется на основе добровольного согласия
Судимость	Возникает	Не возникает
Категория преступления	Любая	Преступления небольшой и средней тяжести
Последствия неоплаты	Замена другим видом уголовного наказания	Отмена решения и возобновление дела
Порядок исчисления	В виде твёрдой денежной суммы, в виде зарплаты или иного дохода, в виде кратной стоимости предмета преступления	В твёрдой денежной сумме
Наличие верхнего и нижнего пределов	Верхний предел установлен законом в размере 5 млн рублей.	Верхний предел составляет 50 % максимального штрафа по применяемой статье УК РФ или 250 тыс. руб.
Целевая установка	Карательная функция	Позитивное стимулирование посткриминального поведения

Таким образом, по своей сути применение судебного штрафа презюмирует отказ привлекать фигуранта уголовного дела к ответственности, возложив на последнего весь массив обременений, предусмотренных УК РФ в виде назначения наказания и вытекающих из этого последствий.

Принципиальная специфика судебного штрафа, коренным образом выделяющая его в системе всех иных мер уголовно-правового характера, связана с добровольностью его применения. Ведь в силу ч. 2 ст. 27 УПК РФ эту меру запрещено применять при наличии возражения со стороны подозреваемого (обвиняемого), предварительное согласие последнего здесь критически необходимо и на досудебной стадии уголовного процесса, т. е. в рамках предварительного расследования, так и в стадии рассмотрения дела в суде.

Инициатором здесь, как замечает большинство аналитиков в области уголовного права, обычно выступает сторона защиты [5], в контексте ст. 76.2 УК РФ подозреваемым (обвиняемым) делается осознанный и сугубо добровольный выбор между двумя альтернативами, а именно: первая — быть подвергнутым уголовному наказанию, вторая — получить иную меру уголовно-правового воздействия (судебный штраф). Только заручившись согласием фигуранта, суд вправе (разумеется, при наличии всех иных условий и оснований) освободить последнего от уголовной ответственности, прекратить в отношении него уголовное преследование и назначить судебный штраф. В свою очередь, тот, к кому судом применён судебный штраф, обязуется своевременно и в полном объёме его уплатить. Иначе постановление о прекращении дела с назначением судебного штрафа судом

будет отменено, и дальнейшее производство возобновиться в общем порядке.

Функционально-целевое предназначение судебного штрафа, по мнению многих учёных, разнообразно и принципиально не сводимо к решению какой-то одной-единственной цели [6]. То есть применительно к названному институту речь следует вести о целом комплексе целевых установок.

Таким образом, подводя итоги исследования: анализ доктринальных источников позволяет выделить и обозначить ряд функций судебного штрафа, включая нижеперечисленные:

- восстановление социальной справедливости (этот тезис носит крайне спорный характер и поддерживается лишь немногими учёными);
- исправление виновного, т. е. общая и частная превенция;
- экономия уголовной репрессии;
- социальная функция в виде сокращения числа лиц с судимостью;
- восстановление имущественных прав потерпевших (речь идёт о возмещении причинённого преступником ущерба и заглаживании им вреда);
- поощрение лиц к положительному посткриминальному поведению;
- фискальная (бюджетно-ориентированная) функция и ряд др.

Говоря о целях, преследуемых российскими законодателями при введении судебного штрафа, также нельзя обойти вниманием экономию процессуальных издержек. Эта цель была прямо и непосредственно продекларирована в пояснительной записке к соответствующему зако-

нопроекту, где указано: судебный штраф содействует сокращению уголовно-процессуальных издержек, позволяя сосредоточить кадровые, технические и иные ресурсы органов предварительного расследования на расследовании именно опасных преступлений.

Институт судебного штрафа в части своей правовой природы характеризуется бинарностью, т. е. двойственностью, одновременно выступая и в качестве самостоятельного основания освобождения от уголовной ответ-

ственности, и в качестве иной меры уголовно-правового характера. Его категорически неверно квалифицировать как разновидность наказания, т. е. причислять его к некоему виду уголовно-правовой санкции; сравнительный анализ демонстрирует между ними весьма отчётливые, сущностно значимые различия. Ключевая специфика состоит в добровольном согласии лица, совершившего преступление, на применение в отношении него судебного штрафа.

Литература:

1. Глушкова, И. Н. О сущности судебного штрафа в уголовном праве РФ / И. Н. Глушкова // Юрид. наука. — 2025. — № 45–5 (331). — С. 33–34.
2. Лупарев, Е. Б. О природе судебных штрафов в уголовном производстве / Е. Б. Лупарев, О. В. Гречкина // Юрид. наука и правоохранительная практика. — 2024. — № 2 (68). — С. 19
3. Серенко, Р. С. Судебный штраф в российском уголовном праве: дуальность правовой природы и особенности применения / Р. С. Серенко // В сборнике: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. — Санкт-Петербург, 2026. — С. 325.
4. Холчук, В. О. Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности: десять лет применения и накопившиеся проблемы / В. О. Холчук // В сборнике: Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики. — Пенза: Наука и Просвещение, 2026. — С. 56.
5. Бобрик, С. А. Судебный штраф: теория и практика применения / С. А. Бобрик // Аллея науки. — 2025. — Т. 1. № 9 (96). — С. 522/
6. Серенко, Р. С. Судебный штраф в российском уголовном праве: дуальность правовой природы и особенности применения / Р. С. Серенко // В сборнике: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. — Санкт-Петербург, 2026. — С. 325.

Классификация судебных ошибок в гражданском судопроизводстве

Долгова Дарья Викторовна, студент магистратуры

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье автор исследует критерии и основания классификации судебных ошибок в гражданском судопроизводстве, систематизацию их видов и определение практического значения такой классификации.

Ключевые слова: судебная ошибка, гражданское судопроизводство, классификация.

Гражданское судопроизводство занимает центральное место в системе защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Однако, как и в любой деятельности, осуществляемой человеком, отправлении правосудия по гражданским делам не исключает человеческий фактор при подготовке судебных актов. Судебные ошибки в гражданском процессе затрагивают права участников гражданского судопроизводства с одной стороны, с другой — подрывают доверие к судебной власти.

Легального определения судебной ошибки нет, что порождает дискуссии в науке гражданского процесса. Классификация судебных ошибок имеет не только теоретическое, но и практическое значение, что позволяет оценивать качество судебной деятельности.

Любая классификация в науке разрабатывается в зависимости от целей и задач, стоящих перед исследова-

телем [1]. Классификация любого правового явления невозможна без предварительного уяснения его сущности. В гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации термин «судебная ошибка» не упоминается. Законодатель оперирует понятиями «основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке» (статья 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)) и «основания для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке» (статья 379.7 ГПК РФ).

Принципиально важным для классификации является указание на непреднамеренный характер судебной ошибки. Прямое указание терминов и дефиниций по вопросу судебных ошибок в процессуальном законодательстве отсутствует, что создаёт определенные затруднения, как для теоретического осмысления данного феномена,

так и для практической организации работы по его предупреждению. Именно непреднамеренность отграничивает судебную ошибку от умышленного нарушения закона судьёй и определяет специфику мер реагирования на неё.

В п. 3.2. Постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П выделено два вида судебных ошибок: 1) неумышленные судебные ошибки ординарного характера не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания; 2) которые являются следствием некомпетентности или небрежности судьи, т. е. недобросовестного исполнения им функции по отправлению правосудия, приводящего к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и грубому нарушению прав участников процесса [2].

Многообразие судебных ошибок в гражданском процессе обуславливает необходимость их классификации по различным основаниям. В юридической науке к настоящему времени разработано значительное количество классификаций судебных ошибок. Выбор критерия классификации определяется её целевым назначением: для целей дисциплинарной оценки деятельности судьи значим один критерий, для целей совершенствования процессуального законодательства — другой, для целей предупреждения ошибок — третий.

Основным критерием классификации является критерий причины, выделенный впервые Е. В. Васьковским, который разделял ошибки на субъективные (происхождение которых следует искать в несовершенстве субъективного познания судьи) и объективные (первопричиной которых являются объективные факторы: ложь и сокрытие участниками гражданского процесса необходимых фактов от суда, существование пробелов в законодательстве) [3]. Исследованию классификации судебных ошибок посвящены научные работы и статьи таких авторов, как Н. А. Батурина [4], Е. В. Кудрявцева, Л. А. Прокудина [5], О. А. Лубянова [6] и др.

Авторами выделяется критерий последствий. По данному основанию судебные ошибки подразделяются на: существенные и несущественные. По критерию содержания юрисдикционно-процессуальные ошибки делятся на: описки, опечатки, арифметические ошибки, неверную оценку доказательств по делу, неправильное применение норм материального или процессуального права.

Рассмотрим основные виды судебных ошибок в гражданском судопроизводстве, к которым относим: фактические ошибки, ошибки в применении норм материального права, процессуальные ошибки, ошибки в оценке доказательств, латентные и выявленные судебные ошибки, атипичные судебные ошибки.

Фактические ошибки связаны с неправильным установлением обстоятельств гражданского дела и наиболее распространённой категорией судебных ошибок в гражданском процессе.

Фактические ошибки могут проявляться в форме: 1) неправильного определения обстоятельств, имеющих значение для дела; 2) недоказанности установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела; 3) несоответствия выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела.

Ошибки в применении норм материального права традиционно подразделяются на три подвида в соответствии с частью 2 статьи 330 ГПК РФ: 1) неприменение закона, подлежащего применению; 2) применение закона, не подлежащего применению; 3) неправильное истолкование закона.

Данная классификация имеет прямое нормативное основание и непосредственно используется судами апелляционной и кассационной инстанций при оценке законности судебных актов [7].

Процессуальные ошибки связаны с несоблюдением форм и сроков, предусмотренных процессуальным законодательством, а также с нарушением процедурных гарантий сторонам процесса. Данный вид ошибок имеет особое значение, поскольку процессуальные нарушения могут повлечь за собой безусловную отмену судебного решения независимо от правильности разрешения дела по существу.

Ошибки в оценке доказательств представляют собой самостоятельный вид судебных ошибок, который может быть отнесён как к фактическим ошибкам, так и к процессуальным.

По объективному восприятию и процессуальному реагированию судебные ошибки подразделяются на выявленные и латентные. Латентные (скрытые) судебные ошибки представляют особую опасность, поскольку они не становятся предметом рассмотрения вышестоящих инстанций и продолжают оказывать негативное воздействие на правопорядок. Латентность судебных ошибок в гражданском процессе обусловлена ограниченностью процессуальных средств проверки, недостаточной активностью сторон в обжаловании судебных актов, а также сложностью выявления ошибок в оценке доказательств.

Особую категорию образуют атипичные судебные ошибки — единичные, неповторяющиеся, случайные ошибки, которые могут возникнуть из-за невнимательности судьи. К ним относятся описки, опечатки, арифметические ошибки в судебных актах. Несмотря на кажущуюся незначительность, такие ошибки могут создавать существенные препятствия для исполнения судебного решения и требовать дополнительных процессуальных усилий для их устранения.

Предложенная система видов судебных ошибок имеет не только теоретическое, но и существенное прикладное значение. Она позволяет дифференцировать подходы к оценке качества судебной деятельности, разработать адресные меры предупреждения ошибок, обосновать критерии дисциплинарной ответственности судей и определить направления совершенствования процессуального законодательства.

Литература:

1. Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 311–340.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 2011.
3. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. Изд. 2-е, перераб. М., 1917. С. 33–34.
4. Батурина Н. А.. Причины судебных ошибок и процессуальные средства их предупреждения в гражданском судопроизводстве: автореферат дис.... кандидата юридических наук: Саратов, 2010. 22 с..
5. Кудрявцева Е. В. Прокудина Л. А. Как написать судебное решение. М.: «Издательство Юрайт», 2015. С. 152.
6. Лубянова О. А. Понятие судебной ошибки и её классификации // Молодой учёный. 2020. № 14 (304). С. 174–176. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/304/68554>
7. Анализ судебной статистики кассационных судов общей юрисдикции // Вопросы российской юстиции. 2024. Выпуск № 33. [Электронный ресурс]. URL: <http://injust-journal.ru/wp-content/uploads/2024/12/51.pdf>

Мелкое взяточничество (статья 291.2 УК РФ): обоснованность самостоятельного выделения и проблемы правоприменения

Дуюнов Алексей Анатольевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматривается состав мелкого взяточничества, предусмотренный статьей 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Оценивается обоснованность выделения нормы по единственному критерию — размеру взятки, анализируются разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, данные судебной статистики за 2018–2024 годы и научные позиции 2021–2026 годов. Выявлены проблемы квалификации, освобождения от ответственности, отграничения от посредничества и доказывания. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного закона.

Ключевые слова: мелкое взяточничество, взятка, статья 291.2 УК РФ, квалификация, посредничество во взяточничестве, малозначительность, освобождение от уголовной ответственности.

Введение

Статья 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) введена Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ и установила самостоятельную ответственность за мелкое взяточничество, то есть за получение и дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей. Со времени введения нормы прошло десять лет, накоплена обширная практика, однако оценки самого решения законодателя остаются противоречивыми. Б. В. Сидоров и Д. Р. Ахунов называют определение мелкого взяточничества только через размер взятки неудачным [1]; М. М. Алафьев, напротив, обосновывает судимость как квалифицирующий признак части 2 и предлагает расширить перечень учитываемых судимостей [2]; К. В. Жестков посвятил проблеме отдельное диссертационное исследование [3].

Цель статьи — оценить обоснованность выделения мелкого взяточничества в самостоятельный состав и выявить проблемы применения статьи 291.2 УК РФ. Методо-

логическую основу составили формально-юридический, системный и статистический методы, анализ научной литературы 2021–2026 годов и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Законодательная конструкция мелкого взяточничества

Часть 1 статьи 291.2 УК РФ устанавливает ответственность за получение взятки и дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей. Санкция предусматривает штраф до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы либо иного дохода осужденного за период до трех месяцев, исправительные работы на срок до одного года, ограничение свободы на срок до двух лет, а после вступления в силу Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ — также принудительные работы на срок до одного года и лишение свободы на тот же срок. Часть 2 охватывает те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за преступ-

ления, предусмотренные статьями 290, 291, 291.1 УК РФ либо статьей 291.2 УК РФ, и предусматривает штраф до одного миллиона рублей или в размере дохода осужденного за период до одного года, исправительные работы на срок до двух лет, ограничение свободы на срок до четырех лет, принудительные работы на срок до трех лет либо лишение свободы на тот же срок. Оба состава относятся к преступлениям небольшой тяжести, поскольку максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы (часть 2 статьи 15 УК РФ).

Примечание к статье предусматривает специальное основание освобождения от уголовной ответственности для лица, давшего мелкую взятку: оно освобождается, если активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении него имело место вымогательство взятки, либо оно после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки. Субъектом получения взятки является должностное лицо, субъектом дачи — любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцати лет.

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 разъяснил, что получение и дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, влекут ответственность по части 1 статьи 291.2 УК РФ независимо от того, совершены ли деяния за законные или незаконные действия, а также от наличия иных квалифицирующих признаков, предусмотренных статьями 290 и 291 УК РФ. Тем самым статья 291.2 УК РФ является специальной нормой по отношению к общим составам взяточничества.

Обоснованность выделения мелкого взяточничества

Аргументом в пользу выделения является дифференциация ответственности по размеру взятки, которая последовательно проведена в примечании к статье 290 УК РФ: значительный, крупный и особо крупный размеры образуют ступенчатую шкалу, нижней ступенью которой логично выглядит мелкая взятка. Выделение отвечает принципам справедливости и экономии репрессии: деяние с незначительной суммой не должно наказываться так же строго, как получение крупных вознаграждений. Типизация санкций и их индивидуализация по правилу дифференциации рассматриваются в литературе как способ совершенствования пенализации [4]. Кроме того, отнесение состава к преступлениям небольшой тяжести расширяет возможности применения института освобождения от ответственности, включая судебный штраф [5, 6].

Вместе с тем размер взятки плохо отражает общественную опасность деяния. Вред от взяточничества состоит прежде всего в нарушении нормальной деятельности органов публичной власти и подрыве доверия к ним, а не в имущественном ущербе. Взятка в восемь тысяч рублей, полученная за незаконное решение по существу, в этом

смысле опаснее взятки в двенадцать тысяч за законное действие, однако закон ставит их в обратное соотношение. Именно поэтому Б. В. Сидоров и Д. Р. Ахунов предлагают заменить статью 291.2 УК РФ тремя составами взяточничества небольшой тяжести [1]. Критерий размера усугубляется тем, что порог в десять тысяч рублей с момента введения нормы остается неизменным, а нижней границы предмета взятки закон не содержит. Граница между неправомерным вознаграждением и допустимым подарком определяется в гражданском праве: статья 575 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает обычные подарки стоимостью до трех тысяч рублей, поэтому для сумм, близких к этой границе, решающее значение приобретает установление связи вознаграждения с действием (бездействием) в пользу дающего.

Научная дискуссия показывает, что отказ от выделения мелкого взяточничества маловероятен, но конструкция нормы нуждается в корректировке. Выделение позволяет разгрузить уголовную юстицию и сосредоточить ресурсы на тяжких формах коррупции, однако только при условии, что квалификация учитывает общественную опасность конкретного деяния, а не одну лишь сумму.

Проблемы применения статьи 291.2 УК РФ

Первая проблема связана с квалификацией независимо от квалифицирующих признаков. Вымогательство, получение взятки за незаконные действия или должностное положение виновного не влияют на квалификацию, если сумма не превышает десяти тысяч рублей. В результате взятка в десять тысяч рублей, полученная за незаконное решение, влечет ответственность по части 1 статьи 291.2 УК РФ, а взятка в десять тысяч один рубль — ответственность по статьям 290 или 291 УК РФ, санкции которых предусматривают кратные штрафы и существенно более строгие наказания. Скачок ответственности при изменении суммы на один рубль нарушает принцип справедливости. Р. Р. Рахимов предлагает ввести отягчающие признаки мелкого взяточничества [7], а М. М. Алафьев обосновывает расширение квалифицирующего признака судимости [2].

Вторая проблема — практическая неприменимость части 2. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, по части 1 статьи 291.2 УК РФ в 2018 году осуждено 2400 человек, в 2019 году — 1879, в 2020 году — 1617, в 2021 году — 2133, в 2022 году — 2469, в 2023 году — 2474, в 2024 году — 2300. По части 2 осуждено соответственно 8, 5, 5, 11, 10, 5 и 5 человек, что составляет от 0,2 до 0,5 процента от общего числа осужденных по статье. Столь малая доля показывает, что единственный квалифицирующий признак охватывает ничтожную часть реальных случаев повторного мелкого взяточничества, а последовательность законодателя в этом вопросе нуждается в научной оценке [2, 3].

Третья проблема — ответственность посредника. Статья 291.1 УК РФ наказывает посредничество во взя-

точничестве в значительном размере, поэтому посредничество при взятке до двадцати пяти тысяч рублей, в том числе при мелкой взятке, преступлением не является. Это позволяет безнаказанно действовать организаторам мелкого взяточничества, если они не вступают в соучастие в получении или даче взятки, а границы между посредничеством и соучастием в практике проводятся неединообразно [8]. Проблемы толкования обещания или предложения посредничества анализируют А. В. Куликов и М. Д. Ферстер [9], В. И. Замараев [10], а сравнительно-правовой анализ ответственности за посредничество проведен в работе [11]. Предложения о пересмотре порога ответственности посредника высказывает Р. Р. Рахимов [7], а общую характеристику состава посредничества дают И. И. Шалашов и А. Б. Шигонин [12].

Четвертая проблема связана с применением общих институтов. Формальное наличие признаков состава не исключает малозначительности деяния (часть 2 статьи 14 УК РФ), однако критерии ее оценки остаются неопределенными [13, 14, 15], а необходимость ревизии положений статьи 14 УК РФ оспаривается в литературе [16]. Освобождение от ответственности по примечанию к статье 291.2 УК РФ распространяется только на лицо, давшее взятку, а Ф. Н. Багаутдинов считает целесообразным расширить основания освобождения взяткодателя [17]. По мнению Т. В. Гриценко, Е. Р. Абызовой и С. С. Кравцова, судебный штраф уместен по делам о преступлениях против публичных интересов, не имеющих потерпевшего [6], а процессуальные проблемы его применения исследованы в работе [18]. Г. Н. Миронова обращает внимание на то, что мелкое взяточничество не включено в перечень преступлений, при которых допускается конфискация имущества, и предлагает его дополнить [19].

Пятая проблема — доказывание. К. С. Плаксицкая указывает на слабую регламентацию взаимодействия следователя с оперативными подразделениями и неурегулированность оперативного эксперимента [20]; Х. И. Логманов с соавторами выявляют типичные ошибки, снижающие доказательственную силу результатов оперативного эксперимента по делам о взяточничестве [21]; А. А. Чебуренков описывает провокационные действия при раскрытии коррупционных преступлений как особый вид деятельности, диагностируемый по следам [22]. Применительно к мелкому взяточничеству эти проблемы усугубляются низкой стоимостью предмета и отсутствием письменных следов.

Литература:

1. Сидоров Б. В., Ахунов Д. Р. Мелкое взяточничество или взяточничество небольшой тяжести // Вестник экономики, права и социологии. 2021.
2. Алафьев М. М. Квалифицирующий признак мелкого взяточничества (ч. 2 ст. 291.2 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2. С. 116–123.
3. Жестков К. В. Уголовная ответственность за мелкое взяточничество: дис.... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 204 с.
4. Коренная А. А. Типизация и индивидуализация пенализации преступлений в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2024. № 4. С. 53–59.

Особенности имеет и мелкая взятка в отдельных сферах. А. М. Плешаков и Н. В. Краева показывают, что мелкое взяточничество в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, нельзя считать бытовой коррупцией ввиду особого статуса уголовно-исполнительной системы [23]. У. В. Максайда подчеркивает, что реформы антикоррупционного законодательства не дали ощутимого результата в образовании и культуре [24].

Предложения по совершенствованию законодательства

На основании проведенного анализа представляется целесообразным: во-первых, сохранить статью 291.2 УК РФ как специальную норму, но уточнить в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, при каких условиях вымогательство и получение взятки за незаконные действия исключают квалификацию деяния как мелкого взяточничества; во-вторых, расширить перечень судимостей в части 2 статьи 291.2 УК РФ на иные преступления, связанные с незаконным вознаграждением [2]; в-третьих, пересмотреть порог ответственности за посредничество либо выделить посредничество при мелкой взятке в отдельный состав небольшой тяжести [1, 7]; в-четвертых, расширить основания освобождения лиц, давших взятку [17]; в-пятых, рассмотреть включение статьи 291.2 УК РФ в перечень статьи 104.1 УК РФ [19]; в-шестых, закрепить в разъяснениях критерии малозначительности применительно к минимальным суммам вознаграждения [14, 15].

Заключение

Выделение мелкого взяточничества в самостоятельный состав в целом оправдано задачами дифференциации ответственности и экономии репрессии, однако единственный критерий размера порождает скачки ответственности, оставляет без оценки общественную опасность деяния и не позволяет учесть вымогательство и незаконный характер действий. Практика применения статьи 291.2 УК РФ массовая: за семь лет по части 1 осуждено свыше пятнадцати тысяч человек, тогда как часть 2 применяется единично. Совершенствование нормы должно идти по пути уточнения разъяснений высших судов, расширения квалифицирующих признаков и оснований освобождения от ответственности, а также устранения пробела в ответственности за посредничество.

5. Соколова О. В., Степанова И. Б. Судебный штраф: теоретические и практические подходы к определению целей и основания его применения // Право и практика. 2021. № 4. С. 107–113.
6. Гриценко Т. В., Абызова Е. Р., Кравцов С. С. К вопросу о правовой природе судебного штрафа и его месте в системе оснований прекращения уголовного преследования (дела), связанных с позитивным постпреступным поведением обвиняемого (подозреваемого) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 2. С. 110–117.
7. Рахимов Р. Р. Проблемы квалификации взяточничества в российском уголовном праве // Молодой ученый. 2026. № 9 (612). С. 300–304.
8. Курдюмов Р. В. Вопросы квалификации посредничества во взяточничестве при отграничении от соучастия в получении и даче взятки // Молодой ученый. 2023. № 40 (487). С. 224–227.
9. Куликов А. В., Ферстер М. Д. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: проблемы квалификации и правоприменения // Российский следователь. 2024. № 11. С. 28–32.
10. Замараев В. И. Проблемы толкования обещания или предложения посредничества во взяточничестве // Российский следователь. 2025. № 2. С. 46–50.
11. Замараев В. И. Особенности компаративного анализа посредничества во взяточничестве // Российский следователь. 2024. № 8. С. 26–30.
12. Шалашов И. И., Шигонин А. Б. Уголовно-правовая характеристика посредничества во взяточничестве // Научно-сфера. 2024. № 4 (1).
13. Лозовская Т. А. Уголовно-правовая оценка деяния, совершенного при наличии квалифицирующих признаков, как малозначительного // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 4 (46). С. 525–530.
14. Колпакова Л. А. Малозначительность преступления (ч. 2 ст. 14 УК РФ): вопросы юридической герменевтики // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. С. 23–28.
15. Поликашина О. В., Востриков М. В. К вопросу о малозначительности деяния: какие признаки общественной опасности относят деяние к малозначительному // Уголовное судопроизводство. 2024. № 4. С. 26–31.
16. Пономарев В. Г., Рожнов А. П. «Преступление — это деяние»: возможна и нужна ли ревизия положений ч. 1 ст. 14 УК РФ // Право и практика. 2023. № 4. С. 125–130.
17. Багаутдинов Ф. Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности за взяточничество // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 1 (55). С. 46–52.
18. Кириллова Н. П., Каматесов П. А. Уголовно-процессуальные проблемы применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российский судья. 2024. № 6. С. 27–31.
19. Миронова Г. Н. Предмет конфискации при мелком коммерческом подкупе и мелком взяточничестве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 121–125.
20. Плаксицкая К. С. Проблемы доказывания коррупционных составов преступлений: получение и дача взятки // Молодой ученый. 2023. № 4 (451). С. 272–274.
21. Логманов Х. И., Велиева Р. Ш., Ярунгина К. В. Анализ типичных ошибок, допускаемых при проведении оперативного эксперимента по делам о взяточничестве // Молодой ученый. 2021. № 44 (386). С. 124–127.
22. Чебуренков А. А. Криминалистический анализ провокационной деятельности, осуществляемой при раскрытии и расследовании преступлений коррупционной направленности // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 105–112.
23. Плешаков А. М., Краева Н. В. Мелкое взяточничество в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовная ответственность и особенности правоприменения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 2. С. 2–6.
24. Максайда У. В. Коррупционные преступления, совершаемые в сферах образования и культуры // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С. 380–383.

Утечки персональных данных как трансграничная угроза: масштабы и международно-правовые средства противодействия

Еремин Клим Александрович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются утечки персональных данных как угроза, последствия которой выходят за пределы одного государства. Приводятся данные о масштабах утечек в России и объясняется, почему опубликованные базы данных практически невозможно удалить из сети. Анализируются международно-правовые средства противодействия утечкам: требования Совета Европы к безопасности данных, модель Европейского союза и Конвенция ООН против ки-

берприступности, а также их отражение в российском законодательстве. Делается вывод о том, что существующие механизмы направлены на предупреждение утечек и наказание виновных, но не решают задачу устранения последствий утечки за рубежом, и предлагаются меры по восполнению этого пробела.

Ключевые слова: персональные данные, утечка персональных данных, трансграничная угроза, безопасность данных, уведомление об утечке, Конвенция 108+, GDPR, Конвенция ООН против киберприступности.

Утечки персональных данных давно перестали быть редкостью. Базы данных с фамилиями, номерами телефонов, адресами и платежными сведениями регулярно оказываются в открытом доступе, после чего их копируют и перепродают на ресурсах, размещенных в разных странах. Где бы ни был взломан сервер, воспользоваться опубликованными сведениями может человек, находящийся в любой стране. Поэтому утечка представляет собой не только внутреннюю проблему конкретного оператора или государства, но и трансграничную угрозу. Цель статьи — оценить масштабы утечек и определить, какие международно-правовые средства противодействия им существуют и каковы их пределы.

Единого международного определения утечки не существует, но близкие формулировки есть в праве Европейского союза и в российском законе. Общий регламент ЕС о защите персональных данных (далее — GDPR) использует понятие нарушения безопасности персональных данных, под которым понимает нарушение безопасности, повлекшее случайное или незаконное уничтожение, утрату или изменение данных, их несанкционированное раскрытие или доступ к ним (п. 12 ст. 4) [1]. Федеральный закон «О персональных данных» (далее — Закон о персональных данных) говорит о неправомерной или случайной передаче (предоставлении, распространении, доступе) персональных данных, повлекшей нарушение прав субъектов (ч. 3.1 ст. 21) [2]. Обе формулировки охватывают не только действия хакеров, но и ошибки самого оператора. Это подтверждают и исследования практики: сведения о пациентах медицинских организаций попадают в открытый доступ как в результате хакерских атак, так и из-за злоупотреблений персонала и халатности руководителей [3, с. 81]. Поэтому у большинства утечек две стороны: оператор, который не обеспечил защиту, и лицо, которое похитило, опубликовало или продало данные. Соответственно, правовые средства противодействия обращены и к тем, и к другим.

Масштаб проблемы хорошо виден по российской статистике. Д. В. Бахтеев, А. М. Сосновикова и Е. В. Казенас приводят сведения о 168 утечках персональных данных, выявленных только за 2023 г., и о более чем 300 млн записей с данными российских граждан, которые в том же году попали в открытый доступ [4, с. 948–949]. По данным Роскомнадзора, в 2024 г. было зафиксировано 135 утечек, содержащих свыше 710 млн записей о россиянах, а в 2025 г. — 118 утечек и более 52 млн записей [5]. Резкое снижение объема в 2025 г. на первый взгляд говорит об улучшении ситуации, однако делать такой вывод рано. Количество утечек меняется намного меньше, чем объем

записей, который определяется несколькими крупными инцидентами: одна утечка из большой базы может изменить годовой показатель в разы. Официальная статистика к тому же учитывает только выявленные случаи, а независимые оценки бывают выше: аналитики компании «Еса Про» насчитали за 2025 г. более 145 млн строк данных [5]. При этом число записей не совпадает с числом пострадавших, поскольку сведения об одном человеке могут содержаться в разных базах.

Проблема не является сугубо российской. Показателен случай, который рассматривал Суд Европейского союза (далее — Суд ЕС). В июле 2019 г. в результате кибератаки на информационную систему Национального агентства по доходам Болгарии в интернете были опубликованы персональные данные более 6 млн физических лиц, причем не только граждан Болгарии, но и иностранцев [6]. Этот пример показывает, что даже утечка из системы одного государственного органа затрагивает лиц, связанных с другими государствами, а публикация в интернете делает сведения доступными далеко за пределами страны, где произошел инцидент.

Трансграничный характер утечки в полной мере проявляется после того, как данные опубликованы. Похищенную базу обычно выкладывают или продают через ресурсы, на которые не распространяется юрисдикция государства, где работает оператор, и ее копии быстро расходятся по разным площадкам. Д. В. Бахтеев и соавторы, рассматривая российские правила о прекращении трансграничной передачи, указывают, что правительство иностранного, особенно недружественного, государства вряд ли удалит полученные из России данные по требованию российской компании, и констатируют: «механизма, в соответствии с которым данное требование должно быть претворено в жизнь, не существует» [4, с. 954]. При утечке ситуация еще сложнее, потому что получатель данных неизвестен и действует незаконно. Неслучайно авторы приходят к выводу, что «нелегальные трансграничные потоки персональных данных несут в себе серьезную угрозу для прав личности» [4, с. 964]. Национальные меры в такой ситуации работают лишь до границы: государство может наказать оператора и найти виновных на своей территории, но не способно собственными силами изъять данные из иностранных источников. Отсюда и вопрос о том, какие средства для этого предлагает международное право.

На универсальном уровне специального договора о безопасности персональных данных нет. Как отмечает А. Ю. Ястребова, право на защиту персональных данных отдельно не урегулировано в универсальных международных актах и рассматривается как часть права

на частную жизнь, а специальные гарантии закреплены лишь в договорах о правах отдельных категорий лиц [7, с. 19–20]. В этих условиях наибольшее значение для борьбы с утечками имеет Конвенция ООН против киберпреступности 2024 г. [8]. Она обязывает государства установить ответственность за незаконный доступ, незаконный перехват, воздействие на электронные данные и на информационно-коммуникационную систему, а также за неправомерное использование устройств (ст. 7–11). Эти составы охватывают основные технические способы, которыми похищаются базы данных. Конвенция также предусматривает оперативное обеспечение сохранности хранимых электронных данных (ст. 25) и содержит отдельные правила о защите персональных данных, передаваемых между государствами (ст. 36). На практике это позволит государствам совместно устанавливать лиц, похитивших базу, и сохранять доказательства, находящиеся на серверах в других странах.

Вместе с тем возможности Конвенции не следует преувеличивать. Она направлена на уголовное преследование и сотрудничество правоохранительных органов, но не устанавливает обязанностей операторов по защите данных и не дает пострадавшим самостоятельных средств защиты. Д. Д. Штодина приходит к выводу, что достижение компромисса при принятии Конвенции констатировать не приходится [9, с. 111], а положения о соблюдении прав человека, по ее мнению, на практике оставят государствам свободу в выборе гарантий [9, с. 120]. Исследователь отмечает и более общую тенденцию: «ведущее значение государства в киберпространстве постепенно утрачивается» [9, с. 122]. Для утечек это особенно заметно: похищенные базы распространяются через площадки, которые государства контролируют с трудом. Главное же ограничение состоит в том, что Конвенция пока не действует. В октябре 2025 г. в Ханое ее подписали 65 государств, в том числе Россия [10]. К концу сентября 2026 г. число подписавших выросло до 95, однако утвердили Конвенцию лишь три государства, тогда как для вступления в силу требуется ратификация сорока [11]. Следовательно, в ближайшее время универсальный механизм сотрудничества по делам об утечках работать не будет.

Более развитые правила о безопасности данных сложились на региональном уровне. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г. (далее — Конвенция 108) предусматривает, что для защиты персональных данных, хранящихся в автоматизированных базах, «принимаются надлежащие меры безопасности», направленные на предотвращение их случайного или несанкционированного уничтожения, потери, несанкционированного доступа, изменения или распространения (ст. 7) [12]. Для России эта норма сохраняет силу, поскольку, несмотря на выход из Совета Европы, она остается участником Конвенции 108 [7, с. 18]. Однако ст. 7 говорит лишь о предупреждении утечек и не определяет, как оператор должен действовать после инцидента. Этот пробел вос-

полнен в модернизированной Конвенции 108+: оператор обязан без промедления уведомлять как минимум компетентный надзорный орган о тех нарушениях безопасности, которые могут серьезно затронуть права и основные свободы субъектов данных (п. 2 ст. 7) [13]. Россия подписала протокол о модернизации Конвенции, но не ратифицировала его, поэтому как международное обязательство это правило на нее не распространяется.

Наиболее подробную модель реагирования на утечки создал Европейский союз. GDPR обязывает оператора уведомить надзорный орган о нарушении безопасности без неоправданной задержки и по возможности не позднее 72 часов после того, как ему стало о нем известно (ст. 33). Если нарушение создает высокий риск для прав и свобод граждан, о нем необходимо сообщить и самим субъектам данных (ст. 34). За нарушение требований Регламента могут назначаться штрафы до 20 млн евро или до 4 % мирового годового оборота компании (ст. 83). Помимо этого, Регламент применяется к операторам за пределами Союза, если они предлагают товары и услуги лицам, находящимся в ЕС, или отслеживают их поведение (п. 2 ст. 3). В результате европейский стандарт реагирования на утечки распространяется и на компании из других стран.

Практика Суда ЕС показывает, как эти нормы применяются к утечкам. В упомянутом деле о болгарском налоговом агентстве Суд указал, что сам по себе несанкционированный доступ третьих лиц к данным еще не означает, что принятые оператором меры защиты были ненадлежащими. В то же время доказывать надлежащий характер мер безопасности должен именно оператор, и он не освобождается от обязанности возместить вред только потому, что вред причинен кибератакой третьих лиц. Суд также признал, что опасение возможного злоупотребления данными после утечки само по себе может составлять нематериальный вред, если это опасение обоснованно. Для человека, чьи данные уже распространились и не могут быть удалены, такой подход имеет особое значение: если вернуть контроль над данными невозможно, основным способом защиты становится компенсация.

Российское законодательство развивается в том же направлении, хотя Россия не связана ни Конвенцией 108+, ни правом ЕС. Оператор обязан в течение 24 часов уведомить Роскомнадзор о выявленном инциденте, его предполагаемых причинах и вреде, а в течение 72 часов — сообщить о результатах внутреннего расследования (ч. 3.1 ст. 21 Закона о персональных данных). По сроку первого уведомления российское правило строже европейского. В 2024 г. была существенно усилена ответственность. Размер административного штрафа за утечку теперь зависит от числа субъектов, чьи данные оказались в открытом доступе, а за повторную утечку предусмотрен штраф, исчисляемый в процентах от выручки [14]. Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 272.1 [15], которая устанавливает ответственность за незаконное использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные и полученной незаконным путем,

а также за создание ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и распространения [16]. Отдельным квалифицирующим признаком названо совершение этих деяний с трансграничной передачей такой информации или трансграничным перемещением ее носителей (ч. 4 ст. 272.1 УК РФ). Тем самым законодатель прямо признал, что вывоз похищенных данных за рубеж повышает опасность преступления.

Гражданско-правовая защита пострадавших остается менее определенной. Б. В. Агарков и А. Н. Сурков, исследуя ответственность медицинских организаций за утечки, отмечают, что основным способом защиты выступает компенсация морального вреда [3, с. 85]. При этом суды по-разному подходят к бремени доказывания: в одних делах вину оператора должен доказать истец [3, с. 87], в других суды исходят из презумпции вины причинителя вреда [3, с. 88]. Для пострадавшего это принципиальный вопрос, ведь получить сведения о том, как именно оператор защищал свои системы, ему практически невозможно. Позиция Суда ЕС, возлагающего на оператора бремя доказывания надлежащих мер безопасности, могла бы служить ориентиром для выработки единого подхода в российской практике.

У рассмотренных средств есть общий недостаток. Они рассчитаны либо на предупреждение утечек, либо на реакцию внутри одной юрисдикции, либо на уголовное преследование виновных. Ни один из рассмотренных международных актов не обязывает государства сообщать друг другу об утечках, затрагивающих их граждан, и не предусматривает сотрудничества в удалении опубликованных баз с иностранных ресурсов. Между тем именно на этом этапе утечка и становится трансграничной угрозой. Восполнить этот пробел реалистичнее всего на двустороннем и региональном уровне, где государствам легче догово-

ряться. В литературе уже высказано предложение о подготовке двусторонних договоров, которые позволили бы укрепить единое понимание персональных данных и способов их защиты [7, с. 16]. В такие договоры целесообразно включать правила о взаимном уведомлении компетентных органов об утечках, которые затрагивают граждан другой стороны, и о сотрудничестве в ограничении доступа к опубликованным базам. После вступления в силу Конвенции ООН против киберпреступности ее механизмы обеспечения сохранности электронных данных можно будет использовать и для установления лиц, распространяющих похищенные базы через иностранные ресурсы, однако для этого России потребуется ее ратифицировать.

Утечки персональных данных приобрели массовый характер: только в России за последние годы в открытый доступ попали сотни миллионов записей. Трансграничность утечки связана не столько с местом взлома, сколько с тем, что опубликованные данные расходятся по ресурсам в разных странах и остаются доступными после того, как национальные меры исчерпаны. Международное право отвечает на эту угрозу по частям. Совет Европы закрепляет требования к безопасности данных и обязанность уведомлять надзорный орган, право ЕС дополняет их высокими штрафами и правом на компенсацию, а Конвенция ООН против киберпреступности ориентирована на уголовное преследование виновных, но пока не вступила в силу. Российское законодательство восприняло многие из этих подходов, однако вопрос о сотрудничестве государств в устранении последствий утечки по-прежнему не решен ни в национальном, ни в международном праве. Именно его следует учитывать при подготовке новых соглашений в сфере защиты персональных данных.

Литература:

1. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент о защите персональных данных) // Official Journal of the European Union. — 2016. — L 119. — Р. 1–88.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 26.07.2026) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3451; 2026. — № 30. — Ст. 4111.
3. Агарков Б. В., Сурков А. Н. Гражданско-правовая ответственность медицинской организации за утечку персональных данных // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 79–94.
4. Бахтеев Д. В., Сосновикова А. М., Казенас Е. В. Преодоление нелегальной трансграничной передачи персональных данных // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 4. С. 943–972.
5. В России в 2025 году количество утечек персональных данных снизилось до 118 // WWW1.RU. 2026. 22 янв. URL: <https://www1.ru/news/2026/01/22/v-rossii-v-2025-godu-kolicestvo-utecek-personalnyx-dannyx-snizilos-do-118-amp.html> (дата обращения: 12.10.2026).
6. Решение Суда Европейского союза от 14 декабря 2023 г. по делу C-340/21 «VB v Natsionalna agentsia za prihodite» // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62021CJ0340> (дата обращения: 12.10.2026).
7. Ястребова А. Ю. Понятие и защита персональных данных в контексте международно-правовой регламентации цифрового пространства // Право и управление. XXI век. 2025. № 2 (75). С. 15–25.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН 24 декабря 2024 г.) (не вступила в силу) // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243> (дата обращения: 12.10.2026).
9. Штодина Д. Д. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 года — итог «киберкомпромисса»? // Московский журнал международного права. 2025. № 1. С. 110–124.
10. Ханойскую конвенцию наряду с Россией подписали более 60 стран // РАПСИ. 2025. 25 окт. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20251025/311274117.html (дата обращения: 12.10.2026).
11. Еще четыре государства подписали Конвенцию ООН против киберпреступности // РАПСИ. 2026. 28 сент. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20260928/312232330.html (дата обращения: 12.10.2026).
12. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28 января 1981 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 5. — Ст. 419.
13. Протокол о внесении изменений в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (CETS № 223) (открыт для подписания в г. Страсбурге 10 октября 2018 г.) // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/16808b36f1> (дата обращения: 12.10.2026).
14. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 420-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 49 (ч. IV). — Ст. 7411; 2025. — № 21. — Ст. 2525.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
16. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 49 (ч. IV). — Ст. 7412.

Правовые основы защиты персональных данных в цифровой среде

Зайцева Анастасия Александровна, студент

Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье исследуются правовые основы защиты персональных данных в цифровой среде Российской Федерации. Рассматриваются конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни, положения законодательства об информации и персональных данных, а также проблемы обеспечения безопасности информации в условиях цифровизации. На основе научных работ М. В. Алексеевой и соавторов анализируется значение информационного права для регулирования отношений в цифровом пространстве. Обосновываются предложения по совершенствованию правовых и организационных механизмов защиты персональных данных.

Ключевые слова: *персональные данные, информационное право, цифровая среда, защита информации, информационная безопасность, конфиденциальность, цифровизация.*

Введение

Развитие информационных технологий оказывает существенное влияние на общественные отношения и деятельность государства. Использование электронных государственных услуг, социальных сетей, интернет-магазинов и мобильных приложений сопровождается постоянным сбором и обработкой сведений о гражданах. В результате персональные данные становятся значимым объектом правового регулирования, а обеспечение их безопасности — одним из основных условий защиты прав человека в цифровой среде.

Актуальность темы обусловлена тем, что расширение возможностей обработки информации сопровождается

увеличением рисков её неправомерного использования, утечек и распространения без достаточных правовых оснований. При этом действующие нормы должны учитывать не только традиционные способы обработки сведений, но и особенности современных цифровых технологий.

Теоретической основой исследования выступают работы М. В. Алексеевой, С. В. Рыбака и М. Б. Смоленского по информационному праву, публикация М. В. Алексеевой о законодательных основах информационной деятельности, а также исследование М. В. Алексеевой и Е. А. Филимоновой о трансформации государства под влиянием цифровых технологий [1–3].

Цель исследования — определить основные правовые механизмы защиты персональных данных в цифровой

среде и сформулировать предложения по совершенствованию соответствующего регулирования.

1. Правовые основы защиты персональных данных

Право на защиту персональных данных непосредственно связано с конституционными гарантиями частной жизни. Согласно статье 23 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Статья 24 Конституции РФ устанавливает, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются, кроме предусмотренных законом случаев.

Специальным нормативным правовым актом в данной сфере является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». В соответствии со статьёй 3 данного закона персональные данные — это «любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определённому или определяемому физическому лицу». Следовательно, к ним могут относиться не только фамилия, имя, номер телефона и адрес электронной почты, но и иные сведения, позволяющие идентифицировать человека.

Закон № 152-ФЗ закрепляет основные принципы обработки персональных данных, включая законность и справедливость, ограничение обработки конкретными целями, недопустимость избыточного сбора информации и обеспечение точности обрабатываемых сведений. Оператор обязан иметь предусмотренное законодательством основание для обработки данных и соблюдать установленные требования к их защите.

При этом согласие субъекта персональных данных не является единственным возможным основанием обработки. Закон предусматривает и другие случаи, например необходимость исполнения установленных законодательством обязанностей. Поэтому правомерность обработки следует оценивать с учётом конкретной ситуации и соответствующего правового основания.

Важную роль играет также Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Он определяет общие правовые условия осуществления информационных отношений и защиты информации. Совместное применение указанных законов позволяет рассматривать защиту персональных данных как часть более широкой системы правового регулирования информационной сферы.

В работе М. В. Алексеевой, С. В. Рыбака и М. Б. Смоленского «Информационное право» систематизированы основные положения информационно-правового регулирования, включая вопросы информационной безопасности и ответственности за правонарушения в информационной сфере [1]. Данный подход позволяет рассматривать защиту персональных данных не изолированно, а в контексте общего механизма обеспечения законности при работе с информацией.

Таким образом, российская правовая система предусматривает комплекс гарантий защиты персональных

данных. Однако практическая эффективность этих гарантий зависит от соблюдения установленных требований государственными органами, организациями и иными операторами.

2. Основные проблемы защиты персональных данных в цифровой среде

Современная цифровая среда характеризуется значительным объёмом собираемой информации и высокой скоростью её передачи. Это создаёт дополнительные трудности для обеспечения конфиденциальности и контроля за дальнейшим использованием персональных данных.

Одной из наиболее существенных проблем является риск утечки информации. Несанкционированный доступ к информационным системам, недостаточная защита учётных записей и ошибки работников могут привести к распространению сведений о гражданах. Подобные нарушения способны повлечь имущественный ущерб, мошенничество и вмешательство в частную жизнь.

Другая проблема связана с осознанностью согласия на обработку данных. Пользователи нередко принимают условия интернет-сервисов, не изучая их содержание. В результате человек может не понимать, какие сведения собираются, как долго они хранятся и при каких условиях передаются третьим лицам. Формальное получение согласия поэтому не всегда обеспечивает реальное понимание субъектом последствий обработки информации.

В статье М. В. Алексеевой «Законодательные основы информационной деятельности в современных условиях» рассматриваются нормативные основы информационной деятельности государства и значение законодательства для регулирования соответствующих отношений [2]. Применительно к защите персональных данных это позволяет подчеркнуть необходимость согласованного регулирования информационных процессов и соблюдения правовых требований при работе с информацией.

Дополнительные риски возникают в связи с применением биометрических технологий и искусственного интеллекта. Распознавание лиц, анализ голоса и автоматизированная обработка больших массивов информации расширяют возможности идентификации человека. Вместе с тем подобные технологии требуют повышенного внимания к целям обработки, безопасности данных и предотвращению неправомерного использования результатов анализа.

М. В. Алексеева и Е. А. Филимонова в исследовании особенностей трансформации государства в условиях развития цифровых технологий обращают внимание на влияние цифровизации на общественные отношения и на необходимость совершенствования правового регулирования [3]. Для рассматриваемой темы это особенно важно, поскольку цифровое развитие предполагает не только внедрение новых технических решений, но и адаптацию правовых механизмов к возникающим рискам.

По моему мнению, одна из главных проблем заключается в несоответствии между широкими возможностями

сбора информации и ограниченными возможностями обычного пользователя контролировать её дальнейшее использование. Гражданин может передать данные для получения конкретной услуги, но не всегда способен оценить все последствия их хранения, анализа и передачи другим организациям.

Следовательно, эффективная защита должна включать не только соблюдение формальных требований законодательства, но и понятное информирование граждан, ограничение сбора избыточных сведений и применение надлежащих технических средств безопасности.

3. Совершенствование правовых механизмов защиты персональных данных

Защита персональных данных предполагает сочетание правовых, организационных и технических мер. В соответствии с законодательством оператор должен принимать необходимые меры для обеспечения безопасности обрабатываемой информации и предотвращения неправомерного доступа к ней.

За нарушение требований законодательства предусмотрена ответственность, в частности административная ответственность по статье 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В предусмотренных законом случаях могут применяться и иные меры ответственности. При этом правовые последствия зависят от характера нарушения, обстоятельств дела и установленных законом условий.

Вместе с тем привлечение виновных лиц к ответственности не должно рассматриваться как единственный способ обеспечения безопасности. Существенное значение имеют профилактические меры: разграничение доступа к информационным системам, регулярная проверка защищённости, обучение работников и своевременное устранение выявленных уязвимостей.

Представляется целесообразным выделить несколько направлений совершенствования защиты персональных данных.

Во-первых, необходимо повышать прозрачность обработки информации. Пользователь должен получать понятные сведения о целях сбора данных, правовых основаниях обработки, сроках хранения и условиях передачи информации третьим лицам.

Во-вторых, следует развивать практические механизмы реализации прав субъектов персональных данных. В частности, важно обеспечивать доступные способы направления обращений, получения информации об обработке и защиты нарушенных прав.

В-третьих, организациям необходимо уделять больше внимания предупреждению утечек и оценке рисков. За-

щита информации должна обеспечиваться на всех этапах её обработки, а объём применяемых мер — соответствовать характеру данных и возможным последствиям нарушения безопасности.

В-четвёртых, необходимо повышать цифровую грамотность населения. Гражданам следует разъяснять значение настроек конфиденциальности, правила безопасного использования интернет-сервисов и способы защиты персональных сведений.

На мой взгляд, дальнейшее развитие законодательства должно основываться на балансе между интересами цифровой экономики и правами личности. Чрезмерные ограничения способны затруднить законное использование информационных технологий, однако недостаточная защита создаёт угрозу частной жизни и доверию граждан к цифровым сервисам. Поэтому правовое регулирование должно сочетать понятные требования к операторам, эффективный контроль и реальные возможности восстановления нарушенных прав.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что правовые основы защиты персональных данных в цифровой среде Российской Федерации формируются совокупностью конституционных гарантий, федерального законодательства и подзаконных нормативных актов. Центральное место в этой системе занимает Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», устанавливающий основные принципы и условия обработки информации о физических лицах.

Анализ научных работ по информационному праву и цифровой трансформации показывает значимость комплексного подхода к регулированию информационных отношений. При этом развитие технологий требует постоянного совершенствования механизмов обеспечения информационной безопасности и защиты прав граждан.

Авторская позиция заключается в том, что персональные данные следует рассматривать не только как объект правового регулирования, но и как важнейший элемент неприкосновенности частной жизни. Эффективная защита предполагает, что человек может понимать, как используются его сведения, реализовывать предусмотренные законом права и добиваться восстановления нарушенных интересов.

Таким образом, совершенствование правовой защиты персональных данных должно осуществляться посредством сочетания законодательных гарантий, профилактики нарушений, технической безопасности и повышения цифровой грамотности населения. Такой подход позволит обеспечить более надёжную защиту прав граждан в условиях дальнейшего развития цифрового общества.

Литература:

1. Алексеева М. В., Рыбак С. В., Смоленский М. Б. Информационное право: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2022. 190 с. ISBN 978-5-7890-2005-0.

2. Алексеева М. В. Законодательные основы информационной деятельности в современных условиях // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2012. № 1 (12). С. 69–74.
3. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2, № 2. С. 14–21. DOI: 10.23947/2949–1843–2024–2-2-14–21.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом действующих поправок).
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.
6. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.

Криминологическая характеристика личности женщин, совершающих преступления

Зеленина Алина Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Хомяков Эдуард Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В современной криминологии все большее внимание уделяется изучению личности женщины-преступницы. Настоящая статья представляет собой всесторонний анализ этого явления в контексте современной России. В статье раскрыта комплексная картина личности женщины-преступницы, выходящая за рамки простого статистического описания.

Ключевые слова: женская преступность, личность преступницы, преступница, криминологическая характеристика.

Criminological characteristics of the personality of women who commit crimes

Zelenina Alina Alekseevna, master's student

Scientific advisor: Khomyakov Eduard Gennadievich, candidate of sciences in law, associate professor
Udmurt State University (Izhevsk)

In modern criminology, more and more attention is being paid to the study of the personality of a female criminal. This article provides a comprehensive analysis of this phenomenon in the context of modern Russia. It reveals a complex picture of the personality of a female criminal that goes beyond simple statistical descriptions.

Keywords: female crime, criminal personality, female criminal, criminological characteristics.

Криминологическая характеристика женской преступности предполагает изучение личности тех, кто совершил преступление. Это имеет важное значение для познания причинно-следственных связей, а также для осуществления профилактических мероприятий.

Как пишут Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов, «первостепенное значение в криминологической характеристике личности преступника играют социально-демографические показатели, которые представляют собой учет пола, возраста, образования, семейного положения и других социально-демографических признаков» [2].

Возраст играет решающую роль почти во всех вопросах уголовного права. Именно он показывает, может ли человек вообще отвечать за преступление.

Анализ возраста нарушительниц закона — это важный инструмент для того, чтобы отслеживать динамику преступности и эффективно разрабатывать профилактические программы. Обычно статистику разбивают на шесть

категорий (от 18 до 60+ лет), и лидером среди них выступает группа 21–30 лет, на которую приходится почти треть всех женских преступлений (32 %).

Это говорит о том, что общее «омоложение» преступности в последние годы затронуло и женскую преступность. На втором месте находятся женщины 31–40 лет – 28 %, а затем группа 41–50 лет – 23 %. Минимальный уровень преступности наблюдается среди женщин старшего возраста (после 60 лет — всего 1 %), а также в категориях 51–60 лет (7 %) и 18–20 лет (9 %). Всплеск криминальной активности после 30 лет исследователи обычно связывают с семейными неурядицами или профессиональной деятельностью. При этом отмечается тревожный рост правонарушений среди несовершеннолетних девочек.

Что касается мотивов, то корыстные побуждения чаще всего движут женщинами в возрасте от 31 до 40 лет и старше. Однако, по мнению исследователя Е. Р. Чернышевой, насильственные преступления ради наживы всё

чаще совершают молодые женщины от 18 до 30 лет. Это свидетельствует о «омоложении» преступности и нарастании агрессии в молодежной среде [7].

Уровень полученного образования во многом определяет личностные ценности, увлечения и социальный портрет человека. Несмотря на то, что степень образованности напрямую не предопределяет склонность к правонарушениям, она серьезно сказывается на правосознании граждан и их умении принимать взвешенные решения в различных ситуациях.

Статистика распределения уровня образования среди женщин, преступивших закон, выглядит следующим образом:

- Школьный аттестат (среднее образование) — 34,4 %
- Диплом колледжа или техникума (среднее специальное) — 32,1 %
- Высшее образование — 17,6 %
- Неоконченное школьное обучение (неполное среднее) — 13,4 %
- Неоконченное вузовское обучение (неполное высшее) — 2,5 % [4].

В криминологии нередко пытались понять, связано ли образование женщины с ее преступным поведением. Такая связь действительно есть, но она не прямая. На нее влияют и другие качества, которые формируются вместе с получением образования.

Карьерный рост и семейные обстоятельства выступают мощными факторами, влияющими на женскую преступность. С одной стороны, высокий уровень образования открывает доступ к руководящим должностям. Однако для некоторых людей с деформированными моральными ценностями статус и власть становятся инструментом для реализации корыстных интересов на рабочем месте [1].

С другой стороны, на характер правонарушений сильно влияет семейный статус. Статистический срез показывает, что среди преступивших закон женщин доли замужних и одиноких практически равны:

- Состояли в браке — 39,7 %
- Никогда не были замужем — 38,7 %
- Находились в разводе — 17 %
- Потеряли супруга (вдовы) — 4,6 %

Криминологи Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов подчеркивают, что в условиях распада семьи одинокие женщины вынуждены в одиночку содержать детей и пожилых родителей. Острая нехватка денег и груз ответственности за близких нередко вынуждают их искать выход из финансового тупика незаконными путями [2].

Еще один признак, который помогает лучше понять социальный облик женщины, — это ее профессия и занятость. Отсутствие работы здесь выступает серьезным криминогенным фактором. Согласно статистике, чуть меньше половины осужденных женщин (45 %) на момент совершения преступления не имели стабильного заработка, в то время как остальные 55 % были официально или неофициально трудоустроены по найму.

При этом исследователь С. А. Шоткинов обращает внимание на то, что для полноценного составления криминологического портрета недостаточно одних лишь сухих цифр. Крайне важно анализировать внутренний мир правонарушительниц — их моральные ориентиры, психологические черты, повседневные привычки, а также спектр их реальных потребностей и жизненных приоритетов [8].

Известно, что пьянство и наркотики часто соседствуют с преступностью. Когда среди женщин начинает широко распространяться алкоголь и алкоголизм, немало преступлений совершается просто ради того, чтобы получить новую порцию спиртного. В результате алкоголь медленно ломает личность женщины. При регулярном употреблении спиртного у человека возникает физическая зависимость, а вместе с ней меняются его нравственные и психологические качества.

Злоупотребление спиртным кардинально меняет систему ценностей женщины, выдвигая поиск алкоголя на первое место и вытесняя здоровые социальные интересы. Зависимость деформирует личность: у человека укореняются антиобщественные установки, развиваются лживость, агрессивная грубость, циничное отношение к окружающим и неадекватное самомнение. Происходит глубокий упадок духовной и моральной сфер. Для многих правонарушительниц нормой становятся беспорядочные половые связи, ранний сексуальный дебют и игнорирование базовых этических правил. При этом эксперты прослеживают четкую корреляцию между подростковым алкоголизмом и преждевременным началом интимной жизни [6].

Изучение возраста женщин, страдающих от пагубного пристрастия, демонстрирует тревожную тенденцию — в зону риска попадает наиболее трудоспособное население:

- 31–40 лет (пик зависимости) — около 35 %
- 41–50 лет — 24,4 %
- 21–30 лет — 19,8 %

Таким образом, основную массу составляют зрелые женщины, которые, в силу своего возраста и жизненного опыта, предположительно должны осознавать пагубные последствия алкогольной зависимости. Более того, хроническое злоупотребление алкоголем часто служит катализатором для вовлечения в другие виды девиантного поведения. Например, установлена прямая корреляция между алкоголизмом и проституцией.

Зависимости и криминальный опыт выступают мощными катализаторами ускоренной деградации личности женщины. Статистические данные ВНИИ МВД России четко прослеживают эту связь: абсолютное большинство женщин (96 %), вовлеченных в секс-индустрию, начали оказывать подобные услуги из-за хронического алкоголизма [3].

Чтобы составить объективный криминологический портрет преступницы, необходимо детально изучить юридические параметры. Сюда относятся специфика совершенных злодеяний, степень вовлеченности в груп-

повую преступность, прошлая судимость и строгость назначенного судом наказания.

Проблема повторных правонарушений среди женщин имеет свои особенности:

- Общий уровень рецидива — 27 % женщин ранее уже привлекались к ответственности.
- Одна прошлая судимость — у 20 % осужденных.
- Две судимости — у 4,5 %.
- Три и более судимостей — у 2,7 %.

Для многократно судимых женщин свойственна глубокая социальная дезориентация. Из-за пристрастия к алкоголю они полностью разрывают полезные связи с обществом и теряют жизненные ориентиры. Такие лица с трудом контролируют свои порывы, игнорируют общественные устои и чужие права. Для них типичны отказ от честного труда, наркомания и разрушение морально-волевой сферы. Примечательно, что деформация личности и потеря человеческого облика у женщин-рецидивисток происходят гораздо быстрее и необратимее, чем у мужчин с аналогичным криминальным прошлым [1, с. 94].

Итак, подытоживая все вышеизложенное можно сделать вывод, что характерные черты характера женщин-правонарушительниц, в целом, в значительной степени соответствуют тем, которые наблюдаются в общей популяции правонарушителей. Тем не менее, современные

женщины-правонарушительницы также проявляют определенный набор возникающих вредных личностных характеристик:

- за последнее десятилетие произошли существенные изменения в криминогенном поведении женщин. Отмечается значительное омоложение возраста, в котором женщины начинают совершать противоправные действия, причем пик приходится на возрастной диапазон от 20 до 30 лет.
- наблюдается тенденция к повышению уровня образования среди женщин, вовлеченных в преступную деятельность. Это может свидетельствовать о более сложных мотивах и формах преступлений, совершаемых современными женщинами-правонарушительницами.
- усиление деструктивного влияния семьи. Современные женщины, совершающие преступления, демонстрируют еще более выраженное отчуждение от семейных ценностей и конструктивных ролей, чем было зафиксировано ранее.
- растет число преступлений, совершаемых женщинами в состоянии алкогольного опьянения или с прямой целью получить доступ к алкоголю или наркотическим веществам. Это указывает на усиление проблем, связанных с зависимостями, как одного из факторов, провоцирующих криминальное поведение.

Литература:

1. Ретунская Т. П. Криминологическая характеристика женской преступности // Публичное и частное право. 2019. № 4. С. 121.
2. Антонян, Ю. М. Личность преступника: криминологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. -Москва: Норма, ИНФРА-М, 2010. -366, с.: ил., табл.: 22 см.; ISBN 978-5-91768-077-4 (Норма), 978-5-16-004054-7 (ИНФРА-М).
3. Верещагин В. А. Наркотизация населения на территории Российской Федерации [Текст]: монография / В. А. Верещагин; ред. Л. М. Исаева. — М.: ВНИИ МВД России, 2005. — 254 с.
4. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2021.
5. Кунц Е. В. Преступность среди женщин в современной России. М.: Юрлитинформ. 2009.
6. Телегина, Е. Г. Насильственная преступность лиц женского пола: криминологический и виктимологический аспекты [Текст]: монография / Е. Г. Телегина; Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» в г. Новороссийске. -Москва: РУСАЙНС, 2017. -105 с.: табл.: 21 см.; ISBN 978-5-4365-2060-5.
7. Чернышева Е. Р. Криминологическая характеристика современной женской преступности и ее предупреждение: дис.... канд. юрид. н. Ростов н/Д., 2007. — 26
8. Шоткинов С. А. Женская преступность монография / С. А. Шоткинов. -М.: Компания Спутник+, 2004. -121 с. ил., табл.; 21. -ISBN 5-93406-696-X.

Прокурорский надзор за обеспечением жильём детей-сирот: проблемы исполнения судебных решений и практика применения жилищных сертификатов

Зелепукин Владимир Алексеевич, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа. Особое внимание уделяется длительному неисполнению судебных решений о предоставлении жилых помещений, а также практике применения жилищных сертификатов (выплат), введённых статьёй 8.1 Федерального закона № 159-ФЗ. Анализируется роль органов прокуратуры в выявлении и устранении нарушений в данной сфере. На основе данных Счётной палаты Российской Федерации и правоприменительной практики формулируются предложения по совершенствованию законодательства и повышению эффективности прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор, дети-сироты, жилищные права, судебные решения, жилищный сертификат, обеспечение жильём, Федеральный закон № 159-ФЗ.

Обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа продолжает оставаться одной из наиболее сложных социально-правовых проблем в Российской Федерации. Несмотря на наличие специальных правовых гарантий, закреплённых в Федеральном законе от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [1], значительная часть граждан данной категории длительное время не может реализовать своё право на жильё.

По данным Счётной палаты Российской Федерации, по состоянию на 1 июля 2025 г. численность детей-сирот и лиц из их числа, своевременно не обеспеченных жилыми помещениями, составляла 180,1 тыс. человек. Одновременно на 1 января 2025 г. оставались неисполненными 24,1 тыс. судебных решений об обязанности предоставить жилые помещения [2]. В ряде субъектов Российской Федерации, несмотря на заметное сокращение очереди в 2024–2025 годах, проблема неисполненных судебных решений и недостаточности финансирования сохраняла свою остроту.

Введение механизма предоставления выплаты на приобретение благоустроенного жилого помещения (жилищного сертификата) в соответствии со статьёй 8.1 Федерального закона № 159-ФЗ [3] расширило возможности реализации жилищных прав. Однако практика применения данного механизма выявила ряд правовых и организационных трудностей, связанных с определением размера выплаты, требованиями к подтверждению дохода и недостаточной обеспеченностью суммой сертификата рыночной стоимости жилья.

Особую роль здесь играют органы прокуратуры. Именно они чаще всего выявляют системные нарушения при формировании списков, предоставлении жилья и исполнении судебных решений. Прокуроры не только вносят представления и предостережения, но и активно обраца-

ются в суды в интересах детей-сирот и лиц из их числа, добиваясь реального восстановления нарушенных прав.

В статье анализируются актуальные проблемы реализации жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа посредством предоставления жилых помещений и жилищных сертификатов, а также роль органов прокуратуры в их решении с учётом общероссийской практики.

2. Правовые основы обеспечения жилыми помещениями и предоставления жилищных сертификатов

Правовое регулирование отношений по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа осуществляется преимущественно нормами Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ. В соответствии со статьёй 8 указанного закона указанным лицам однократно предоставляются благоустроенные жилые помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений. Предоставление жилых помещений осуществляется по письменному заявлению указанных лиц по достижении ими возраста 18 лет, а также в случае приобретения ими полной дееспособности до достижения совершеннолетия.

Пунктом 4 статьи 8 Федерального закона № 159-ФЗ установлены основания, при наличии которых проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признаётся невозможным. К числу таких оснований относятся, в частности, несоответствие жилого помещения установленным санитарным и техническим требованиям, а также наличие обстоятельств, свидетельствующих о невозможности совместного проживания с лицами, ранее занимавшими данное помещение. Указанная норма активно применяется судами при рассмотрении дел о предоставлении жилья детям-сиротам.

Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 461-ФЗ Федеральный закон № 159-ФЗ дополнен статьёй 8.1, предусматривающей возможность предоставления выплаты на приобретение благоустроенного жилого помещения в собственность либо на полное погашение кредита (займа), обязательства по которому обеспечены ипотекой. Введение данного механизма направлено на расширение способов реализации жилищных прав указанной категории граждан в условиях дефицита жилых помещений специализированного жилищного фонда. Вместе с тем федеральный законодатель предоставил субъектам Российской Федерации значительную свободу в определении условий и порядка предоставления указанной выплаты.

Право прокурора на обращение в суд в защиту жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа закреплено в статье 10 Федерального закона № 159-ФЗ, а также в статье 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4]. Судебная практика исходит из того, что социально уязвимое положение данной категории граждан само по себе является достаточным основанием для реализации прокурором права на обращение в суд в их интересах.

В деятельности органов прокуратуры по защите жилищных прав детей-сирот можно выделить два основных направления. Первое заключается в осуществлении надзора за законностью формирования и ведения списков детей-сирот и лиц из их числа, подлежащих обеспечению жилыми помещениями. Второе направление связано с предъявлением в суды исковых заявлений о предоставлении жилых помещений либо о включении в соответствующие списки. Обращение прокурора в суд остаётся наиболее эффективным средством восстановления нарушенных жилищных прав, поскольку судебное решение создаёт юридическую обязанность, обеспеченную мерами государственного принуждения.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что в отдельные периоды в ряде субъектов Российской Федерации предоставление жилых помещений детям-сиротам осуществлялось преимущественно на основании судебных решений, вынесенных по искам прокуроров. Данное обстоятельство подтверждает сохраняющуюся высокую значимость судебной формы защиты жилищных прав указанной категории граждан.

3. Проблемы исполнения судебных решений о предоставлении жилья

Одной из наиболее устойчивых и системных проблем в сфере реализации жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа остаётся длительное неисполнение судебных решений о предоставлении жилых помещений. По данным Счётной палаты Российской Федерации, по состоянию на 1 января 2025 г. в целом по стране оставались неисполненными 24,1 тыс. таких решений [2]. Несмотря на сокращение их количества за предшествующие два года на 28 %, масштабы проблемы продолжают оставаться значительными и свидетельствуют о сохранении серьёзного разрыва между судебной защитой права и его фактической реализацией.

Неисполнение судебных актов порождает дополнительные бюджетные потери. В 2023–2024 годах только в четырёх субъектах Российской Федерации (Алтайский край, Оренбургская, Тверская и Челябинская области) на оплату исполнительских сборов и административных штрафов было израсходовано 39,5 млн рублей [2]. Указанные средства фактически изымаются из программ обеспечения жильём и могли бы быть направлены на приобретение квартир. Таким образом, государство несёт двойные расходы: сначала на содержание аппарата, который не исполняет судебные решения, а затем — на оплату санкций за это неисполнение.

Основными причинами неисполнения судебных решений выступают недостаточность финансирования соответствующих расходных обязательств и отсутствие в специализированном жилищном фонде свободных жилых помещений, отвечающих санитарным и техническим требованиям. Анализ судебной практики показывает, что даже при наличии вступившего в законную силу решения суда органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации нередко ссылаются на дефицит бюджетных средств либо на объективную невозможность своевременного приобретения жилья. В результате граждане, в пользу которых вынесены судебные акты, продолжают находиться в состоянии неопределённости в течение нескольких лет.

Наличие судебного решения формально ставит гражданина в преимущественное положение по сравнению с иными лицами, включёнными в список подлежащих обеспечению жильём. Однако на практике данное преимущество часто носит номинальный характер. Сроки реального исполнения решений судов могут достигать 3–5 лет и более. В таких условиях судебная форма защиты частично утрачивает свою эффективность, поскольку гражданин, выигравший дело, фактически остаётся в том же положении, что и лица, ещё не обратившиеся в суд.

Таким образом, проблема неисполнения судебных решений сохраняет системный характер. Её решение требует не только увеличения объёмов финансирования, но и совершенствования механизмов контроля за исполнением судебных актов, включая более активное использование органами прокуратуры полномочий по понуждению к исполнению и взысканию компенсации за длительное неисполнение судебных решений.

4. Практика применения жилищных сертификатов (выплат)

Существенным нововведением в механизме обеспечения жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа стало введение статьи 8.1 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (в редакции Федерального закона

от 4 августа 2023 г. № 461-ФЗ). Данная норма предусматривает право на однократное предоставление за счёт средств бюджета субъекта Российской Федерации выплаты на приобретение благоустроенного жилого помещения в собственность либо на полное погашение кредита (займа), обязательства по которому обеспечены ипотекой.

Право на получение выплаты возникает при одновременном соблюдении ряда условий, установленных пунктом 2 статьи 8.1: достижение заявителем возраста 23 лет; наличие документально подтверждённого дохода не ниже минимального размера оплаты труда от трудовой, предпринимательской и (или) иной не запрещённой законом деятельности за двенадцать календарных месяцев, предшествующих месяцу обращения; отсутствие задолженности по налогам и сборам, а также иным обязательным платежам в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации (за исключением сумм, по которым предоставлена отсрочка или рассрочка) [1].

Статистические данные свидетельствуют о расширении практики применения указанного механизма. Если в 2022 году он использовался в 41 субъекте Российской Федерации, то к 2025 году — уже в 65. В 2023–2024 годах с помощью жилищных сертификатов жильё ежегодно приобретали около 9 тыс. человек, что составляло примерно 24 % от общего числа граждан указанной категории, обеспеченных жилыми помещениями [2].

Вместе с тем реализация статьи 8.1 на практике сопряжена с рядом существенных правовых и организационных проблем. Наиболее системной из них является порядок определения размера выплаты. В настоящее время он рассчитывается исходя из среднерыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения, утверждаемой Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации в целом по субъекту Российской Федерации. По оценке Счётной палаты Российской Федерации, в большинстве муниципальных образований номинал сертификата существенно превышает реальную стоимость приобретения жилья (в среднем на 30 %) [2]. Это обстоятельство приводит к ограничению количества выдаваемых сертификатов и неэффективному расходованию бюджетных средств. Контрольное ведомство неоднократно указывало на необходимость дифференциации стоимости сертификатов в разрезе муниципальных образований, что, по расчётам, позволило бы ежегодно оптимизировать расходы бюджетной системы на сумму порядка 2 млрд рублей либо дополнительно обеспечить жильём около 500 детей-сирот.

Другой значимой проблемой остаётся условие о подтверждении дохода. Требование о наличии у заявителя официального дохода не ниже минимального размера оплаты труда в течение двенадцати месяцев фактически исключает из числа получателей значительную часть лиц из числа детей-сирот, не имеющих стабильной трудовой занятости. Кроме того, до недавнего времени при расчёте дохода не учитывались доходы супруга (супруги) заяви-

теля, что дополнительно сужало круг потенциальных получателей. В судебной практике и актах прокурорского реагирования фиксировались случаи необоснованных отказов в предоставлении выплаты именно по данному основанию.

Наконец, даже при получении сертификата его размер нередко оказывается недостаточным для приобретения благоустроенного жилого помещения на рынке, особенно в административных центрах субъектов Российской Федерации. В таких случаях граждане вынуждены либо отказываться от выплаты, либо привлекать дополнительные собственные средства, что для многих из них затруднительно в силу социально-экономического положения.

Таким образом, жилищные сертификаты представляют собой важный дополнительный инструмент реализации жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа. Однако сохраняющиеся недостатки правового регулирования порядка определения размера выплаты, условий её предоставления и обеспеченности рыночной стоимости жилья требуют дальнейшей корректировки законодательства и совершенствования правоприменительной практики.

5. Роль органов прокуратуры в преодолении выявленных проблем

Органы прокуратуры занимают ключевое место в механизме защиты жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа. В соответствии со статьёй 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5] и пунктом 2.1.11 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 744 [6] прокуроры обязаны систематически осуществлять надзор за соблюдением прав указанной категории граждан на обеспечение жилыми помещениями, выявлять нарушения законодательства и принимать меры прокурорского реагирования.

В рассматриваемой сфере прокурорский надзор реализуется по нескольким взаимосвязанным направлениям. Первое направление — надзор за законностью формирования и ведения списков детей-сирот и лиц из их числа, подлежащих обеспечению жилыми помещениями. Прокурорские проверки регулярно выявляют факты несвоевременного включения граждан в списки, необоснованного исключения из них, а также нарушения порядка информирования о возникновении права на жильё. По результатам таких проверок вносятся представления об устранении нарушений законодательства, в ряде случаев возбуждаются дела об административных правонарушениях в отношении должностных лиц.

Второе направление связано с контролем за исполнением судебных решений о предоставлении жилых помещений. Длительное неисполнение судебных актов остаётся одним из наиболее распространённых и устойчивых нарушений. Прокуроры не ограничиваются внесением представлений и предостережений. В случаях длительного неисполнения они обращаются в суды с заявле-

ниями о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок, а также инициируют привлечение должностных лиц к административной ответственности по статье 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Практика показывает, что именно активная позиция прокуратуры нередко становится решающим фактором, побуждающим органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации к исполнению судебных решений [7].

Третье направление касается надзора за соблюдением порядка предоставления жилищных сертификатов (выплат). Прокуроры проверяют законность отказов в выдаче выплат, правильность определения их размера, соблюдение установленных сроков рассмотрения заявлений. В случае выявления необоснованных отказов либо нарушений процедуры прокуроры вносят акты реагирования, а при необходимости обращаются в суд в интересах конкретных граждан. В судебной практике имеются примеры удовлетворения исков прокуроров о признании незаконными отказов в предоставлении жилищных сертификатов и возложении обязанности по их выдаче.

Наиболее эффективным средством восстановления нарушенных жилищных прав остаётся обращение прокурора в суд в порядке статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Право прокурора на предъявление иска в интересах детей-сирот прямо закреплено также в статье 10 Федерального закона № 159-ФЗ. Суды последовательно исходят из того, что социально уязвимое положение данной категории граждан само по себе является достаточным основанием для реализации прокурором указанного права. Статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации свидетельствует, что ежегодно по искам прокуроров восстанавливаются жилищные права нескольких тысяч детей-сирот и лиц из их числа [8]. В ряде субъектов именно судебные решения, вынесенные по искам прокуроров, на протяжении длительного времени оставались основным (а иногда и единственным) основанием для фактического предоставления жилья.

Таким образом, органы прокуратуры выполняют функцию гаранта реализации жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа. Их деятельность позволяет не только устранять уже допущенные нарушения, но и оказывать существенное профилактическое воздействие на органы исполнительной власти, побуждая их к более ответственному исполнению возложенных законом обязанностей.

6. Заключение

Проведённый анализ показывает, что несмотря на наличие развитой нормативной базы, закрепляющей дополнительные гарантии жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа, реализация этих гарантий на практике сталкивается с существенными и во многом системными трудностями.

Наиболее острой проблемой остаётся длительное неисполнение судебных решений о предоставлении жилых помещений. По состоянию на 1 января 2025 г. в Российской Федерации оставались неисполненными 24,1 тыс. таких решений. Даже при сокращении их числа на 28 % за два предшествующих года масштабы неисполнения продолжают оставаться значительными. Это не только нарушает права конкретных граждан, но и приводит к непроизводительным расходам бюджета.

Введение механизма жилищных сертификатов (ст. 8.1 Федерального закона № 159-ФЗ) стало важным шагом. Однако практика выявила серьёзные недостатки. Порядок расчёта размера выплаты, основанный на единой среднерыночной стоимости квадратного метра по субъекту, приводит к тому, что номинал сертификата в большинстве муниципальных образований превышает реальную стоимость жилья в среднем на 30 %. Жёсткие требования к подтверждению дохода существенно ограничивают круг получателей. Кроме того, размер выплаты часто оказывается недостаточным для приобретения благоустроенного жилья, особенно в административных центрах регионов.

В этих условиях органы прокуратуры выполняют функцию реального гаранта жилищных прав указанной категории граждан. Именно прокурорские проверки выявляют нарушения при формировании списков, неисполнении судебных решений и отказах в предоставлении сертификатов. Наиболее эффективным инструментом остаётся обращение прокурора в суд: ежегодно по искам прокуроров восстанавливаются жилищные права нескольких тысяч человек.

Для повышения эффективности защиты жилищных прав детей-сирот и лиц из их числа представляется необходимым:

- совершенствовать порядок определения размера жилищного сертификата путём дифференциации среднерыночной стоимости квадратного метра в разрезе муниципальных образований;
- смягчить условия подтверждения дохода, в том числе путём учёта доходов супруга (супруги) заявителя;
- усилить механизмы контроля за исполнением судебных решений о предоставлении жилья, включая более активное применение института компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок;
- продолжить практику системного прокурорского надзора с акцентом на профилактику нарушений и своевременное реагирование на факты неисполнения судебных решений.

Только комплексный подход, сочетающий корректировку законодательства, увеличение и более рациональное использование финансирования, а также активную и последовательную позицию органов прокуратуры, способен обеспечить реальное, а не формальное исполнение государством своих обязательств перед детьми-сиротами и лицами из их числа.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.
2. Счётная палата Российской Федерации. Материалы экспертно-аналитических мероприятий по оценке обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и лиц из их числа (2023–2025 гг.) // Бюллетень Счётной палаты РФ; официальные публикации 2025 г.
3. Федеральный закон от 04.08.2023 № 461-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»» // Российская газета. 2023. 8 августа.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 2025 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
6. Приказ Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов».
7. Роль прокурора в защите жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Молодой учёный. 2024. № 42 (541). С. 128–131.
8. Судебная защита прокурором жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Молодой учёный. 2022. № 34 (429).

Правовое регулирование координационной деятельности органов прокуратуры в условиях военных конфликтов: проблемы и пути совершенствования

Исмаилова Диана Мирзабековна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования координационной деятельности органов прокуратуры в условиях военных конфликтов. Анализируются существующие правовые механизмы координации, выявляются пробелы в законодательстве и предлагаются пути их устранения. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия правоохранительных органов в особых правовых режимах.

Ключевые слова: прокуратура, координационная деятельность, военные конфликты, правовое регулирование, правоохранительные органы, взаимодействие, правопорядок.

Legal regulation of the coordinating activities of the prosecutor's office in the context of military conflicts: problems and ways of improvement

Ismailova Diana Mirzabekovna, master's student
Saratov State Law Academy

The article examines the current problems of legal regulation of the coordinating activities of the prosecutor's office in the context of military conflicts. The existing legal mechanisms of coordination are analyzed, gaps in legislation are identified and ways to eliminate them are proposed. Particular attention is paid to the issues of interaction of law enforcement agencies in special legal regimes.

Keywords: prosecutor's office, coordinating activity, military conflicts, legal regulation, law enforcement agencies, interaction, rule of law.

В современных условиях особую актуальность приобретает вопрос эффективного правового регулирования координационной деятельности органов прокуратуры. Координационная функция прокуратуры

становится ключевым инструментом обеспечения правопорядка в условиях военных конфликтов, требующим совершенствования существующих правовых механизмов, а координационная деятельность органов прокуратуры

представляет собой систему организационно-правовых мер, направленных на согласование действий правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

В условиях военных конфликтов данная деятельность приобретает особую значимость, поскольку требует оперативного реагирования на возникающие угрозы, вместе с тем, нормативно-правовая база координационной деятельности включает: Конституцию Российской Федерации; Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»; Указы Президента Российской Федерации; Межведомственные соглашения; Международные договоры.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить следующие проблемы: отсутствие единого нормативно-правового акта о координационной деятельности; недостаточная регламентация взаимодействия в условиях военного положения; пробелы в регулировании электронного документооборота; неопределенность статуса некоторых правоохранительных органов отсутствие четких критериев эффективности координационной деятельности.

В условиях военных конфликтов координационная деятельность прокуратуры приобретает особую специфику: требуется синхронизировать работу территориальных, военных и иных специализированных прокуратур, оперативно обмениваться информацией и принимать согласованные решения в меняющейся оперативной обстановке. Базовые принципы такого взаимодействия закреплены в ведомственных актах — например, в Приказе Генпрокуратуры России от 07.05.2008 № 84 (в ред. от 12.05.2026) «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур». [1] В нём прямо предписывается обеспечивать постоянное взаимодействие при осуществлении надзора, практиковать совместные проверки и координационные совещания. Вместе с тем на практике в зоне конфликта возникают дополнительные сложности (ограниченный

доступ, размытость границ полномочий в кризисной ситуации), которые выявляют пробелы в детализации алгоритмов межведомственного взаимодействия именно для таких условий. Совершенствование нормативной базы в этой сфере могло бы включать разработку специальных временных регламентов или методических рекомендаций, учитывающих специфику оперативной обстановки.

В условиях военных конфликтов особое значение приобретают:

- Оперативное выявление преступлений;
- Защита прав участников боевых действий;
- Документирование военных преступлений;
- Координация действий правоохранительных органов;

Совершенствование правового регулирования координационной деятельности органов прокуратуры требует комплексного подхода, включающего как нормативное закрепление существующих практик, так и разработку новых механизмов взаимодействия. Предложенные меры позволят повысить эффективность координационной деятельности в условиях военных конфликтов.

Для устранения выявленных проблем необходимо на постоянной основе разрабатывать и совершенствовать специализированный закон о координационной деятельности, создавать единую информационную систему межведомственного взаимодействия, а также уточнять правовой статус участников координационной деятельности для дальнейшего совершенствования механизмов оперативного реагирования с внедрением системы оценки эффективности координационной деятельности.

Совершенствование правового регулирования координационной деятельности органов прокуратуры требует комплексного подхода, включающего как нормативное закрепление существующих практик, так и разработку новых механизмов взаимодействия. Предложенные меры позволят повысить эффективность координационной деятельности в условиях военных конфликтов.

Литература:

1. Приказ Генпрокуратуры России от 07.05.2008 № 84 (в ред. от 12.05.2026) «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур».
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // Официальный интернетпортал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 07.09.2026).
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 22021 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. на текущую дату). — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.09.2026).
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» (в ред. от 12.05.2026). — Текст: электронный // Генеральная прокуратура Российской Федерации. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 04.09.2026).

Формирование адвокатом правовой позиции по гражданскому делу с использованием искусственного интеллекта: пределы допустимости и распределение ответственности

Казанова Анастасия Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается использование адвокатом искусственного интеллекта при выработке правовой позиции истца по гражданскому делу. На основе законодательства об адвокатуре, процессуального законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и судебной практики определяется, какие действия адвокат может выполнять с помощью искусственного интеллекта, а какие требуют его личного профессионального суждения. Показано, что применение искусственного интеллекта не перераспределяет ответственность, и предлагаются правила его использования адвокатами.

Ключевые слова: адвокат, правовая позиция, искусственный интеллект, гражданский процесс, исковое заявление, адвокатская тайна, ответственность адвоката.

Искусственный интеллект (далее — ИИ) стал обычным рабочим инструментом юристов. По опросу более 500 юристов, проведённому в ноябре 2025 г., ИИ пользуются 88 % из них, а главными препятствиями названы недостоверность информации (84 %), необходимость тщательно проверять каждый результат (80 %) и риски для конфиденциальных данных (77 %) [1]. Для адвоката, готовящего исковое заявление, эти риски касаются самого важного — правовой позиции по делу.

Специальных правил на этот счёт пока нет. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее — Закон об ИИ) регулирует разработку, внедрение и применение больших фундаментальных моделей ИИ (ч. 1 ст. 1), а об ответственности говорит лишь отсылкой к законодательству (ст. 11) [2]; обязанностей профессиональных пользователей он не устанавливает. Корпоративных правил тоже нет: по словам вице-президента Федеральной палаты адвокатов РФ (далее — ФПА РФ) С. Зубкова, законодательных ограничений для применения ИИ адвокатами нет, а единые подходы только вырабатываются рабочей группой [3]. Поэтому пределы допустимого приходится выводить из общих норм об адвокатуре и гражданском процессе. Цель статьи — определить, какие действия по формированию правовой позиции адвокат может выполнять с помощью ИИ и кто отвечает за его ошибки.

Понятие правовой позиции законом не раскрыто. В. Н. Козлова видит в ней мотивированное мнение о перспективах дела, основанное на анализе его обстоятельств, доказательств, норм права и разъяснений высших судов [4, с. 375]. Однако мнение о перспективах в иск не попадает. Поэтому в позиции адвоката — представителя истца мы различаем две стороны: внутреннюю (оценку перспектив и рисков, известную адвокату и доверителю и защищённую адвокатской тайной) и внешнюю (заявляемые суду утверждения о фактах, их юридической квалификации и способе защиты вместе с доказательствами).

Обе стороны складываются из разных действий, которые по-разному поддаются автоматизации, поэтому вопрос о допустимости ИИ нужно решать для каждого из них, а не для позиции в целом.

Ограничения ИИ следуют из его устройства. Языковая модель «предсказывает не обязательно правильный ответ, а наиболее вероятный» [5, с. 7], на просьбу подобрать судебную практику обычно выдаёт вымышленные источники, поэтому «все ответы модели необходимо перепроверять» [5, с. 16]. П. Е. Марчева приводит пример, когда чат-бот точно пересказал решение апелляционного суда, но не учёл, что жалоба на него уже рассмотрена вышестоящим судом [6, с. 39]. В. И. Фатхи и Э. П. Голенищев добавляют, что ИИ-системы «не могут дать оценку таким категориям, как соблюдение принципа добросовестности сторон правоотношений, возможное злоупотребление правом», а адвокату трудно понять, как система пришла к своему выводу [7, с. 67].

Отсюда граница допустимого. ИИ может выполнять вспомогательную работу: упорядочить рассказ доверителя и составить хронологию событий, предложить варианты квалификации для последующей проверки, найти нормы и практику, подготовить черновик иска, а также смоделировать возражения ответчика — Р. М. Янковский советует спрашивать модель, что сделает оппонент, чтобы парировать избранную стратегию [5, с. 17]. Но три действия требуют личного профессионального суждения: оценка доказательств, выбор способа защиты и оценка рисков. Способ защиты адвокат предлагает, а выбирает доверитель, поскольку предмет и основание иска определяет и изменяет истец (ч. 1 ст. 39 ГПК РФ) [8]; тем более этот выбор нельзя передать программе. Наконец, каждая ссылка на норму и судебный акт в иске должна быть проверена по первоисточнику «на соответствие реальности, действующему законодательству и актуальность» [6, с. 39].

Так же подходят к ИИ суды и профессиональное сообщество. А. А. Еськов рассматривает ИИ как инструмент познания и юридической техники, а не субъект правоприменения.

менения или источник доказательства [9, с. 126] и приводит дело № А60–39444/2024, в котором Суд по интеллектуальным правам расценил представленный стороной анализ языковой модели как анализ доказательств, то есть прерогативу суда [9, с. 122]. Президент ФПА РФ С. Володина провела ту же границу: «Если нам подбирают примеры, практику, противоречия — это помощь. Но оценка доказательств должна оставаться за человеком» [10]. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что лица, представившие в суд сведения о фактах, полученных с использованием технологий ИИ, должны сообщать об этом суду (п. 42 постановления от 21 мая 2026 г. № 15) [11]. Правовые доводы под это правило не подпадают, но и снисхождения к ошибке в них ждать не приходится.

Это показало дело № А27–7831/2025. Сторона сослалась в кассационной жалобе на акты высших судов, часть которых никогда не принималась. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа наложил на неё судебный штраф в 50 тыс. руб. за неуважение к суду, указав, что подготовка жалобы с помощью ИИ такое поведение не оправдывает, «поскольку в таком случае ответственность за достоверность сгенерированного текста несет лицо, участвующее в деле, использовавшее указанную технологию (часть 2 статьи 9 АПК РФ)» [12]. Суд опёрся на правило о том, что лица, участвующие в деле, несут риск последствий совершения или не совершения ими процессуальных действий [13]. В ГПК РФ такой нормы нет, и Н. С. Звягина предлагает дополнить ею ст. 12 ГПК РФ [14, с. 10]. Мы поддерживаем это предложение; пока же тот же вывод в гражданском процессе приходится делать из обязанности добросовестно пользоваться процессуальными правами (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ). За рубежом подход тот же: в 2023 г. в США были наказаны два адвоката, представившие суду записку с шестью вымышленными цитатами, а адвокат из Колорадо за аналогичные действия был отстранён от практики [6, с. 39].

Вторая граница — адвокатская тайна, которой являются любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи доверителю (п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», далее — Закон об адвокатуре) [15], включая сам факт обращения к адвокату (п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, далее — КПЭА) [16]. Адвокат не вправе без согласия доверителя разглашать сообщённые им сведения и использовать их в интересах третьих лиц (подп. 4 п. 1 ст. 9 КПЭА). Между тем всё, что вводится в окно общедоступного чат-бота, передаётся на сервер разработчика [5, с. 23]. С. В. Шаранов считает, что адвокат должен «исключить ситуации загрузки сведений, составляющих предмет адвокатской тайны, в искусственный интеллект» [17, с. 55]. Буквально понятое, это требование запрещало бы ИИ в работе над любым делом, ведь тайну составляет почти всё. Реалистичнее иное правило: в общедоступные сервисы передаются только обезличенные сведения, а материалы, позволяющие установить доверителя, обрабатываются в системах, развёрнутых в контуре адвокатского об-

разования, либо с письменного согласия доверителя — ведь освободить адвоката от обязанности хранить тайну может только он, и только письменно (п. 3 ст. 6 КПЭА).

Это согласие уместно получать в соглашении об оказании юридической помощи. С. Зубков полагает, что использование ИИ адвокат должен согласовать с доверителем и получить его одобрение [3], а В. И. Фатхи и Э. П. Голенищев относят обязанность информировать клиента об использовании ИИ и получать его согласие к принципам работы с ИИ [7, с. 68]. Е. Б. Подузова обосновывает, что согласие заказчика на оказание услуги с применением ИИ может быть включено в договор как его условие, должно быть письменным, а заказчика нужно информировать о рисках такой услуги [18, с. 78, 83]. Поэтому в соглашении целесообразно указать, для каких задач и в каких сервисах применяется ИИ и какие сведения в них можно передавать.

Остаётся вопрос о том, кто отвечает за ошибку ИИ. Сам ИИ, как справедливо отмечает Н. Н. Апостолова, «не является и не может являться субъектом юридической ответственности за последствия своих решений» [19, с. 15]. Разработчик в отношении адвоката с доверителем не вступает, а Закон об ИИ отсылает к общим правилам. Ответственность поэтому распределяется между доверителем и адвокатом, и применение ИИ её не меняет. Процессуальные последствия недостоверного иска несёт сторона: при действиях представителя по специальным полномочиям, указанным в доверенности, субъектом рискованного процессуального действия является сам представляемый [14, с. 16–17], а подписание и предъявление иска — именно такие действия. Перед доверителем же отвечает адвокат. Соглашение об оказании юридической помощи — гражданско-правовой договор (п. 2 ст. 25 Закона об адвокатуре), адвокатская деятельность не является предпринимательской (п. 2 ст. 1), поэтому адвокат отвечает при наличии вины (п. 1 ст. 401 ГК РФ) [20]. Ссылка на ошибку программы вину не исключает: инструмент выбрал и его результат использовал сам адвокат. А нарушение обязанности исполнять поручение честно, разумно, добросовестно и квалифицированно (ст. 8 КПЭА), допущенное умышленно или по грубой неосторожности, влечёт и дисциплинарную ответственность (п. 1 ст. 18 КПЭА).

Таким образом, при формировании правовой позиции ИИ допустим как вспомогательный инструмент для сбора и упорядочения сведений, поиска практики, подготовки черновиков и проверки доводов на прочность. Оценка доказательств, выбор способа защиты вместе с доверителем, оценка рисков и проверка каждой ссылки остаются личной работой адвоката. Ответственность при этом не перераспределяется: перед судом за достоверность заявленного отвечает сторона, перед доверителем — адвокат. В. И. Фатхи и Э. П. Голенищев предлагают закрепить правила применения ИИ в КПЭА [7, с. 67–68]. На первом этапе, по нашему мнению, достаточно разъяснения Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, которое проще принять и уточнять по мере развития технологий. В нём

следует закрепить обязанность проверять по первоисточнику все нормы и судебные акты, на которые ссылается адвокат, запрет передавать в общедоступные сервисы сведения, позволяющие установить доверителя, без его пись-

менного согласия и обязанность сообщать доверителю о применении ИИ. В ГПК РФ целесообразно закрепить правило о риске последствий процессуальных действий, аналогичное ч. 2 ст. 9 АПК РФ.

Литература:

1. Девять из десяти российских юристов используют ИИ. Итоги совместного исследования «Авито» и Право.ru // Право.ru. 2025. 22 дек. URL: <https://pravo.ru/story/261823/> (дата обращения: 13.10.2026).
2. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 30. — Ст. 4089.
3. Адвокатам не следует злоупотреблять помощью ИИ — ФПА // РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20251225/311476009.html (дата обращения: 13.10.2026).
4. Козлова В. Н. Вопросы формирования правовой позиции представителя по гражданским делам и экономическим спорам // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 372–375.
5. Янковский Р. М. Использование искусственного интеллекта в работе юриста: практическое руководство. Москва: НОУРУТС, 2025. 54 с.
6. Марчева П. Е. Риски адвокатской деятельности в аспекте информатизации и цифровой трансформации общества // Евразийская адвокатура. 2024. № 1 (66). С. 37–42.
7. Фатхи В. И., Голенищев Э. П. Использование искусственного интеллекта в адвокатской деятельности: проблемы и перспективы // Философия права. 2025. № 1 (112). С. 62–68.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2026. — № 32. — Ст. 4530.
9. Еськов А. А. *Machina adiuvat, homo iudicat*: системные пороки инструментов искусственного интеллекта и критерии допустимости в судопроизводстве // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 121–134.
10. Президент ФПА РФ рассказала о профессиональных ориентирах адвокатуры в цифровую эпоху // Адвокатская газета. URL: <https://clck.ru/3WURbh> (дата обращения: 13.10.2026).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2026. — № 7.
12. Крылов М. ИИ в судопроизводстве: две стороны медали // Адвокатская газета. URL: <https://clck.ru/3WUSBS> (дата обращения: 14.10.2026).
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012; 2025. — № 51. — Ст. 8004.
14. Звягина Н. С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 25 с.
15. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102; 2024. — № 18. — Ст. 2396.
16. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. — 2003. — № 2–3.
17. Шаранов С. В. Права, обязанности и ответственность адвоката при использовании искусственного интеллекта // Закон и право. 2025. № 11. С. 53–57.
18. Подузова Е. Б. Применение технологий искусственного интеллекта при оказании услуг: взгляд цивилиста на проблему // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 8 (165). С. 76–84.
19. Апостолова Н. Н. Принятие юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12, № 1. С. 13–17.
20. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 2026. — № 24. — Ст. 3099.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 04.11.2026. Дата выхода в свет: 11.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.